

КНИГА ТРЕТЬЯ

АКАДЕМИЯ АДАМСОН
ДЛЯ ПАРНЕЙ

Вечная когда-то

Пока смерть не разлучит нас...

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

Секрет раскрыт.

Я официально встречаюсь со всем Студенческим советом, но это не единственное, что выходит за рамки нормы в Академии Адамсон для парней.

Нет, я думаю, что убийства немного более примечательны, хотя мой отец мог бы с этим не согласиться. Он точно не в восторге от моего фальшивого жениха или других четырёх парней, от которых у меня учащается пульс.

Учитывая, что двое студентов мертвы, а у меня на хвосте трое нападавших, похоже, я следующая. Тот факт, что я являюсь мишенью, не подлежит сомнению, но вовлечены ли в это каким-то образом самые близкие мне люди? Все под подозрением — моя семья, мои одноклассники, даже мои новые парни.

Ладно, вот и всё. Я сделаю это: я приду в Адамсон в грёбаной юбке и надеру кое-кому задницу.

Следовать подсказкам, поймать плохих парней, обеспечить своё будущее. Потому что, если отбросить тайны убийств, это мой последний год в старшей школе, и ничто не длится вечно, верно? Даже вечная команда.

К.М.Станич

Вечная Команда

Академия Адамсон для парней — 3

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Вычитка: RyLero4ka

Переведено группами *Золочевская Ирина* || *Б. Б. Рейд* и *Джасинда Уайлдер* ||
Переводы книг (+18)

Примечание автора

Возможные спойлеры

«Вечная команда» (Академия Адамсон для парней #3) — это гарем наоборот, старшая школа, детективный роман об убийстве. Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Шарлотты Карсон, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. В этой книге нет никаких издевательств, во всяком случае, со стороны её любовных увлечений. Эта история никоим образом не оправдывает издевательства и не романтизирует их. Любовные увлечения в этом продолжении на самом деле чертовски хороши (особенно по сравнению с моими мальчиками из серии *«Богатенькие парни из Подготовительной Академии Бёрберри»*).

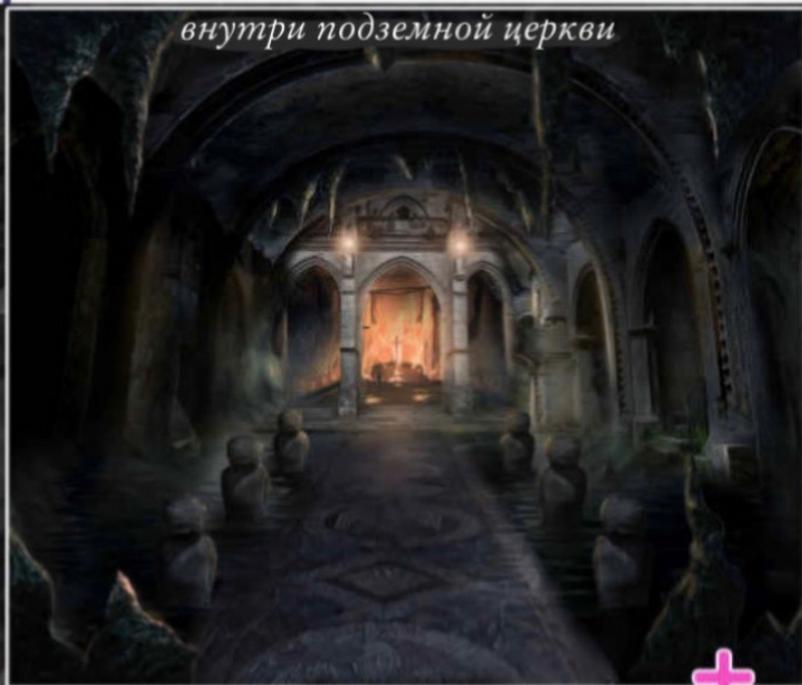
Любые поцелуи/сексуальные сцены с участием Шарлотты, она же Чак, происходят по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я бы не назвала их детьми. Персонажи причудливы, эмоции реальны, нецензурная лексика широко используется. Есть несколько случаев пьянства несовершеннолетних, сексуальные ситуации, упоминание о возможном самоубийстве второстепенного персонажа и другие сценарии для взрослых, хотя это остаётся довольно беззаботным чтением.

Шарлотта начинает как немного дерзкая девчонка, но я надеюсь, вам понравится развитие персонажа в этой серии.;

Ни один из главных героев не младше семнадцати лет. У этой истории будет счастливый конец в третьей и последней книге, но, если вы хотите последовать за Студенческим советом в колледж, я напишу продолжение — четвёртую книгу, в которой будут персонажи из *«Подлых богатеньких парней»*, под названием *«Ориентация»*.

АКАДЕМИЯ АДАМСОН
 карта кампуса
ДЛЯ ПАРНЕЙ

внутри подземной церкви

система подземных туннелей

на поверхности

ОБОЗНАЧЕНИЕ КАРТЫ

ФОНТАН

ПОДЗЕМНЫЙ ВХОД В КАНАЛИЗАЦИЮ

НАЗЕМНЫЙ ВЫХОД ИЗ КАНАЛИЗАЦИИ

БАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПОЛЯНА

ВХОД В ПОДЗЕМНУЮ ЦЕРКОВЬ

ПОДЗЕМНЫЕ КАНАЛИЗАЦИОННЫЕ ПУТИ

ПОДЗЕМНЫЕ ТУННЕЛИ

АЛТАРЬ

Глава 1

Кап, кап, кап.

Именно такой звук издаёт кровь, стекая по руке мёртвого студента, под пальцами его вытянутой руки образуется багровая лужица. Это единственный шум, который я слышу поверх стремительного биения своего сердца и рваных, неистовых вдохов своего дыхания.

— Чак.

Я оборачиваюсь и вижу стоящего там Спенсера, одетого в чёрную толстовку с капюшоном и пахнущего сигаретами.

Чёрная толстовка с капюшоном.

Какого чёрта он одет в чёрную толстовку с капюшоном?!

— Я видел, как ты бежала... — начинает он, когда я отползаю в сторону и поднимаюсь на ноги. Сейчас такое раннее утро, а Спенсер курит где-то здесь? Это не имеет смысла. Добавьте сюда чёрную толстовку с капюшоном, и Черча с ножом, и... — Что это, блядь, такое?! — он задыхается, указывая мне за спину в направлении святилища.

— Я... — у меня не хватает времени произнести ни единого предложения, прежде чем двое убийц прорываются сквозь кусты.

Двое убийц... и Спенсер Харгроув в толстовке с капюшоном, проснувшийся в тот час, когда он всегда спит.

Нет. Нет. Это моя вечная команда; это мои друзья.

— Спенсер, беги! — кричу я, хватая его за руку и таща за собой так, как мне следовало бы схватить Черча. Почему я оставила его там? *Убийца ждал меня в коридоре, вот почему.* Но я не могу избавиться от чувства страха и вины, которые душат меня, когда мы бежим в лес, к другому бассейну с горячими источниками.

Ветки хлещут меня по лицу, когда я бегу, мои ноги кровоточат от камней, палок и ежевики, устилающих лесную подстилку. Спенсер не отстает ни на шаг, подстраиваясь под мой ритм. Именно тогда мы заворачиваем за угол и натываемся на нескольких взрослых в масках.

Маски.

Как что-то из грёбаного фильма ужасов.

Они похожи на лис, эти хитрые, ухмыляющиеся твари, от которых у меня мурашки бегут по коже.

— Срань господня, — бормочу я, но Спенсер даже не останавливается надолго, чтобы обратить на это внимание. Он толкает меня влево, а затем бежит, держа мою руку в своей, увлекая за собой. Через несколько секунд мы выбегаем из-за деревьев и спотыкаемся о камни, окаймляющие бассейн.

Вместе мы падаем в тёплую воду, выплывая на поверхность с прерывистым дыханием.

— Плыви, Чак, — призывает Спенсер, убеждаясь, что у меня есть преимущество, прежде чем он направится к берегу. Едва мы выбираемся из воды, как огромные руки хватают меня за плечи и тащат вверх остаток пути.

Это Черч.

Кровь повсюду, на его руках, на лице, его юката испачкана и свисает с одного гладкого фарфорового плеча.

Теперь даже на мне кровь.

— Отпусти меня! — кричу я, высвобождаясь из рук президента Студенческого совета. Спенсер встаёт передо мной, раскинув руки в стороны, готовый к бою.

— Не трогай её, чёрт возьми! — рывкает он, оглядываясь через плечо в направлении леса. Но там никого нет, только парень, который подарил мне обручальное кольцо... а потом проткнул ножом нашего учителя.

— Мне нужно, чтобы вы оба успокоились, — спокойно говорит Черч, проводя ладонями по своей юкате спереди и оставляя малиновые полосы.

— Я видела, как ты ударил мистера Дэйва ножом, — шепчу я, указывая на него трясущейся рукой. Я хочу верить, что это была самооборона. Но потом Спенсер, и толстовка с капюшоном, и... Мне приходит в голову, что это может быть какая-то долгая игра, в которую играют парни, высшее упражнение в запугивании. Каждый инцидент, с которым я сталкивалась — первая погоня с ножом, которая привела меня к Рейнджеру, близнецы, сразу раскрывшие мой секрет, птица без головы и свечи — все они каким-то образом были связаны с парнями.

— Ты видела, как он, *что?!* — выдыхает Спенсер, и его реакция настолько искренняя, что кажется невозможным усомниться в нём. И всё же какой-то первобытный инстинкт во мне остаётся настороженным. Он проводит пальцами по своим серебристым волосам и оглядывается на меня. Дело в том, что Черч — не единственный, кому нужно кое-что объяснить.

— Я не ударил его ножом, я вытаскивал нож. — Черч остаётся до нелепости спокойным, двигаясь к нам медленными, лёгкими шагами, шлёпанье его босых ног по патио — единственный звук, кроме плеска воды о берег. Спенсер преграждает ему путь, с его промокшей толстовки капает, толстовки, из-за которой он кажется таким чертовски виновным. — Рана была неглубокой — она не задела ничего жизненно важного — и он попросил меня помочь.

— В том лесу мёртвый ребёнок, — рычит Спенсер, тяжело дыша. Он проводит рукой по лицу и стряхивает излишки воды в сторону. — Повсюду кровь, и вот ты, весь в ней.

— Пожалуйста, Спенсер, не выставляй себя мудаком, — говорит Черч, его пристальный взгляд полностью сосредоточен на мне. Мне хочется съёжиться под его внимательным взглядом. Я не уверена, что должна сейчас чувствовать: вину, облегчение, подозрение. Всё вышеперечисленное, более вероятно.

Мой взгляд метнулся к Спенсеру, когда он оглянулся на меня, бирюзовые глаза потемнели от эмоций.

Он легко мог бы стать третьим мудаком в толстовке с капюшоном, не так ли? У его брата есть все карты академии, и он исчез, когда Юджин был убит. Он руководит школьным подпольем со своими деловыми предприятиями, и знает каждый закоулок в Адамсоне.

В моём горле образуется комок, и мне внезапно становится трудно сглотнуть.

— У тебя нет причин кому-либо доверять, Чак, — медленно произносит Спенсер, тяжело дыша после нашей пробежки по лесу. — На самом деле, учитывая всё, что с тобой случилось, было бы лучше, если бы ты этого не делала.

— Держись от меня подальше, — предупреждаю я, отступая назад, пока край моей ступни не касается воды. Я хочу доверять им обоим, верить им обоим, но мне действительно трудно это сделать, когда один был одет в толстовку и ждал в лесу, а другой весь в крови, а нашего учителя нигде не видно.

Звук тяжёлых шагов опережает близнецов, когда они вместе протискиваются через

боковую дверь и заворачивают за угол. Оба бледны, как привидения, и их зелёные глаза одновременно расширяются, когда они замечают Черча.

— Чувак, что это за хуйня такая? — спрашивают они вместе, указывая на него, когда Рейнджер проталкивается к выходу, тяжело дыша и разъярённый. Как только он видит, что мы все здесь, он вздыхает с облегчением и подходит ко мне.

— Подожди! — кричу я, поднимая руку, отодвигаясь ещё дальше, так что моя и без того мокрая юката окунается в воду. — Никому не подходить ближе.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — спрашивает Рейнджер, бросая взгляд в сторону Черча. — Когда я проснулся, Спенсер ушёл, а потом я обнаружил, что ваша комната пуста... — он замолкает, мгновение изучая кровь. — Чья это кровь?

— Не моя, — легко отвечает Черч.

«Он лжёт так же легко, как дышит», — напоминаю я себе, крепко обхватывая себя руками за грудь. Мгновение спустя дверь открывается, и близнецы делают шаг вперёд, опираясь руками о дверной косяк, как они делали прошлой ночью.

— Только для Студенческого совета, — говорят они, отпихивая того, кто бы это ни был, назад. Полустены и пучок бамбука, украшающие место рядом с дверью, не дают человеку заметить Черча и его окровавленную одежду. Раздаётся ворчливое проклятие, и мы снова остаёмся одни.

Птицы щебечут на окружающих деревьях, но единственный звук, который я слышу — это стук моего сердца, учащённый пульс в моей голове.

— Он ударил мистера Дэйва ножом, — повторяю я, когда Спенсер отходит в сторону, образуя круг: Черч напротив меня, близнецы слева от меня, а Рейнджер стоит рядом со своим лучшим другом.

— Какого хуя, Черч? — спрашивает Рейнджер, его голос твёрд, но не обвиняющий, как будто он верит мне... но также как будто он верит, что Черч не сделал бы ничего подобного, если бы не был вынужден.

— Мистер Дэйв перевязывал свою рану; я ушёл искать Шарлотту, — говорит Черч, протягивая мне руку, а затем проводит пальцами по своим волосам цвета мёда, оставляя рубиновые пряди. Кажется, он слишком поздно замечает, что делает, и его челюсть сжимается от отвращения. — Я не знаю, где он сейчас.

— И ты ударил его ножом, почему? — повторяет Рейнджер, когда близнецы обмениваются взглядами, а затем переключают своё внимание на меня и Спенсера, обоих насквозь мокрых.

— Я не наносил ему ножевого ранения. Он вошёл в комнату, чтобы поговорить со мной, и один из этих психов последовал за ним. Они выхватили из сумки охотничий нож Шарлотты и проткнули им мистера Дэйва, прежде чем я успел их остановить.

— Откуда постороннему человеку вообще знать, что у меня есть охотничий нож? — спрашиваю я, тяжело дыша, желая поверить ребятам, желая каждым вдохом, чтобы я смогла.

— Я не знаю, — отвечает Черч, поднимая ладони вверх и в стороны в умиротворяющем жесте. Он тяжело вздыхает, как будто уже выдохся. — Я, блядь, понятия не имею.

— Почему вы двое мокрые? — хором спрашивают близнецы, изучая нас со Спенсером в нашей промокшей одежде.

— Да, расскажите, — соглашается Черч, а затем развязывает пояс своей юкаты и позволяет ему упасть на землю, проходит мимо меня и ныряет в воду, чтобы смыть кровь.

Рейнджер без колебаний наклоняется и собирает окровавленную одежду. Я перевожу взгляд с него на Черча, когда золотой мальчик из Академии Адамсон всплывает на поверхность воды, обеими руками откидывая назад мокрые волосы и открывая янтарные глаза, чтобы посмотреть на меня.

Моё сердце трепещет самым ужасным образом, и я сжимаю в кулак мокрую ткань своего халата.

— Я пытался спрятаться от директора, и покурить в лесу. — Спенсер взъерошивает волосы и на мгновение закрывает свои бирюзовые глаза. — Я увидел, как Шарлотта пробежала мимо меня, и... — он замолкает, а затем откидывает голову назад, открывая глаза, чтобы посмотреть на яркое, солнечное небо раннего утра. — Кто-то гнался за ней.

— Двое каких-то людей, — поправляю я, — в толстовках.

Близнецы и Рейнджер поворачиваются, чтобы посмотреть на Спенсера, и последний приподнимает бровь.

— Серьёзно? — спрашивает Спенсер, переключая своё внимание обратно на меня. — Ты думаешь, я один из убийц?

— Я уже ничего не знаю, — шепчу я, когда он вздыхает, а затем поворачивается обратно к Рейнджеру.

— За нами гнались по лесу, а потом мы наткнулись на каких-то психов в масках. О, и, кстати, в тех деревьях, на каком-то святилище, лежит мёртвый ребёнок. Он блять точно мёртв. Я почти уверен, что это был Джейсон Ламберт.

— Кто? — спрашиваю я.

— Ты его не знаешь, — хором говорят близнецы. И затем Мика добавляет: — Он баллотировался против Черча на пост президента Студенческого совета с первого курса.

— Боже, спасибо, это действительно помогает развеять мои подозрения, — ворчу я, когда Черч встаёт, вода едва касается его великолепных бёдер, остальная часть его мускулистого тела выставлена на всеобщее обозрение. Мои щёки вспыхивают, и я отворачиваюсь.

— Давайте найдём директора, — начинает Рейнджер, выдыхая. — А потом, может быть, позвоним в полицию. Его голубые глаза твердеют, когда он прижимает окровавленную одежду к груди. — Но сначала давайте найдём мистера Дэйва и избавимся от этого.

— Ты... — начинаю я, а затем из-за сильной влажности моей слишком большой юкаты она сползает с моих плеч и просто как бы... падает. Она шлёпается на землю, оставляя меня полностью обнажённой, и на меня смотрят четверо из пяти парней из Студенческого совета. Мои глаза расширяются, и я делаю шаг назад, забывая, как близко я нахожусь к кромке воды.

Я плюхаюсь прямо в воду, моё обнажённое тело прижимается к Черчу, и мы оба оказываемся в воде. Ему удаётся довольно быстро выпрямиться, спиной прижимая моё обнажённое тело к своему. Я тут же чувствую его член, и он не такой мягкий, каким мне хотелось бы видеть его в тот момент.

— Осторожнее, Шарлотта Карсон, — шепчет он мне на ухо, обхватывая мускулистой рукой мой живот.

И, конечно, именно тогда мой отец решает выйти на улицу. Близнецы, как всегда, пытаются преградить ему путь, но вы знаете, он же директор, и с ним этот приём работает не так хорошо.

— Только для Студенческого совета... — начинают они, а затем замолкают, когда папа проталкивается наружу, замирая, как олень в свете фар, когда видит меня голой. И Черча,

голым. Наши обнажённые тела прижимались друг к другу очень компрометирующим образом.

— Мистер Карсон, — выпаливает Спенсер, привлекая внимание папы... к его мокрой толстовке.

О, и я упоминала тот факт, что близнецы без рубашек, одеты только в боксеры?

— Чак.

Голос моего отца переходит в низкое, угрожающее шипение.

И вот тогда я понимаю, что мне есть, о чём беспокоиться, кроме как об убийцах.

У меня пиздец какой взбешённый отец, и это почти так же плохо.

Глава 2

— Здесь было мёртвое тело, — настаиваю я, указывая на голую поверхность алтаря, в то время как папа стоит рядом и пускает дым, его ноздри раздуваются, его лицо так и не оправилось от того пурпурно-красного цвета, который появился, когда он увидел меня и Черча вместе.

Когда я стою там, рядом со святилищем без тела, в лесу, лишённом жутких людей в масках, я задаюсь вопросом: получилось ли у меня на этот раз, разозлила ли я наконец-то Арчи Карсона настолько, что он взорвётся, утратит своё осторожное спокойствие?

— Сэр, я тоже его видел, — начинает Спенсер, теперь одетый в сухую юкату и шлёпанцы на деревянной подошве. Я думаю, они должны напоминать эти туфли на приподнятой платформе из Японии под названием *гета* (в последнее время близнецы серьёзно обучают меня аниме / манге). — Здесь был мальчик, я почти уверен, что это был Джейсон.

— Ну, сейчас здесь ничего нет, и вообще никаких признаков того, что когда-либо было. — Мой папа прикладывает руку ко лбу, когда мистер Мерфи, нахмурившись, маячит рядом. Я не забыла ни о его участии, ни о записке, которую он оставил. Кстати говоря, на бегу я сунула её в карман своей юкаты. У меня определённо не было возможности взглянуть на неё. Скорее всего, фиолетовые чернила потекли, когда намокли, и я ничего не смогу прочитать.

Но мне это и не нужно.

Теперь я знаю, кто такой «Адам».

Я фокусирую свой взгляд на мистере Мерфи; он сразу замечает это и с трудом сглатывает, мускул на его челюсти дёргается.

— Наверное, это был розыгрыш или что-то подобное, — продолжает папа, и я клянусь, если сейчас *он* не побагровеет и не взорвётся, то, может быть, это сделаю я.

— Розыгрыш? Ты всё ещё думаешь, что я всё это выдумываю? — спрашиваю я, делая шаг к нему и складывая руки перед грудью. — Потому что мне нужно услышать от тебя, что ты мне веришь.

— Я свяжусь с другими сотрудниками и удостоверюсь, что все студенты на учёте. Мистер Мерфи, если вы не возражаете, проводите Чака обратно в мою комнату.

— В твою комнату? — спрашиваю я, глупо моргая сквозь грязные линзы своих очков. Прямо сейчас их серьёзно не мешало бы протереть. — Почему в твою комнату?

— Чак Карсон, мне не нужно сообщать тебе о каждом родительском решении, которое я принимаю. Пожалуйста, следуй за мистером Мерфи обратно в дом и не спорь со мной. У тебя и так достаточно неприятностей.

— Неприятностей из-за чего? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и тихо. — Неприятности из-за секса? Потому что мы оба знаем, что сейчас я им занимаюсь. Мне семнадцать, а через четыре месяца исполнится восемнадцать.

Арчи поворачивается и уходит, но я ещё не закончила.

Я следую за ним, хватая его за руку. Он останавливается, чтобы посмотреть на меня сверху вниз, и в его глазах горит ярость и, возможно, даже глубоко запрятанный страх, которого я не понимаю. Если бы он только сказал мне, я бы всё поняла. Если бы он только изложил свою точку зрения словами, а не приказами.

— Папа, пожалуйста, поговори со мной.

Он колеблется всего мгновение, прежде чем вырвать свою руку из моей хватки и направиться в сторону домика. Я хмурюсь, когда поворачиваюсь обратно к Спенсеру и мистеру Мерфи. Это может быть ошибкой, но... Я всё равно собираюсь это сделать.

— Мы знаем, что это вы, — говорю я, и мистер Мерфи смотрит на меня большими невинными голубыми глазами. Он всегда такой чертовски милый, всё время. Похоже, с ним что-то не так. Может быть, он психопат, который умеет подделывать свои эмоции, как и сказал Черч. — Вы Адам.

— Простите? — выдыхает мистер Мерфи, когда брови Спенсера поднимаются вверх. У меня определённо не было возможности ввести ребят в курс дела после того, как папа застучал меня с Черчем с голой задницей на его члене в горячем источнике.

— Вы писали заметки фиолетовыми чернилами. Вы Адам, — уверенно заявляю я, вздёргивая подбородок. — Я видела, как вы прикрепили записку к моей двери как раз перед тем, как произошло нападение. Вопрос в следующем: вы один из убийц или играете в другую игру?

— Господи, Чак, — говорит Спенсер, бросая настороженный взгляд на тенистый лес, окружающий нас. Мы стоим сразу за зловещей красной аркой ворот *тории*. Здесь чертовски жутко, не буду врать. Есть маленькие цементные статуи, покрытые мхом, которые смотрят на нас из подлеска, и шепчущий ветерок, от которого у меня по спине бегут мурашки.

— Простите, я не... — начинает мистер Мерфи, но затем я делаю угрожающий шаг к нему, и он замолкает, встретившись со мной взглядом.

— Ты один из убийц, Лайонел? Или что? Потому что я серьёзно устала быть в неведении. Это дерьмо зашло слишком далеко. Мы знаем, что вы замешаны в этом, только не знаем, в качестве кого.

— Мистер Карсон, — начинает мистер Мерфи, и его лицо напрягается от гнева. — Я всё ещё сотрудник, поэтому, пожалуйста, подумайте, как вы разговариваете со мной, или я буду вынужден поговорить с вашим отцом.

— Продолжай. И, кстати, когда мы вот так остаёмся наедине, ты можешь называть меня Шарлоттой. Мы все знаем, что вы знаете мой секрет. — Лицо мистера Мерфи бледнеет, когда я отворачиваюсь и направляюсь обратно в домик. Я не собираюсь ждать, пока «Адам» станет моим сопровождающим. Если у него есть проблемы с тем, что я возвращаюсь в свою комнату с Черчем, он может пойти найти Арчи и заодно объяснить, что за записки он мне оставлял.

— Тебе не следовало так с ним разговаривать, — говорит Спенсер, пробегая трусцой, чтобы догнать меня. — Он всё ещё может быть одним из убийц.

— Нет, — говорю я и нутром чувствую, что права. Мистер Мерфи слишком пуглив, слишком нервничает. Он едва ли может обидеть муху. И я говорю это в буквальном смысле. Однажды в нашем классе английского языка с жужжанием летал огромный слепень, и вместо того, чтобы просто прихлопнуть его, мистер Мерфи потратил пятнадцать минут, пытаясь прогнать его через открытое окно. — Я не знаю, что он задумал и какова его конечная цель, но он не убийца.

Спенсер хмурится и выдыхает, засовывая руки в карманы своей юкаты, когда мы направляемся в зал для завтраков и проходим мимо шумного стола Марка, где все его бессердечные, надоедливые друзья-футболисты воют и визжат так, будто Юджина там никогда и не было, как будто он никогда не был одним из них. Я не видела, чтобы они

проявляли хоть какое-то раскаяние. Они даже не зажгли поминальную свечу в память о нём в маленьком святилище рядом со стойкой регистрации.

— Ты настолько уверена, что он не убийца, так, когда же ты будешь так уверена насчёт меня? — спрашивает Спенсер, и как только мы сворачиваем за угол, удаляясь от зоны для завтраков, он прижимает меня к стене, положив руку мне на плечо. Он опирается локтем о стену над моей головой и смотрит на меня, глаза темнеют от разочарования.

— Ты был на улице в толстовке, Спенсер Харгроув, — говорю я, желая заплакать, но я отказываюсь проливать слёзы. Я не могу решить, расстроена ли я из-за мёртвого тела, из-за погони... или из-за неопределённости. Я злюсь на *себя* за то, что не могу доверять парням. И я зла на них за то, что они с самого начала так усложняли всё это. — Прямо со сранья.

— Со сранья? — спрашивает он, выглядя слегка озадаченным. — Так не говорят, Чак.

— Конечно, говорят. Почему говорят «с ранья», а «со сранья» нет? В чём разница?

— Говорят: «С раннего утра», Чак-лет, — возражает он, но я качаю головой и поднимаю палец.

— Я много раз слышала, как использовали фразу «со сранья».

— Ага, *ты* использовала. — Спенсер качает головой, а затем вздыхает, прижимаясь своим лбом к моему. Мои глаза закрываются сами по себе, а руки сжимаются в кулаки на его юкате спереди. Та искра между нами снова разгорается, и даже с моими подозрениями я чувствую себя бессильной остановить это.

— Я вышел покурить пораньше, потому что не мог уснуть, Чак. Я не мог уснуть, потому что знал, что ты там с Черчем, и я... — он тяжело выдыхает, и его тёплое дыхание касается моих губ. Мои глаза приоткрываются, и я понимаю, что смотрю на него снизу-вверх, на эти длинные тёмные ресницы, отбрасывающие тени на щеки. — Я ревновал, — признаётся он. Спенсер открывает глаза и кривит лукавую полуулыбку. — Не слишком мне подходит, да? Вся эта ревность?

— Я бы беспокоилась о тебе, если бы ты *не* ревновал, — шепчу я в ответ, желая поцеловать его так сильно, что у меня болят губы. — Я имею в виду, если бы ты встречался с другой девушкой... не говоря уже о нескольких девушках — однойцевых близнецах, не меньше — я бы сошла с ума. Я не смогла бы этого сделать, это сломало бы меня.

— Сломало бы тебя? — говорит он, а затем смеётся, его запах кедра и иссопа окутывает меня. — Потребовалось бы гораздо большее, чем это, чтобы сломить тебя, Чак-лет.

Я бью его в грудь тыльной стороной ладони, а затем хватаю за край его юкаты.

— Меня не волнует, что ты ревнуешь; я понимаю это. Я не хочу делить тебя ни с кем другим. — Слова произносятся тихим шёпотом, так тихо, что, боюсь, Спенсер меня не расслышал, и мне придётся их повторить. Он внезапно наклоняется и завладевает моими губами в своей удручающе идеальной манере, в этом сладко-властном поступке, от которого у меня перехватывает дыхание, и я одновременно очарована.

— Тебе не придётся делить меня, — обещает он, посасывая мою нижнюю губу, беря её в плен, прежде чем милостиво отпустить. — Просто мне трудно делить *тебя* с кем-то. Вот что не давало мне уснуть всю ночь, заставило встать так рано. Я просто пытался выкурить несколько сигарет и поразмыслить в этом чёртовом лесу. — Он немного откидывается назад и теребит пальцами перед своей юкаты. — Это даже не моя толстовка, это Мики. Я позаимствовал её прошлой ночью, когда мы с Рейнджером пошли покурить. Здесь становится холодно в... — Спенсер оглядывается вокруг на минуту и хмурится. — Ну знаешь, где бы это ни было, в заднице, у чёрта на куличках, да?

Улыбка появляется на моих губах, а затем я стою и прислоняюсь спиной к стене.

— Это была толстовка Мики? — спрашиваю я, указывая через плечо на сушилку, где сейчас висит промокшая толстовка, о которой идёт речь. Спенсер коротко кивает, прежде чем сделать паузу и посмотреть на меня.

— Ты же не думаешь... — начинает он, когда я провожу руками по лицу.

— Я хочу думать, что он убийца, не больше, чем я хочу думать так о тебе, — вздыхаю я, опуская руки по швам. Спенсер лезет в карман и роется там в поисках пачки сигарет и зажигалки, вытаскивая сначала одну, затем другую. Он снова делает паузу, хмурится, а затем переворачивает зажигалку, чтобы мы могли увидеть, что находится с другой стороны.

То, что он мне показывает... вызывает у меня серьёзные грёбаные мурашки по коже.

Вся эта чёртова штука в брызгах красного воска.

— Дай угадаю, — начинаю я, прежде чем Спенсер успевает сказать что-нибудь еще. — Это тоже зажигалка Мики?

Спенсер, возможно, и не был одним из убийц... но Мика мог им быть.

— Это просто зажигалка, — начинает Мика, моргая на меня большими зелёными глазами, когда я кладу оскорбительный предмет ему на ладонь. Он мгновение изучает её, а затем его лицо бледнеет. Вероятно, он сделал то же самое, что и я, и вспомнил красные свечи и обезглавленную птицу, брызги красного воска, оставшиеся на кофейном столике в женском общежитии. — Ах, покрытая красным воском. Но я могу это объяснить.

— Чувак, у тебя пиздец какой виноватый голос, — бормочет Тобиас, искоса поглядывая на брата. — Даже я не знаю, почему у тебя в кармане толстовки лежит зажигалка, покрытая воском.

— Я принёс её, чтобы покурить травку со Спенсером, — возражает Мика, поднимая руку и указывая на своего друга. Он протягивает руку, чтобы взъерошить свои красно-оранжевые волосы, а Черч и Рейнджер наблюдают за ним, стоя справа от двери.

Почему-то мне кажется, что в этой комнате я окружена акулами.

Вот только... собираются ли они съесть меня или тех ублюдков, которые пытаются меня убить?

— Послушай, Челюсти, — начинаю я, лишь смутно осознавая, что, возможно, отсылка к фильму *Челюсти* имеет смысл только для меня. — Тебе лучше объясниться, и побыстрее. Всем вам. — Мой взгляд скользит по Черчу, когда он выдыхает и на мгновение закрывает свои собственные глаза. Я всё ещё не слышала ни слуху, ни духу от мистера Дэйва.

— Я... — Мика вздрагивает, а затем стискивает зубы, как будто знает, что его застучали за чем-то, чего он не должен был делать. Он проводит языком по нижней губе и бросает взгляд на своего близнеца. — Я хотел сделать что-нибудь приятное для Шарлотты. Я принёс

несколько свечей. Просто подумал, что мы могли бы провести романтический вечер вместе.

— Что ты сделал? — спрашивает Тобиас низким и холодным голосом. Я чувствую, как напряжение между ними нарастает, и мои мысли возвращаются к Эмбер, той таинственной девушке, о которой я до сих пор ничего не знаю.

— Да, ну, я... — Мика замолкает и отворачивается, пересекает комнату и открывает дверь-ширму седзи, чтобы мы все могли увидеть пруд с кои на другой стороне. Он дрожит, как будто знает, что его поймали, и не видит выхода из этого. — Несмотря на то, что мне нравится делить с тобой девушек, иногда я хочу побыть самим собой на пять грёбаных секунд.

У меня отвисает челюсть, и я понимаю, что здесь есть целый пласт драмы, с которой нужно разобраться, к которой я даже не прикоснулась.

Есть все эти убийцы...

А ещё есть парни.

Это совсем другое отстойное шоу, через которое мне в конце концов придётся пройти, но сейчас не время.

— Оставим в стороне межличностную драму, — начинаю я, дотрагиваясь до руки Тобиаса, чтобы он не подумал, что я пытаюсь преуменьшить его чувства. Я понимаю: когда-то однажды Мика переспал с его девушкой, и вот он пытается побыть со мной наедине, не сказав об этом своему брату. Не круто. — Почему красные свечи? И как ты заляпал воском всю зажигалку?

Мика оглядывается через плечо, и я не могу не заметить, какие у него полные и надутые губы, когда он хмурится, или как сильно мне нравятся заострённые, угловатые черты его лица. Он выглядит застенчивым, но не так, как будто его застукали в разгар заговора с целью убийства. Нет, он просто мальчик, который немного облажался.

— Вы знаете, что кампус Адамсон раньше был домом для церкви и аббатства, верно? В кладовых есть свечи, кресты и всякое случайное дерьмо. Я стащил кое-что на днях, когда Эдди курил сигарету. Красный просто показался мне в некотором роде романтичным, — он пожимает одним плечом и прислоняется спиной к дверному косяку. — И вы попробуйте зажечь десятки свечей в замкнутом пространстве, не опрокинув ни одной. — Он на мгновение прищуривает глаза, а затем показывает средний палец Марку, когда видит, что тот пристаёт к девушке-официантке напротив. Придурок-футболист на самом деле показывает ему фак в ответ, и парни ошетиниваются. — Этому сэндвичу с говном нужна дополнительная порция *надирания задницы*, тебе не кажется, Тобиас?

Его близнец не отвечает, поджимая губы и скрещая руки на груди. На несколько минут в комнате воцаряется тишина. Я застыла, стоя возле двери со Спенсером справа от меня, Тобиасом слева; Рейнджером прямо передо мной, и я едва могу смотреть на Черча.

— Где именно ты расставил все свечи? — спрашиваю я, и Тобиас морщится так, словно я дала ему пощёчину. Мика небрежно указывает в сторону домиков для персонала и качает головой, как будто он рад объяснить всё позже, но не прямо сейчас.

— Я зажигал их три раза, но так и не придумал, как лучше пригласить тебя туда.

— Ты имеешь в виду пригласить её туда так, чтобы я об этом не узнал? — Тобиас язвит, и я сдерживаю собственную гримасу.

Рейнджер, благослови его господь, кажется, понимает, что мы отчаянно нуждаемся в смене темы.

— Как всё прошло с директором? — спрашивает он, ненадолго снимая напряжение,

поднимая на меня сапфировые глаза. В его взгляде есть что-то почти отчаянное, что заставляет меня поёжиться, но я просто не чувствую, что нахожусь в нужном настроении, чтобы разбираться в этом.

В том лесу был мёртвый ребёнок.

Я почти стала мёртвым ребёнком в тех лесах.

Черч Монтегю, мой мнимый жених, ударил ножом нашего учителя.

— Там не было ни тела, ни крови, никаких следов чего бы то ни было. Почти уверена, что мой папа либо думает, что я сумасшедшая, либо что я всё выдумываю. — Я потираю лицо руками, а затем замираю, когда вижу, как он шагает через двор с владелицей коттеджей горячих источников рядом с ним. Он ненадолго останавливается у входа в вестибюль, чтобы свирепо посмотреть на меня, а затем продолжает путь внутрь.

Так что, по крайней мере, он знает, что я намеренно ослушалась его в этот момент.

Думаю, мне нужно подождать, чтобы узнать, что он планирует делать по этому поводу.

— Ты пытался вызвать полицию? — спрашиваю я, оглядываясь на Рейнджера.

— Я попытался. Твой отец уже позвонил им, и они сказали, что к ним направляется патруль. Но я думаю, ты права, я не считаю, что они нам верят. — Рейнджер засовывает телефон обратно в свои спортивные штаны.

— Сколько там у нас осталось, четыре ночи здесь? — спрашиваю я, безуспешно пытаюсь провести пальцами по волосам. На данный момент они слишком спутанные и вьющиеся, чтобы с ними можно было что-то делать. Спенсер помогает мне выпутаться из моих собственных волос и сжимает мою руку. — Я даже не представляю.

— Пять. Не то чтобы это имело значение, — говорит Черч, и от ровного, непринуждённого звучания его голоса у меня мурашки бегут по коже. — У этих людей, кем бы они ни были, совершенно очевидно, есть план действий, который они готовы выполнять, независимо от места нахождения.

— Где мистер Дэйв, Черч? — спрашиваю я, и он хмурится, слегка качая головой.

— Я не знаю. Я вытащил нож и оставил его там, чтобы пойти за тобой. За тобой гнались, Шарлотта. — Черч отталкивается от стены и подходит ко мне. Несмотря на первоначальную искру страха, я остаюсь на месте и смотрю на него снизу-вверх. Он подходит ближе, настолько близко, что я чувствую его фирменный аромат сирени и розмарина, который у нас общий, потому что мы пользуемся одним и тем же чёртовым шампунем. Даже когда я уехала из Адамсона, чтобы вернуться в Санта-Круз, я взяла с собой баночку, просто чтобы продолжать его нюхать.

Я сказала себе, что это потому, что мне просто нравится этот чёртов аромат, и он чертовски роскошный, такой, что я определённо не могла позволить его себе... но, может быть, это потому, что он заставлял меня вспоминать о нём? *Боже, я такая девчачья, помешанная на романтике, чудачка!* Если я когда-нибудь дойду до того, что начну нюхать потные футболки, да поможет мне бог...

— Я не наносил ножевого удара библиотекарю. Если бы я это сделал, ты бы знала. Я бы сказал тебе, что я сделал это, и почему я это сделал. — Черч протягивает руку и убирает выбившийся локон с моего лба. Это могло бы быть сексуально, если бы мои волосы не были такими грубыми и спутанными из-за того, что я ворочалась во сне. — Я не уверен, куда он ушёл, но он явно пришёл, чтобы сказать мне что-то важное. Я думаю, он работает с Лайонелом Мерфи.

— Вот сукин сын, — ворчит Рейнджер себе под нос. Прежде чем мы допросили Мику, я

вкратце изложила свою версию истории. Теперь все официально проинформированы обо всём, что происходило с сегодняшнего утра. Первое, что предложили близнецы и Спенсер, было «надрать ему задницу», но избиение учителя — это что-то вроде наихудшего сценария.

— Ты думаешь, мистер Дэйв хороший парень? — спрашиваю я, когда Черч проводит своими длинными пальцами по моей щеке, а затем нежно прижимает кончики пальцев к моему подбородку. Это твёрдая, но нежная команда — посмотреть на него снизу-вверх, — и, хотя моей первой реакцией было разозлиться и отвернуться с хмурым видом, в конечном итоге я всё равно смотрю ему в глаза.

— Нейтральный, может быть. Единственные хорошие парни находятся в этой комнате. Независимо от того, что говорят улики, ты в это веришь? — я начинаю отвечать, но Черч прерывает меня, наклоняясь и захватывая мои губы в мучительном поцелуе, который в равной степени успокаивает и пугает.

Сладкий, острый привкус опасности остаётся на его губах, но я всё равно ловлю себя на том, что поддаюсь ему. Хороший поцелуй не создаёт человека, заслуживающего доверия, и всё же...

— Что мы будем делать, если застрянем здесь на пять ночей? — вместо этого спрашиваю я, потому что даже если мы правы, и погибший студент — парень из Адамсона, который просто случайно пропал, это не значит, что мой отец или полиция нам поверят. Я имею в виду, с какой стати им это делать? Всё звучит притянутым за уши, как какой-нибудь странный эпизод японского аниме. *Убийство в домике Оисии Онсен, часть I.*

Я вздрагиваю, когда Черч отходит от меня, стараясь не встречаться взглядом ни с кем из других парней. Целоваться с одним на глазах у других просто... ну, странно. Не уверена, что я когда-нибудь к этому привыкну.

«Хотя я бы хотела, чтобы это стало чем-то особенным, групповыми отношениями. Я имею в виду, что полиамория реальна, так почему бы и нет?»

Только разве полиамория не подразумевает, что они могли бы встречаться с другими девушками? А меня это уже не устраивает. Серьёзно, я не могу этого сделать. Они все храбрее меня.

— С нами всё будет в порядке, — говорит Черч, оглядываясь на Рейнджера. — Я полагаю, ты позаботился об одежде?

— Её больше нет, — отвечает Рейнджер, и то, как ровно и мрачно он это произносит, одновременно расслабляет и пугает меня. Эти ребята работают как единое целое, команда. Взаимодополняемо. — Давайте завтракать. — Он отталкивается от стены и останавливается рядом со мной, протягивая руку.

После недолгого колебания я беру её и позволяю ему отвести меня вниз, в столовую. Я замечаю, что он едва может отвести от меня свой лазурный взгляд, как будто боится, что я могу исчезнуть, если он не будет достаточно бдителен. Я признаю, это немного сексуально, такая чрезмерная забота. Или, может быть, очень сексуально.

Папа стоит возле стойки регистрации, разговаривая с другими сотрудниками Академии Адамсон и служащими курорта. Он игнорирует нас, пока мы садимся и делаем заказ, но как раз в то время, когда приносят миску с эдамаме, он оказывается рядом со мной.

Я поднимаю взгляд.

— Джейсон Ламберт пропал без вести, — произносит он хриплым голосом, в то время как его глаза осматривают других парней. — Когда вы закончите есть, я хочу снова поговорить с тобой и Спенсером. — Я киваю, но он ещё не закончил, снова поднимая свои

голубые глаза на моё лицо. — После того, как я выслушаю вашу историю, ты сможешь объяснить мне, почему ты не в комнате, как я просил.

Он разворачивается на каблуках и уходит, а я вздыхаю.

Это будет долгая неделя, да?

— Чак Карсон, я не плохой парень, — говорит папа, его лицо сильно хмурится. Мы смотрим друг на друга, стоя снаружи на мосту, перекинутом через пруд с карпами. — Ты думаешь, я придумываю правила только для того, чтобы помучить тебя?

— Иногда, — признаю я, и взгляд, которым он одаривает меня — сущий ад. — А что? Ты мог бы попробовать время от времени объяснять мне что-нибудь. Вместо этого всё, что ты делаешь — это отдаёшь расплывчатые приказы, которым я должна следовать, как солдат.

Арчи вздыхает и подходит к краю моста, глядя вниз на блестящие чешуйчатые спины рыб. Они выскакивают из теней, сверкая золотыми хвостами.

— Должно быть, ты унаследовала это упрямство от меня. Твоя мать всегда была покладистым человеком.

— Она встречается с мистером Дэйвом, — говорю я, неуверенная в том, почему я так долго скрывала это от него. Черт, может быть, он уже знает?

«Если он не знал, то будет опустошён», — думаю я, наблюдая, как напрягаются мышцы его верхней части спины и плеч.

— Ты знал об этом?

— Нет, — осторожно говорит папа, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня. У них с мамой разница в восемнадцать лет. Я всегда думала об этом как о довольно большой разнице в возрасте. Это заставляет меня задуматься, думал ли он когда-нибудь о том, что такое может произойти, может ли она однажды решить, что хочет другой жизни. — Откуда ты знаешь об этом?

— Она пригласила меня поужинать с ним в Лос-Анджелесе. Тебе не кажется странным, что они вот так встретились? — я с трудом сглатываю, когда Арчи вздыхает, поднимаясь во весь рост, и на его челюсти подёргивается мускул. — И ещё, это довольно странно, что она тебе не сказала.

— Чак. — Арчи смотрит в мою сторону, сжав губы в тонкую линию. — Ты знаешь, что твоё поведение в последнее время вышло из-под контроля. Что происходит между тобой и этими мальчиками?

— Я... мы просто нравимся друг другу. — Это всё, что я могу сказать. И это правда. Это всё, что произошло, не так ли? Мы просто вроде как начали ладить.

— Сначала ты утверждаешь, что встречаешься со Спенсером Харгроувом, затем объявляешь, что встречаешься с близнецами. — Папа усмехается и проводит пальцами по

своим редеющим волосам, понижая голос до шёпота. — Я нахожу в твоих вещах утреннюю таблетку, а потом ты инсценируешь помолвку, чтобы заставить Монтегю проявить своё влияние. Тебе это кажется разумным? Потому что я воспитал тебя лучше, чем это.

Я лишь смотрю на него, а затем поднимаю ладони в беспомощном жесте.

— Наличие здоровых, счастливых отношений более чем с одним человеком не делает меня плохим человеком, — говорю я, и мой голос звучит мягко и по-взрослому, определённо в духе новой Шарлотты.

— Наблюдать за тем, как моя до-сын ухаживает за пятью разными мальчиками и укладывает их в постель — это не то, в чём я заинтересован. Это не то поведение, которое кто-либо простил бы семнадцатилетнему парню. — Он поправляет очки на носу и глубоко вдыхает, как будто пытается собраться с мыслями. — Это неправильно.

— Но почему? Я не делаю ничего плохого. Какая тебе разница, с кем я сплю, пока я счастлив? Мои оценки лучше, чем когда-либо, и впервые в жизни я действительно подумываю о колледже. Я даже начал заполнять пару заявлений. Разве ты не должен радоваться этому?

— Сэр. — Это Черч, стоящий не слишком далеко от нас, одетый в свежую юкату и выглядящий таким же бодрым, как и тот, кто не ударил ножом своего учителя всего за несколько часов до этого. — У главных ворот стоит полицейский, который хотел бы поговорить с вами о Джейсоне.

Арчи смотрит на него совершенно по-новому, вся эта сияющая радость от того, что он находится рядом с лучшим учеником в школе, стёрта начисто. Честно говоря, папа выглядит так, будто сейчас ненавидит его.

— Спасибо. Не могли бы вы, пожалуйста, побыть с Чаком, пока я буду занят другими делами. Мне не особенно нравится мысль о том, что вы двое останетесь наедине, но мысль о том, что он будет один, нравится мне ещё меньше. — Арчи срывается с места в полном режиме директора, направляясь по дорожке к главному входу.

Мы с Черчем обмениваемся взглядами.

— Ты же не думаешь, что он на самом деле замешан в этом? — я спрашиваю, потому что мысль о том, что мой отец мог отвернуться от меня, непостижима. Мы всегда сталкивались лбами, но, с другой стороны, мы также всегда были вместе.

— В некотором смысле, да, — говорит Черч, его янтарные глаза темнеют. — Но я не думаю, что он пытается убить тебя. Больше похоже на то, что он каким-то образом связан с мистером Мерфи и мистером Дэйвом. Он знает больше, чем показывает.

Он протягивает руку, и я колеблюсь всего долю секунды, прежде чем сжать её.

Загадочная улыбка появляется на губах Черча, его глаза сверкают.

— Пойдём, Чак. Я не кусаюсь — если только ты сам этого не захочешь.

Я неуверенно вкладываю свою руку в его, и он тянет меня вперёд. Я чуть не спотыкаюсь о край своей юкаты, падая в его объятия, и ловлю себя на том, что смотрю в это красивое лицо и задаюсь вопросом, каково это на самом деле — быть помолвленной с кем-то настолько совершенным. Черч Монтегю умён, образован, красив и является членом одной из богатейших семей Америки. По сути, он — мечта.

Мечта... который ударил ножом кого-то, кто сейчас числится пропавшим без вести.

Доверится ему — это азартная игра.

Если я не буду доверять ему, это может стоить мне чего-то большего: дружбы. Или даже романа. Отношений, которые могли бы продлиться всю жизнь.

— Ты всё ещё боишься меня, — говорит он, но не так, будто он злился, скорее, ожидая этого.

— Это не так, — протестую я, но, возможно, так оно и есть. Совсем чуть-чуть. — Но это был бы самый наивысший обман — втянуть меня во всё это, а потом прикончить после того, как вы уже, ну знаешь, вроде как нравитесь мне, ребята, и всё такое.

— Вроде как? — спрашивает Черч, а затем наклоняется и подносит свои губы прямо к моим, в прохладном воздухе смешивается наш общий аромат сирени и розмарина. У него мятное и свежее дыхание, и я понимаю, что, сколько бы кофе он ни выпил, от него никогда не пахнет кофе. Никогда. Видите, он правда совершенен.

Практически слишком совершенен, не так ли? Существует ли такое понятие?

— Ого, смотрите, у этого педика целый гарем геев в его полном распоряжении. — Марк ухмыляется, проходя мимо, и лицо Черча вспыхивает от этой тёмной энергии. Он достаёт из кармана веер, тот, который полностью сложен, а затем подбрасывает его двумя пальцами с такой силой, что попадает Марку прямо в горло. Идиот давится и начинает задыхаться, хватаясь за шею. — Ты серьёзно только, что швырнул это в меня?!

— Попробуй доказать, — говорит Черч с ужасной улыбкой. — Ты в последнее время какой-то нахальный, Марк. Скажи мне: ты замышляешь что-то такое, о чём должен знать Студенческий совет?

— Подавись членом. Очевидно, это твой конёк, верно? — Марк стремительно уходит, потирая шею, и Черч отпускает меня, неторопливо подходит, чтобы поднять веер и засунуть его обратно в карман.

— Пойдём, давай попробуем насладиться оставшейся частью путешествия. — Он поворачивается и направляется обратно в сторону домика, и я, глубоко вздохнув, следую за ним.

Позже тем же вечером я сижу в комнате, которую делю с Черчем. Мы с папой снова поссорились из-за того, где я буду спать сегодня ночью, но дневной стресс, должно быть, и вправду подействовал на него, потому что в кои-то веки он остался без победы.

И вот я здесь, со своим назначенным соседом по комнате, в комнате, где он ударил ножом нашего учителя...

На низком столике у двери мерцает фонарь, когда я сижу, скрестив ноги, на своём спальном коврикe, исподтишка наблюдая за Черчем, который что-то просматривает в телефоне. Через мгновение он поднимает на меня глаза.

— Знаешь, тебе не обязательно дежурить по очереди. Просто разбуди Рейнджера. — Черч тычет друга носком ботинка, и наш любимый голый пекарь ворчит во сне. Кстати, они все здесь, весь Суденческий совет.

Близнецы начали препираться, но теперь, когда они спят, рука Мики каким-то образом оказывается на Тобиасе. На самом деле это довольно мило. Спенсер весь запутался в своих простынях, а Рейнджер свернулся калачиком, как будто пытается что-то защитить.

— Я не против покарать, — говорю я, пожимая плечом, как ни в чём не бывало. Черч делает паузу и кладёт телефон на стол, рядом с чайником и набором чашек с блюдцами.

— Ты переживаешь? Что придется ночевать здесь со всеми нами?

— Если бы это было так, я бы просто позволила папе выиграть спор и ушла в его комнату. — Я подхожу к столу и наливаю себе немного чая. Он всё ещё тёплый, пар поднимается белым облаком. — Итак, как ты думаешь, куда отправился мистер Дэйв?

— Понятия не имею, — говорит Черч, откидываясь на ширму сиди и наблюдая, как я подношу чай к губам. Это какой-то сорт зелёного чая, очень землистый, с травянистым запахом. Я с удивлением обнаруживаю, что мне он действительно нравится. — Может быть, он виновен и сбежал?

Повисает долгая пауза, пока мы оба обдумываем это. Это одна из возможностей, это точно.

— Мне жаль, что я убежала, — повторяю я, и Черч поднимает голову, золотистые волосы падают ему на лоб, и в них отражается свет. Он совершенно сногсшибателен в этой юкате, ткань которой сползает с одного плеча и обнажает его кожу в свете свечей.

Интересно, надето ли на нём под халатом какое-нибудь нижнее бельё?

Я закрываю лицо рукой лишь из-за того, что даже подумала об этом.

Когда я поднимаю взгляд, Черч скептически приподнимает одну бровь, глядя на меня.

— Ты только что буквально закрыла лицо руками из-за собственных мыслей? — спрашивает он, и я морщусь. У меня есть дурная привычка выставлять все эмоции напоказ. Он улыбается мне прежде, чем я успеваю ответить, и отставляет свою чашку в сторону, наклоняясь вперёд и кладя руку мне между ног. Мой халат цепляется за его ладонь, не давая мне абсолютно никаких шансов спастись. — Мне нравится, какой вы одухотворённый, мистер Карсон.

— Одухотворённый — это лишь один из способов выразить это, — уклоняюсь я, когда он наклоняется ещё ближе, и я чувствую знакомый сиренево-розмариновый аромат, который мы делим. Я только что пользовалась средством «Вишнёвый цвет», которым здесь снабжена

ванная комната, но я почти уверена, что Черч, должно быть, захватил с собой что-то из Адамсона. Ну, или я просто, типа, супер настроена на его запах. Мои щёки краснеют, но я отказываюсь принимать эту последнюю мысль как факт.

Улыбка Черча становится немного шире, ровно настолько, чтобы эмоции, наконец, отразились в его прекрасных янтарных глазах.

— Понимаешь, что я имею в виду? — шепчет он, наклоняясь так близко, что я думаю, он снова поцелует меня. Вместо этого он проходит мимо моего рта и запечатлевает поцелуй сбоку на моей челюсти. — Ты покраснела. Умоляю, скажи мне: какая мысль только что промелькнула в твоей хорошенькой маленькой головке?

— Хорошенькая маленькая головка... это своего рода сексизм, тебе не кажется? — бормочу я, краснея ещё сильнее, и Черч снова смеётся. Это низкий, мягкий звук, почти опасный. Я не могу поверить, что когда-либо считала его социопатом (или психопатом, неважно, я не помню разницы). Он просто замкнут в себе, полон эмоций, которым отказывается подчиняться. Что касается меня, то я раб своих эмоций.

Черч лишь слегка отстраняется, наклоняется и убавляет газ в фонаре, погружая комнату в темноту. У меня перехватывает дыхание, и мне приходится накинуть лассо на своё сердце, чтобы оно не билось так бешено, что готово вырваться из моих нежно приоткрытых губ.

— Тебе не нужно извиняться за то, что ты сбежала. Ты видела меня с окровавленным ножом в руках; из коридора на тебя смотрел убийца. Я рад, что ты сбежала. Я не уверен, что смог бы справиться, если бы с тобой что-нибудь случилось, Чак.

Мои ладони вспотели, когда я поднимаю их и кладу на мускулистые плечи Черча, в очередной раз удивляясь, что помешанный на кофе принц школы такой мускулистый под униформой и культурной внешностью.

«*Приятно удивляюсь*», — мой мозг напоминает мне об этом, и я рада, что свет сейчас выключен, так что он не может увидеть, насколько я краснею.

Наши рты соприкасаются, всего лишь лёгкое прикосновение губ, и море бабочек взлетает у меня в животе, вызывая головокружение.

«*Мы не можем провести полноценный сеанс поцелуев с другими парнями в комнате, или можем*», — говорю я себе, но трудно разобраться в этикете групповых отношений, когда, знаете ли, на самом деле никого нет в наличии.

Горячий, скользкий кончик языка Черча дразнит мою нижнюю губу, и я вздрагиваю, обхватывая пальцами его бицепсы. Он прижимается ещё сильнее, когда я осторожно приоткрываю рот и приглашаю его войти; невозможно не заметить, что его рука скользит всё ближе к сладкому местечку между моими бёдрами.

К сожалению, в этот же момент я замечаю движение за плечом Черча и, подняв взгляд, вижу тень, маячившую по другую сторону экрана сиденья. Я вижу слабые очертания человека, разглядывающего нас, и у меня перехватывает дыхание — но совершенно по другим причинам, чем раньше.

Черч напрягается и оглядывается через плечо. Прежде чем я успеваю даже подумать о том, как справиться с ситуацией, он поднимается на ноги и направляется к двери. Человек с другой стороны уходит, когда он открывает дверь.

— Разбуди остальных! — шипит он, а затем бросается бежать.

— Блядь, — ворчу я, поднимаясь на босые ноги, прежде чем одной из них пнуть Рейнджера в плечо. — Вставай, беда!

Он мгновенно просыпается, но я уже ухожу за Черчем. Раньше я убежала от него; я не

позволю ему в одиночку преследовать убийцу.

Мои босые ноги шлёпают по деревянным доскам снаружи, когда я гонюсь за Черчем и тенью, между светлячками, танцующими в воздухе вокруг двора. Человек-тень первым заворачивает за угол, но Черч не сильно отстаёт.

К тому времени, как я догоняю его, тяжело дыша и отдуваясь, я вижу, как Черч хватается человека за плечо и толкает его к стене. Он срывает капюшон от серого свитера с головы и показывает лицо, которое я никак не ожидала здесь увидеть.

— Селена? — спрашиваю я, задыхаясь и кашляя, когда останавливаюсь рядом с ними. Её карие глаза пристально смотрят на меня сверху вниз, пока она пытается отдышаться, светлые волосы прилипли к её вспотевшему лбу. Мы встречались всего один раз, на танцах в День святого Валентина в Женской Академии Эверли, но как я могла забыть девушку, которая подарила мне своё платье, парик и немного косметики, когда я действительно в этом нуждалась? — Ты одна из убийц?

— Что? — спрашивает Селена, моргая в ответ, как будто я сумасшедшая. — Так он теперь называет своих поклонниц?

— Поклонниц? — эхом отзываюсь я, обмениваясь взглядом с Черчем. — Чьих поклонниц?

— Марка, — раздражённо отвечает она, убирая руки Черча со своих плеч и потирая их, как будто позже у неё могут появиться синяки. Я не удивлена: у Черча тревожно сильная хватка, что противоречит его внешности президента академии.

— У Марка есть поклонницы? — выпаливаю я, и в моём голосе, должно быть, слышится какой-то ужас, потому что Селена переводит свой свирепый взгляд на меня. Черч, с другой стороны, не выглядит особенно шокированным.

— Они называют себя «фанатиками», что, на самом деле, не имеет вообще никакого смысла.

— У Марка, у этого мудака-душегуба-в-заднице-свиньи есть поклонницы, которые называют себя... как? Типа, фанатки, но... фанатички? — у меня возникли проблемы с установлением связи. Марк далеко не настолько крут, чтобы заводить поклонниц.

— Пожалуйста, не называй моего парня мудаком... Подожди, ты сказала «в заднице свиньи»? — спрашивает Селена, бросая на меня особый взгляд. Я знаю, что мои оскорбления нетрадиционны, ясно? Но с каких это пор творчество стало чем-то плохим? Одни рисуют масляными красками, другие акриловыми, а я... юношескими колкостями, которые не имеют смысла. У каждого из нас свои средства.

— Фанатики, как в фанаты, без буквы «Ч», — поправляет Черч, его пронизательный взгляд прикован к лицу Селены. Она кажется достаточно невинной, но она пряталась где-то в темноте, так ведь? И кроме того, она учится в Эверли, а не в Адамсоне, так какого чёрта она вообще здесь делает?

— Что, чёрт возьми, происходит? — огрызается Рейнджер, выходя из-за угла без рубашки, великолепный, сексуальный и... Я смахиваю воображаемую слюну со своего лица и пытаюсь вспомнить, что мы здесь делаем. Спенсер и близнецы не сильно отстают, и я чуть не задыхаюсь, когда Тобиас протягивает руку, чтобы поправить мою юкату. Она упала так низко, что видны повязки на моей груди.

— Я поддержу тебя, Чак, — шепчет он, поправляя мой халат, а затем переводит взгляд зелёных глаз на Селену. — Что, нахрен, здесь происходит?

— У нас тут девушка из Эверли, крадущаяся в тени, — отвечает Черч, в то время как

Селена фыркает и скрещивает руки на груди. Стрекогут сверчки, и лунный свет танцует на пруду с кои в переднем дворе, но здесь далеко не так безмятежно. Клянусь, я чувствую металлический привкус крови в воздухе.

— Разве ты не та девушка с танцев? — спрашивает Спенсер, склонив голову набок. Когда он проводит пальцами по волосам, я замечаю, что его рука дрожит. Я также замечаю, что Тобиас установил некоторую дистанцию между собой и Микой, что нехорошо. Я чувствую, что нарушила их тщательный баланс близнецов. — Мы курили травку на причале с этой цыпочкой.

— У этой цыпочки есть имя, — рявкает Селена, вызываяще задирая подбородок. Я не могу не вспомнить, как они с Марком приставали друг к другу посреди родительской вечеринки Черча. Мерзость. Не тот образ, который я хотела бы запечатлеть в своём мозгу, большое вам спасибо. — Селена МакКоннелл, и прежде чем вы снова обрушите на меня своё извечное дерьмо, не волнуйтесь: я здесь не ради вас. — Спенсер и Тобиас обмениваются взглядами, когда Рейнджер прищуривает на неё свои сапфировые глаза, а Черч прислоняется плечом к стене с обманчиво небрежным видом. Мика бочком подходит, чтобы встать рядом со мной, и мы обмениваемся скептическими взглядами. — Я ищу своего парня, Марка.

— С какой стати ты проделала весь этот путь в поисках своего парня? — спрашивает Черч, и в его стоическом лице и ровном голосе появляется опасная нотка.

— Я не обязана тебе ничего объяснять, — выдавливая Селена, но потом, должно быть, понимает, насколько нелепо всё это выглядит, поэтому она вздыхает и продолжает, заправляя прядь волос за ухо. — В последнее время он ведёт себя реально странно. — Она смотрит в мою сторону, словно ища какой-то женской солидарности. — Шныряет повсюду, лжёт о том, где он был, и он проводит *слишком* много времени с мисс паинькой-девочкой. — Селена снова закатывает свои карие глаза. — Астер даже последовала за ним сюда, так почему бы и мне не последовать? — лицо Селены темнеет, а мои собственные глаза расширяются в такт с глазами Мики.

— Кто такая Астер? — спрашивает Мика, но даже если он не помнит, кто она, я помню. Она та рыжеволосая с пышными формами, которая танцевала со мной и Россом на танцах в День Святого Валентина. Но, возможно, ему не нужно помнить, кто она такая, чтобы удивиться тому, что не одна, а две девушки из Эверли появились в «Оисии Онсен» сразу после того, как произошло убийство.

— Ах, — огрызается Селена, и её лицо краснеет. — Она здесь, и она, вероятно, как раз катается верхом на моём парне...

— Я знаю, где комната Марка, — небрежно говорит Черч, обрывая её на полуслове и пристально глядя на неё своими янтарно-медовыми глазами. — Хочешь, чтобы мы тебе показали?

Тон его голоса говорит о том, что это не просьба.

Селена оглядывает нашу группу, слегка прищуривая глаза с понятной долей подозрения.

— Может быть. Почему вы, ребята, так вцепились в мою задницу? — спрашивает она, снова оглядываясь на меня, единственную девушку в кругу членов. — Студенческий Совет Адамсона и директорская д...

— Сын, — выдыхаю я, просто на случай, если кто-нибудь может нас подслушать. Селена приподнимает бровь и вздыхает, но не перечит мне. — И мы не вцепились в твою задницу, мы просто...

— Мы с Чаком собирались повеселиться, а ты нас прервала, — заканчивает Черч

прежде, чем я успеваю его остановить. Мои щёки вспыхивают, когда остальные четверо парней из Студенческого совета смотрят в мою сторону. О-о-о. — Нам не особенно нравится, когда за нами наблюдают.

— Она сказала *убийца*, — уклоняется от темы Селена, но я уже закончила этот разговор. Я делаю шаг вперёд и хватаю её за руку, нацепляя фальшивую улыбку.

— Пойдём со мной, и мы найдём Марка, хорошо? — говорю я, и, хотя я почти уверена, что Селена думает, что мы врём, она позволяет мне вести её по коридору в направлении комнаты её парня. Когда мы добираемся туда, она, не теряя времени, распахивает сетчатую дверь седзи.

Комната пуста.

Марка в ней нет, и Астер тоже.

Лицо Селены вспыхивает, когда я отступаю назад и натываюсь спиной на Рейнджера, что напоминает мне, что не так давно мы были обнажены, если не считать наших фартуков, и в гораздо более компрометирующей позе, чем эта. Он кладёт руки мне на бёдра почти собственнически, и я понимаю, что дрожу.

— Вы уверены, что это его комната? — спрашивает Селена, её голос темен и полон подозрения, когда она оглядывается на меня. Черч делает шаг вперёд, чтобы взять ситуацию под контроль, как он это делает всегда.

— Я уверен, — отвечает он, и Селена хмурится. Интересно, где она остановилась? Или как она попала на курорт в нерабочее время. С другой стороны, когда у тебя есть деньги, возможно практически все, не так ли? Она могла бы подкупить любое количество людей, чтобы еёпустили.

— Спасибо, — язвительно говорит она, встряхивая волосами и входя в комнату. — Дальше я сама разберусь.

Не говоря больше ни слова, она поворачивается и закрывает сетчатую дверь.

Большие, горячие руки Рейнджера всё ещё тяжело лежат на моих бёдрах, и когда я оборачиваюсь, думая, что он отступит, он не двигается. Вместо этого, лишь его сапфировые глаза, впиваются в мои.

— В следующий раз было бы неплохо получить объяснение, когда ты будишь меня пинком посреди ночи, — ворчит он, его голос грубоват, но о-о-очень сексуален. Я с трудом сглатываю, но всё равно киваю, и он хватается за руку, таща обратно в комнату, которую я делю с Черчем. Остальные парни следуют за нами, и мы снова собираемся при тусклом свете газового фонаря.

— Я же не единственный, кто чертовски подозрителен, — шепчет Спенсер, сидя со скрещёнными ногами на *татами* и опираясь на ладони. Однако по тому, как он смотрит на меня и Черча, я уверена, что он думает не только о Селене, Марке и мёртвом теле, я всё ещё уверена, что это не было галлюцинаций. — Она проделала весь этот путь до Анального траха, Вникуда, Северная Каролина, чтобы узнать, не изменяет ли ей её парень?

— Люди совершали и более странные поступки в отношении возможных интрижек, — говорит Мика напряжённым голосом. Тобиас усмехается, скрещивает руки на груди и отводит взгляд. Очевидно, мы всё ещё обсуждаем свечи и зажигалку.

Я вздыхаю и потираю лоб тыльной стороной ладони. Другая рука всё ещё в плену у Рейнджера, и он, похоже, совсем не готов её отпустить. Черч усаживается на подушку рядом с низким столиком и берёт свою отставленную чашку, отпивает из неё и явно сожалеет, что это не кофе.

— Значит, ты купился на её историю? — спрашивает Спенсер, приподнимая тёмную бровь. Иногда, когда я смотрю на него, у меня внутри всё кружится и становится странно. Типа, он был у меня первым, и я никогда не смогу этого забыть. Вычеркните это: я бы никогда не хотела забывать об этом. Но я также осознаю, что встречаться с пятью парнями — не самый реалистичный жизненный выбор.

«В какой-то момент мне придётся выбирать между ними, да?» Эта мысль порхает в моём сознании, как мотылёк, и я отгоняю её в тёмные закоулки своего мозга.

— Не совсем, — отвечает Мика, осторожно поглядывая на своего брата. Я уже скучаю по их выкрутасам близнецов, а они «ругались» всего полдня. — Я просто говорю, что, возможно, она не такая уж подозрительная. Типа, где, чёрт возьми, Марк? И кто, чёрт возьми, эта цыпочка Астер?

— Астер была на танцах, — говорю я, чувствуя, как моя ладонь потеет в ладони Рейнджера. У него она сухая и тёплая, и я могу только надеяться, что он не съёжится от моей влажности. Я имею в виду влажность моей ладони. То есть, я уверена, что он не возражал бы против влажности в другом месте... Хотя, держу пари, он был бы против слова «влажный». Похоже, он из тех, кто раздражается из-за одного слова. — Она танцевала со мной и Россом... — я замолкаю, потому что это не особенно полезная информация. Никаких обид на неё или чего-то в этом роде, она была достаточно милой девушкой, но наше общение было довольно непримечательным.

— Астер, да? — говорит Рейнджер, сузив глаза до щёлочек. Он сжимает мою руку в своей, а затем, наконец, отпускает, взглянув в мою сторону. — Ты сказала, что была уверена, что одним из нападавших была женщина?

— Более чем, — отвечаю я, позволяя своему разуму следовать за ходом его мыслей. — Ты думаешь, Астер может быть одним из убийц? Или даже Селена?

— Любая из них, что имело бы смысл, учитывая, насколько подозрителен Марк, — добавляет Спенсер, пока Черч сидит в тихом, созерцательном раздумье. Я вижу, как крутятся колёсики в его голове.

— Марк виновен; мы знали это целую вечность назад, — говорит Мика с издёвкой, садясь рядом со Спенсером и давая своему близнецу немного пространства. Именно это конкретное предложение, я думаю, должно было прозвучать в унисон. Однако, взглянув на Тобиаса, становится совершенно очевидно, что он не намерен подыгрывать. — Но серьёзно, что за парень мог вот так повесить лучшего друга на дереве?

— Марк — *серьёзный* кусок спермы, — указываю я, и все пятеро парней соглашаются шёпотом, кивают или пожимают плечами.

«И ещё, на заметку себе: не говори «сперма» при всех пяти своих парнях, Чак. Это приобретает менее грубый и более, гм, чувственный оттенок».

К счастью, в полумраке никто не замечает моего смущения.

— Честно говоря, узнать, что он убил лучшего друга, было бы менее удивительно, чем узнать, что у него есть... — драматическое подёргивание глазом — *поклонницы*. Самое время проблеваться.

— Но зачем? — говорит Черч, нарушая молчание и поднимая глаза. — Нам не хватает мотива. Верю ли я, что Марк мог быть мрачным, сломленным и настолько глупым, чтобы убить своего лучшего друга? Конечно. Но *почему*? Зачем Астер или Селене охотиться за нашим Чаком?

«Нашим Чаком?» — думаю я, облизывая губы, когда сажусь за стол. Оглядывая

комнату, я понимаю, что мне отчасти нравится эта идея — быть их Чаком. Странно, да? Я имею в виду, что они разбивали яйца об мою рубашку и вываливали на меня банки с пауками, засунули меня в унитаз и не пускали в столовую Кулинарного клуба. А теперь эти ребята из Студенческого совета чувствуют, что могли бы стать моей вечной командой.

— Может быть, нам стоит установить что-то вроде наблюдения, посмотреть, когда Марк вернётся и с кем? — предполагает Тобиас. — Я мог бы подежурить первым.

— Я пойду с тобой, — добавляет Мика, вставая, но Тобиас натянуто улыбается ему.

— Я бы предпочёл пойти со Спенсером, но всё равно спасибо. — Тобиас направляется к двери и выходит, в то время как Спенсер стонет и ворчит себе под нос о недосыпе. Уходя, он подходит и благословляет меня поцелуем в лоб, прежде чем уйти.

С другой стороны, удручённое лицо Мики преследует меня даже в моих снах. В нём он смотрит на мёртвое тело своего брата на каменном алтаре святилища, а не на незнакомца, которого видели мы со Спенсом.

Для меня это похоже на предупреждение, и мне это не нравится.

Я не хочу терять никого из своей команды, ни сейчас, ни когда-либо ещё.

И я правда, правда, правда не хочу выбирать.

На следующее утро я просыпаюсь в луже слюней, с прилипшими к лицу волосами, прямо как Анна в грёбаном мультфильме «Холодное Сердце». В отличие от грёбаной Анны из «Холодного Сердца», у меня есть Мика МакКарти, который улыбается мне и фотографирует на телефон.

— Если что-нибудь из этого попадёт в социальные сети, клянусь, я уничтожу тебя.

— Уже опубликовано в Инсте, — говорит он с мрачной усмешкой, когда я протягиваю руку, чтобы шлёпнуть его.

— Мастер стояка, — бормочу я самым оскорбительным из возможных способов, принимая сидячее положение и обнаруживая, что остальная часть комнаты пуста. Мальчики свернули футоны, сложили одеяла и убрали подушки в шкаф. — Где все? Марк вообще возвращался прошлой ночью?

— Ага, — говорит он, убирая телефон и откидываясь назад. Его красно-оранжевые волосы падают ему на лицо, когда он изучает меня зелёными, как мох, глазами. От меня не ускользает, что причина, по которой он ссорится со своим братом — это я. Потому что он хотел сделать для меня что-нибудь романтическое. Я прикусываю нижнюю губу, борясь с приступом вины. — Но Спенс и Тоби сбежали, когда он и Селена начали трах...

— Ладно, ладно, хватит. Мне не нужно промывать уши отбеливателем в такую рань. — Я встаю на трясущихся ногах и зеваю, пытаюсь забыть, что на самом деле трахнула обоих близнецов МакКарти на аттракционе в Диснейленде. Как будто у меня есть право быть ханжой. — Значит, Марк вернулся, и не с Астер?

— Ага. Но кто знает, чем он занимался до этого? Он сказал Селене, что тусовался с парнями, но, когда Спенсер и Тобиас ушли, они проверили все комнаты, и казалось, что все остальные крепко спали и были в таком состоянии уже некоторое время. Хотя могу и ошибаться. — Он пожимает плечами, и его юката сползает ровно настолько, чтобы я могла увидеть татуировку в виде розы у него на плече. — Все остальные на завтраке. Джейсон Ламберт пропал, и твой отец начинает сходить с ума.

— Есть какие-нибудь признаки мистера Дэйва? — спрашиваю я, и Мика качает головой. — А Мистер Мерфи?

— Он ведёт себя так, словно ничего не случилось, — отвечает он, выдыхая и протягивая руку, чтобы провести пальцами по волосам. Его глаза следят за моими движениями, пока я подхожу к сумке и поднимаю её за ручку. Я отчаянно нуждаюсь в душе, зубной пасте и новом наборе бинтов для груди.

Я также знаю, что не могу пойти в ванную без сопровождения. Чёрт возьми, никто из нас не должен никуда ходить без сопровождения. Последнее, чего я хочу — это чтобы мой ночной кошмар стал явью.

— Эй, я тут подумал... — Мика вздрагивает, достаёт из кармана покрытую воском зажигалку и рассеянно щёлкает колёсиком. Однако его глаза не отрываются от моих. — Ты заслуживаешь того, чтобы знать об Эмбер.

— Я не хочу делать ничего, что могло бы увеличить дистанцию между тобой и Тобиасом, — выпаливаю я, и Мика улыбается, встаёт и протягивает руку, чтобы открыть мне дверь. Мы оба пользуемся моментом, чтобы оглядеть коридор в поисках психов с ножами, но не видно ни души, только отдалённый смех из столовой.

— Я спросил его, могу ли я рассказать тебе, и он сказал, что всё в порядке, если я скажу тебе правду. — Мика ведёт меня по коридору в одну из ванных комнат. Это место немного похоже на хостел. Есть всего несколько общих ванных комнат, но они просторные и чистые, с замком на цепочке и засовом изнутри.

Вместо того, чтобы подождать меня снаружи, предварительно проверив, нет ли кого-нибудь, кто прячется, Мика закрывает дверь и запирает её, отчего у меня перехватывает дыхание.

— Знаешь, ты можешь подождать снаружи, — шепчу я, и он улыбается мне, заставляя моё сердце учащённо биться.

— Я бы предпочёл подождать здесь. — Он делает шаг вперёд и наклоняется, как будто собирается поцеловать меня. К несчастью для него, по утрам у меня ужасно пахнет изо рта, поэтому я отступаю и в итоге прижимаюсь к стеклянной двери душа. Мика только усмехается и садится на скамейку возле двери, сбрасывает обувь и опускает ноги на выложенный галькой пол. Он замолкает всего на мгновение и поднимает на меня взгляд. — Я имею в виду, при условии, что ты не против этого?

— Я не против — при условии, что ты сначала разденешься, — говорю я, и Мика улыбается мне. Это одна из тех его самоуверенных ухмылок, и от неё у меня по всему телу пробегают мурашки.

«Неужели я только что пригласила чувака раздеться догола в общей ванной, в окружении одноклассников, и с моим отцом, бродящим по коридорам?»

Да, да, я действительно это сделала, и я не стыжусь этого.

Он снова встаёт и тянется к завязке на халате, приподнимая бровь в моём направлении.

— Ты уверена, что не хочешь сначала поговорить об Эмбер?

— Поговорить о девушке, с которой ты встречался до меня? Не совсем. Сделай это после, или я могу вышвырнуть тебя отсюда вместо этого. — Я возвращаюсь в душ и остаиваюсь там. Я намеревалась раздеться и быть сексуальной и всё такое прочее, но теперь, когда Мика начинает снимать свою собственную юкату, я застываю от страха. Мика замолкает, заметив мой дискомфорт, и подходит, чтобы встать передо мной. Когда он кладёт руки мне на плечи, я немного расслабляюсь.

— Я не хочу давить на тебя, — говорит он, нежно убирая волосы с моего лица. — Я выйду и...

— Нет, — отвечаю я, потому что могу сказать, что он неправильно истолковывает мои эмоции. Я не боюсь *его*, я просто боюсь, что выставлю себя полной задницей. — Не уходи. Я просто... Я не хочу всё испортить.

— Что испортить? — спрашивает Мика. Я произвольно жестикулирую между нами.

— Ты, Тобиас, я, Студенческий совет, что угодно из этого. — Я смотрю на него снизу-вверх, и он тяжело вздыхает, обнимая меня и притягивая к себе для объятий, которых я не ожидала. Медленно я поднимаю руки и обнимаю его в ответ. Это так приятно — просто обнять кого-нибудь. Помимо того, что мы все вытерпели то дерьмо, которым нас обливали, нелегко увидеть мёртвое тело или заставить кого-то поверить тебе, когда ты рассказываешь об этом. Я чувствую себя отдалённой от мамы, папы, но, по крайней мере, у меня есть Студенческий совет.

— Ты ничего не испортишь, Чак Карсон, — говорит Мика с лёгким смешком. В нём есть нервная трель, которой я никогда раньше не слышала. Я привыкла к тому, что он уверенный в себе, дерзкий. Медленно я отстраняюсь и смотрю ему в лицо. На нем можно

прочитать признание, которое, я знаю, мне нужно услышать. Однако вместо того, чтобы настаивать на этом, я просто жду. Иногда людям нужно прийти к вам в своём темпе. — Это я всё испортил с Тобиасом. Он так и не смог забыть историю с Эмбер.

Мика делает шаг назад, и я понимаю, что мы не собираемся заниматься сексом, не прямо сейчас. Ему нужно выговориться. Я подхожу к раковине, чищу зубы, пока он посмеивается надо мной, а затем хлопаю его по груди.

— Прекрати это. Я очень стесняюсь своего дыхания, ясно? Никто не хочет целовать утренний рот, или кофейный рот, или... — Мика делает шаг вперёд и красноречиво обнимает меня одной рукой за талию, другой обхватывая мой затылок. Он обрывает меня на полуслове поцелуем, который я чувствую до кончиков пальцев ног. Они скручиваются на вымощенном галькой полу, когда я хватаюсь за передние полы его халата и сминаю ткань дрожащими пальцами. На вкус он как мята и вишня.

— Именно поэтому я попросил Черча и Рейнджера присмотреть за тобой, пока я пробирался в ванную этим утром, чтобы привести себя в порядок. — Он хихикает мне в губы, и я улыбаюсь ему в ответ. — Ты не единственная, кто беспокоится, что утреннее дыхание может всё испортить. — Мика внезапно замолкает и отстраняется, хватая меня за руку и увлекая за собой.

Он открывает дверь ванной и... там стоит мой грёбаный отец и смотрит на меня, подёргивая одной бровью.

— Чак. Карсон. — Эти два слова он выдавливают сквозь зубы, а я в шоке моргаю в ответ. Каковы шансы, люди? Нет, серьёзно, реально, каковы шансы, что он появится за дверью ванной именно в этот момент?! Автор моей жизни, должно быть, ненавидит меня. — Не могли бы вы объяснить мне, что вы двое делали в ванной вместе?

«Я собиралась соблазнить Мику, но потом занервничала, а он хочет мне кое в чём признаться, так что...»

— Чистили зубы? — выпаливаю я, но это почти вопрос и не звучит особенно убедительно. Я так нарываюсь на взбучку. Между фальшивой помолвкой, мёртвым телом, мной, прижатой голой к Черчу, и теперь этим? Но опять-таки, когда мне там исполнится восемнадцать? Христос на крекере.

— И вам нужно было сделать это вместе, потому что...? — отец продолжает, замолкает, а затем делает паузу, когда мистер Мерфи подходит к нему слева и наклоняется, чтобы что-то прошептать. Папино лицо напрягается, и он кивает, оглядывая меня и Мику с выражением недоумения на лице. — У меня быстро истекает терпение по отношению к тебе, Чак.

Я поджимаю губы, но продолжаю держать руку Мики, когда папа уходит по коридору, а мистер Мерфи спешит следом. Он выглядит испуганным, находясь рядом со мной, поэтому, когда мужчина проходит мимо, я показываю ему фак и получаю удовольствие от того, что он съёживается.

— Он ни в коем случае не может быть одним из убийц, — бормочу я, но всё равно не могу понять его мотивацию. Черч прав: это наша проблема. У нас есть много зацепок, но без мотива их невозможно собрать воедино.

Я никак не могу обвинить себя за то, что не поняла раньше, что то, с чем мы имеем дело, являлось гораздо большим, чем я когда-либо могла себе представить.

— Пойдём, — говорит Мика, ведя меня обратно в мою комнату и через неё к противоположной двери, ведущей во внутренний двор. По дороге я беру свои сандалии, и мы

прогуливаемся по извилистым дорожкам возле пруда с карпами. Воздух свежий и чистый, а пейзаж вокруг нас такой мирный, что трудно вспомнить, что буквально вчера я видела в лесу людей в лисьих масках. — После того, как я расскажу тебе эту историю, ты можешь возненавидеть меня.

— Невозможно, — молвлю я, выдыхая и оглядываясь на него. Я начинаю понимать, что только потому, что люди совершают ошибки, это не делает их расходным материалом. Даже если ошибки будут большими. Если есть любовь, и вы достаточно заботитесь о другом человеке, вы справитесь с этим, и вы оба становитесь лучше. Я не имею в виду присутствие токсичных или оскорбительных людей в вашей жизни, но... Мика — человек. Что бы он ни сделал с Тобиасом, теперь он хороший человек, и это главное. Наше прошлое — это не якорь, который удерживает нас привязанными к затонувшему кораблю на дне моря; это парус, в который мы можем набирать ветер, чтобы воспарить.

— Ты знаешь, что на первом курсе мы с Тобиасом ходили в частную академию в Санта-Круз, верно? — я приподнимаю брови, когда Мика останавливается и поворачивается ко мне, ветер треплет выбившиеся пряди его красно-оранжевых волос вокруг лица. Мы остановились на настиле, с которого открывается вид на пруд с кои. Мика выходит вперёд и скрещивает руки на перилах, перегибаясь через них и оглядывая территорию.

— Вообще-то, я этого не знала, — говорю я, подходя, становлюсь рядом с ним и прислоняюсь задницей к перилам. Он улыбается, но выражение его лица напряжённое, и у меня возникает мысль, что это воспоминание ранит его так же сильно, как и Тобиаса.

— Ну, мы ходили туда. И пока там учились, мы познакомились с девушкой по имени Эмбер Мьюз. — Он ещё немного улыбается, но это печальное выражение не совсем отражается в его глазах. — Она жила с мамой в отстойном трейлере на участке своего дедушки. — Он замолкает и смотрит в мою сторону с небольшой усмешкой, дразнящей уголок его рта. — В любом случае, мы с Тобиасом оба были по-настоящему увлечены ею, но, э-э... — он снова замолкает и вздыхает, наклоняясь вперёд и упираясь лбом в предплечья. — Как обычно, она предпочла Тобиаса мне.

Одна моя бровь приподнимается, и я наклоняюсь, пытаюсь оказаться на уровне глаз Мики МакКарти.

— Что значит *как обычно*? — спрашиваю я, и тут одна из рыбок кои шлёпает хвостом по поверхности воды и забрызгивает мои ступни, заставляя меня взвизгнуть. Мика ухмыляется и смеётся, поднимая голову.

— Так было всегда, — говорит он, пожимая плечами, как будто ему всё равно. Я могу сказать, что это не так. — С нашими родителями, нашими друзьями, девочками. Что вы делаете, когда у вас двое близнецов? Вы выбираете одного. Тобиас всегда был самым милым из нас двоих, более общительным. — Мика приподнимает бровь, а затем смотрит в мою сторону. — Даже тебя сначала привлекло к нему.

Я открываю рот, чтобы возразить, но затем резко его закрываю. Мика прав. У Тобиаса более мягкие манеры, но я должна признать, что в резкости Мики есть что-то такое, что мне нравится. Я не предпочитаю его близнеца ему. Чёрт возьми, я не отдаю предпочтения ни одному из парней из Студенческого совета Адамсона по сравнению с другими, и у меня такое чувство, что к концу года — это может стать проблемой.

— Как бы то ни было, Тобиас и Эмбер начали встречаться, и, признаюсь, я ревновал. Я... — Мика вздыхает и остаётся стоять, положив ладони на перила и глядя мимо пруда с кои в сторону ворот. Там стоит полицейская машина без включённых сирен, за ней следует

простой чёрный внедорожник, и они оба подъезжают к дому.

Мы с Микой обмениваемся взглядами, но не нужно быть гением, чтобы понять, что они здесь делают.

— Ты ревновал, — повторяю я, оглядывая его и видя в нём такую уязвимую сторону, которой никак не ожидала. — И что потом? — зелёные глаза Мики скользят по полицейским в форме и детективам, вылезавшим из своих машин, прежде чем вернуться ко мне.

— Мама Эмбер отправилась на реабилитацию, — говорит он, и моё сердце сжимается когда я думаю о собственной матери и её борьбе с зависимостью и реабилитацией. — И ни один из нас не мог смириться с мыслью о том, что она будет жить одна в этом паршивом трейлере. Мы пригласили её пожить у нас — наших родителей это почти не волновало, так как их никогда не было рядом. — Мика выдаёт самоуничижительную улыбку, и мне кажется, что я вижу, как с него снимаются все слои, обнажая под ними настоящего мальчика МакКарти. — Та комната, с видом на океан и балконом, мы съехали из неё и отдали ей.

Мика отталкивается от перил, когда с одного из деревьев осыпаются лепестки. Я поднимаю руку и ловлю несколько, как розовый снег на ладони. Лепестки мягкие и изящные; я думаю, это цветы вишни.

— Она прожила там три месяца, прежде чем... — Мика замолкает и на мгновение прикусывает нижнюю губу, протягивая руку, чтобы убрать лепесток с моих волос. — Тобиас однажды вечером пропал на каком-то мероприятии по ММА, от которого я отказался. Я сказал ему, что заболел, но солгал; я просто не хотел видеть его с Эмбер. Я понятия не имел, что она тоже осталась дома в ту ночь.

— Значит, вы были с ней наедине? — уточняю я, и он кивает, протягивая руку, чтобы провести ею по лицу.

— Я стащил немного дурацкого крафтового пива у отца и зажёл несколько свечей, и мы просто тусовались и разговаривали всю ночь. Как раз перед тем, как Тобиас вернулся домой, мы... — Мика снова пожимает плечами, и я чувствую, как тёмная змея ревности поднимает свою уродливую голову внутри меня. — Это был мой первый раз, — признаётся он, прикусывая нижнюю губу и оглядывая меня с ног до головы, словно ожидая увидеть какую-то особую эмоцию. Должно быть, я немного удивляю его, потому что его брови поднимаются вверх. — Как бы то ни было, какое-то время наш роман продолжался. Почти два месяца. Однажды Тобиас зашёл к нам, и всё пошло прахом.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, представляя боль с обеих сторон. То, что сделал Мика, было неправильно, но я вижу прогресс, которого он добился. Я не думаю, что он когда-либо хотел причинить боль своему близнецу.

— Тобиас ушёл в ёбаный запой. Он пил и курил; в общей сложности он разбил три машины.

Мои брови взлетают вверх, а губы приоткрываются в шоке. Я не могу представить себе Тобиаса МакКарти, делающего что-либо из этого. Я имею в виду, он немного курит травку, выпивает в обществе, но... не так.

— Нашим родителям не нравилось то, что происходило между нами, поэтому они отправили нас в Адамсон. Наш отец ходил туда ребёнком, так что в этом был смысл.

Мика снова вздыхает, и улыбка сползает с его лица.

— Что случилось с Эмбер? — почти боюсь спрашивать, но на данный момент я должна знать, чем закончится эта история.

— Стрельба в школе, — шепчет он, на мгновение закрывая глаза. Блядь. Мне не нужно задавать никаких других вопросов по этому поводу. Взрослея, мы все привыкли бояться за свою жизнь, когда идём в школу. Это печальная, болезненная часть жизни члена поколения Z. — Её мать переехала в Санта-Клариту сразу после того, как мы уехали в Коннектикут, и Эмбер проучилась там всего полсеместра, прежде чем это случилось. — Глаза Мики наполняются слезами, и я помню, как он плакал, когда подумал, что сначала Тобиас, потом Рейнджер, а потом и Спенсер были мертвы. Он действительно очень чувствителен. — Я думаю, в какой-то мере Тобиас винит меня в её смерти. То есть, если бы я не переспал с ней, и мы бы не уехали в Адамсон, возможно, она бы не переехала к маме после реабилитации.

— Ты не можешь этого знать, — шепчу я, чувствуя, как мои собственные глаза наполняются слезами. — Но вполне объяснимо задаваться вопросом «что, если». Ты не можешь позволить этому уничтожить тебя. Каждый день мы делаем выбор, который не кажется важным. Обычно так и есть. Но время от времени случается что-то важное. Это невозможно предсказать; ты сведёшь себя с ума, если попытаешься.

Уголок губ Мики дёргается, но на его лице слишком много печали, чтобы он мог улыбнуться.

— Когда ты успел стать таким мудрым и дерьмовым, Чак Микропенис?

— Когда это ты успел стать таким меланхоличным? — возражаю я, делая шаг вперёд и снова обнимая его. Мика слегка напрягается, но через мгновение его рука опускается мне на спину, и он немного расслабляется. Я почти уверена, что он ожидал, что я буду осуждать его, ненавидеть, обвинять. Но я не чувствую ничего из этого. Единственное, что я чувствую — это сочувствие к нему и печаль по Эмбер. Маленькая искорка ревности погасла.

— Мы хорошо это скрываем, да? — спрашивает Мика, когда я вдыхаю его аромат вишни и ветивера. Мне нравится, как он говорит *мы*, хотя я разговариваю только с ним. — Ты уверена, что не хочешь бросить меня и встречаться только с Тобиасом? Я бы понял, если бы ты это сделала.

Я фыркаю и зарываюсь лицом в его халат.

— Ты сейчас так глупо себя ведёшь, — бормочу я, наблюдая, как лепестки цветущей вишни кружатся на ветру. Подняв голову, я смотрю на него и встречаюсь взглядом с его зелёными глазами. — Вы, ребята, теперь делитесь девушками, помните? — на этот раз настала его очередь фыркнуть мне в ответ. — Ну, не девочками. Девочкой. Единственное число. Одна. Только я, Чак Микропенис. — Мика, наконец, улыбается, когда я делаю шаг назад. Кажется, вокруг никого нет, но если они услышат, что я называю себя девушкой, тогда что с того? К чёрту их. Этот секрет всё равно устарел.

— Ты знаешь, почему мы решили делиться девочками? — спрашивает он. — Потому что мы не хотели, чтобы кто-то или что-то снова встало между нами. И всё же, мы здесь. Я снова облажался и всё испортил. — Мика делает паузу и поднимает взгляд, чтобы заглянуть мне через плечо. Когда я оглядываюсь назад, то вижу Тобиаса, стоящего и наблюдающего за нами прищуренными глазами.

— Что он тебе рассказал? — требовательно спрашивает он, подходя и становясь с другой стороны от меня, скрестив руки на груди. Его глаза темнеют от застарелого гнева, в солнечном свете они становятся тёмно-зелёного цвета с желтоватым отливом. Я не думаю, что на самом деле его разозлил тот факт, что Мика принёс свечи, чтобы поухаживать за мной; это их прошлое вернулось, чтобы преследовать обоих.

— Что облажался, он любит тебя, и ему жаль, — говорю я, и Мика стонет у меня за

спиной.

— Не дословно, — бормочет он, но я уже вижу, как Тобиас слегка смягчается по отношению к близнецу. По тому, как он смотрит на меня, я могу сказать, что он ищет то же самое, что и Мика. Но какой бы гнев, ненависть или боль он ни думал увидеть, ничего этого там нет. Если я могу простить Монику за то, что она сделала, тогда я, конечно, смогу принять Мику, несмотря на его предыдущие ошибки.

— Он признал, что облажался, и сказал, что, если бы я захотела встречаться только с тобой, он бы понял. — Я прощупываю почву, чтобы увидеть реакцию Тобиаса, и он хмурится.

— Нет. — Только это одно слово, когда он поднимает лицо, чтобы свирепо посмотреть на брата. — Это не вариант. Ты так легко из этого не выпутаешься. Извинись и признай, что ты облажался, и, возможно, я тоже смогу извиниться и признать, что слишком остро отреагировал.

Я перевожу взгляд с одного на другого, а затем осторожно и тихо пытаюсь отойти, чтобы дать им немного пространства. Вместо этого они оба одаривают меня одинаковыми улыбками.

— О, нет, ты этого не сделаешь, Чак Карсон, — говорят они, хватая меня за руки и таща вперёд. В итоге я получаю поцелуй в обе щеки и такие же дикие ухмылки. — Ты так легко не отделаешься.

Они тащат меня за руки к подсобному помещению на дальней стороне двора, швыряют внутрь и затем закрывают дверь. У меня возникает безумное чувство дежавю с того дня в «Щелкунчике», когда они впервые раскрыли мой секрет. Они вдвоём стоят надо мной, упёршись предплечьями в стену у меня над головой.

— Ребята, с вами всё в порядке? — скептически спрашиваю я, и Тобиас замолкает, глядя на брата. Между ними возникает небольшое напряжение, но оно довольно быстро проходит.

— Потерять Эмбер было ужасно. Мысль о том, что Спенсер мёртв, чуть не убила меня. Жизнь слишком коротка, слишком странная и слишком отстойная, чтобы продолжать злиться на брата за то, что он хочет поухаживать за нашей девушкой. — Тобиас прижимается своим лбом к моему и закрывает глаза. Это слишком милый жест и милое заявление, чтобы я могла удержаться от того, чтобы кокетливо не прикусить нижнюю губу. — Кстати, где те свечи? — в голосе Тобиаса, когда он говорит это, слышатся дразнящие нотки, заставляющие меня думать, что он уже знает. Он прищуривает зелёные глаза и улыбается, в его взгляде мелькает озорство.

— Забавно, что ты спрашиваешь, — начинает Мика, отрывая руку от стены и доставая зажигалку из кармана. Он крутит колёсико и продолжает передвигаться по комнате, зажигая дюжину красных свечей, расставленных в разных местах: на старой тачке, на ржавой металлической полке, на голове странной бетонной статуи, немного похожей на гремлина. — Какое совпадение, тебе не кажется, Чак?

— Я думаю, в кампусе завёлся убийца, — ворчу я, но в любом случае обстановка симпатичная.

— Точно, — говорит Тобиас, отталкиваясь от стены и становясь передо мной в чёрно-красной юкате. — Как я уже сказал, жизнь коротка. — Он подходит к футону на полу в углу и плюхается на него, хватая бутылку сакэ и тарелку с рисовыми шариками, которые стоят рядом на маленьком красном столике. — Так что давай не будем тратить её впустую,

хорошо?

С ухмылкой я подпрыгиваю и присоединяюсь к близнецам, хватаю рисовый шарик двумя руками и вгрызаюсь в него. Его заворачивают в морские водоросли и фаршируют солёными сливами. Да, я тоже была настроена скептически, когда впервые услышала об этом, но должна признать: это дерьмо нового уровня.

— Мой папа застукал нас с Микой, выходящими из ванной, утром, — говорю я с лёгкой гримасой, отхлёбывая немного сакэ правой рукой. Тем временем Мика потягивает сливовое вино и закусывает эдамаме, которые они, должно быть, украли из столовой. — Почти уверена, что он думает, что мы... — я замолкаю и корчу гримасу, из-за которой Моника всегда дразнит меня, из-за которой она купила мне тот зонтик с эмодзи.

— А на деле? — небрежно спрашивает Тобиас, опуская взгляд на рисовый шарик — в Японии его называют *онигири* — и изучая его чуть пристальнее, чем обычно смотрят на еду. — Я имею в виду, вы потрахались?

Я давлюсь едой, а Мика мягко улыбается.

— Нет, но почти, вроде как, — начинает он, выдыхая. — Это проблема?

Тобиас поднимает голову и медленно качает ею.

— Нет. Это не проблема. Я думаю... нам обоим нужно смириться с тем, что мы будем проводить время с Шарлоттой наедине. — Он смотрит в мою сторону, я утопаю в своём слишком большом халате, очки сползают с носа, волосы растрёпаны, а кончик нового рисового шарика зажат между губами. Я просто смотрю на него в ответ и не знаю, что на это сказать.

— Вы сказали, что вы делитесь. Сколькими девушками вы делились? — близнецы обмениваются взглядами, а затем в унисон пожимают плечами.

— Немногими, — отвечают они, а затем оба одновременно съёживаются.

— У нас, э-э, была только одна общая девушка. То есть, мы переспали вместе с одной девушкой... только один раз. — Тобиас выглядит чертовски смущённым, проводя рукой по своим красно-оранжевым волосам. — Просто мы *решили*, что будем делить девушек после того, что случилось с Эмбер. Мы лучше работаем как единое целое.

— Не лучше, — говорю я, опуская руки с онигири на колени. — Вы великолепны как единое целое, но по отдельности вы оба мне тоже нравитесь. — Я на мгновение замолкаю, а затем склоняю голову набок, наконец-то переваривая то, что они говорили. — Одну девушку. Вы имеете в виду... нас, пиратов Карибского моря...

— Только это, — бормочет Мика, запихивая в рот полный рисовый шарик, чтобы не продолжать разговор. Он смотрит в потолок, а я приподнимаю бровь.

— Твой образ плохого мальчика начинает сминаться, как папиросная бумага, — фыркаю я, бросая в его сторону немного риса. Он попадает ему прямо в грудь, когда парень поворачивает своё остренькое лицо в мою сторону и улыбается, протягивая большой палец, чтобы смахнуть немного сливового вина с уголка рта после очередного глотка.

— Фасад плохого мальчика? Ни за что, я никогда не притворялся плохим мальчиком. — Мика выхватывает рисовый шарик у меня из рук и кладёт его обратно на поднос, наклоняясь, чтобы расстегнуть ремень на своей талии.

— Одинаковые жёлтые «Ламбы»? Драг-рейсинг? Сбил моего бывшего парня на своей машине? Татуировки? Крадёшь ключи у персонала? Участвуешь в нелегальных боях ММА?

— Эй, эй, эй, во-первых, это *Тобиас* переехал своей машиной то пятно от спермы, которое оставил Коди. Во-вторых... э-э, во-вторых... — Мика отбрасывает ремень в сторону,

а затем протягивает руку, чтобы потереть подбородок, в глазах вспыхивает веселье. — Да, ладно, отлично, ярлык «плохой парень» был справедливым.

— Мы делимся девочками, — поддразниваю я, понижая голос до комичного баса, который совсем не похож на близнецов. — Ты имел в виду, что на самом деле каждый из вас спал только с одной девушкой и, во всяком случае, не в одно и то же время. Я в значительной степени погубила вас обоих, развратила и всё такое. Ты больше никогда не будешь смотреть на Диснейленд по-прежнему.

— Мы развратили тебя, — отвечают они вместе, а затем Мика сбрасывает халат с плеч и обнажает своё длинное, худощавое, точёное тело. Под всем этим он полностью обнажён. У меня перехватывает дыхание, когда он достаёт горсть презервативов из кармана своего халата и кладёт их передо мной, не обращая внимания на мои пылающие щеки.

— И, кстати, о развращении, — продолжает Тобиас, небрежно ссутулившись с ухмылкой на лице, один локоть на колене, его голые мускулистые икры видны из-под халата. — Если ты собираешься претендовать на этот титул, тебе не кажется, что мы должны сделать это больше, чем один раз?

— Это было больше одного раза! — выпаливаю я, щёки вспыхивают, когда Тобиас протягивает одну руку, чтобы справиться с поясом своего собственного халата. Тем временем мой взгляд скользит по Мике, и я вижу, что его член уже твёрдый, и его невозможно не заметить в мерцающем свете свечей.

Тобиас встаёт, отбрасывая в сторону свой собственный пояс, а затем обходит комнату, задувая все свечи, кроме одной. Комната погружается в мягкую темноту, мерцающее пламя отбрасывает больше теней, чем рассеивает.

Он опускается рядом со мной, его халат развеивается вокруг него, образуя лужицу хлопчатобумажной ткани. Один локоть покоится на колене, его красивое лицо прижато к костяшкам пальцев.

— Итак, Чак, что бы ты сказал о ещё одном уроке поцелуев?

— Мне больше не нужны уроки поцелуев, — бормочу я, когда оба близнеца хихикают, и моя кожа разгорается, пальцы сжимают ткань моей собственной юкаты. — Я много целовалась с тех пор, как...

Тобиас наклоняется, захватывая мой рот прежде, чем я успеваю закончить протест. Его язык скользит по моей нижней губе, побуждая меня раскрыться, когда я со вздохом удовольствия вдыхаю его сладкий и терпкий вишнёвый аромат, заставляющий моё сердце трепетать.

— Урок первый: меньше разговоров, больше поцелуев, — говорит он, его рот всё ещё плотно прижат к моему.

— Урок второй: учись делиться, — добавляет Мика, подползая к нам и кладя свою правую руку мне на левый бок, переплетая ее с рукой брата. Он наклоняется ближе, скользя своими губами по моим, а затем прижимается ими к моей челюсти сбоку. — И третий урок заключается в том, что целоваться нужно не только в губы.

— Я хорошо помню, где ещё могут происходить поцелуи, — слабо бормочу я, вспоминая наш небольшой перерыв в туалете во время того ужина в ресторане с мамой. Близнецы поцеловали целую кучу других мест на моём теле, которые не включали в себя рот, щеки или даже шею. Кстати, об этом... Тобиас прокладывает дорожку поцелуев вниз по моей шее, прижимаясь горячим ртом к моему плечу, когда я вздыхаю.

Вместе они поднимают руки и развязывают пояс на моём халате, когда с моих губ

срывается тихий стон. Мерцающий свет свечи придаёт моменту причудливость, заставляя меня на мгновение забыть, где мы находимся и что произошло вчера.

— Мы не всегда должны делать это вместе, — шепчу я, и они оба смеются в унисон.

— Мы знаем, — говорят они. А потом Мика добавляет: — Мы не будем. Но только на сегодня.

Пояс расстёгивается, и Тобиас отбрасывает его в сторону, когда они вдвоём идеально скоординированными движениями поднимают руки и спускают халат с моих плеч.

— Сними очки, — шепчет Тобиас мне в ключицу, протягивая руку и снимая их с моего лица. Он благоговейно откладывает их в сторону, прежде чем вернуться губами к моей коже. Тем временем Мика обхватывает пальцами мой подбородок и берёт мои губы в свои, накрывая правой ладонью левую руку брата.

Они толкают меня обратно на футон, когда я обхватываю одной рукой их шеи сзади, пальцами щекоча их колючие красно-оранжевые волосы.

«У меня по обе стороны от меня однайцевые близнецы!» — думаю я с лёгким внутренним вскриком, прикусывая губу, когда они оба опускаются вниз по моей груди и приближаются к бинтам.

«Двое подтянутых, высоких, великоленных, богатых, забавных...» — я обрываю себя, чтобы список прилагательных не стал слишком нелепым, но да ладно? Разве это не мечта каждой девушки?

— Урок четвёртый: перестань так много думать, — отчитывает Мика, протягивая руку и вытаскивая маленькую металлическую булавку, которую я использую, чтобы держать бинты туго затянутыми. Он отбрасывает её в сторону, а затем снимает первый слой, позволяя Тобиасу потянуть с другой стороны. Я приподнимаю спину, чтобы хлопчатобумажная полоска легче скользила подо мной, а затем хихикаю, когда Тобиас бросает конец брату, и они начинают процесс по новой.

— Я думала лишь о вас двоих, — говорю я, оправдываясь в свою защиту, когда моя грудь наконец-то подставляется прохладному воздуху, соски становятся тугими и розовыми. Я дышу чуть-чуть слишком быстро, чуть-чуть слишком тяжело.

— Тише, — шепчет Тобиас, обхватывая мою левую грудь тёплой ладонью. — Позволь нам позаботиться о тебе. — Он прижимается ртом к моему соску, разбивая моё самообладание вдребезги. Его рука скользит вниз по моему животу, под трусики, и погружается во влагу между моих бёдер, которая говорит о том, что я определённо не мальчик. Нет, я тайная девушка, со своими безжалостными парнями... моей вечной командой.

Вздых срывается с моих губ, когда Мика повторяет движения брата с другой стороны от меня, целуя мою правую грудь, а затем опускает руку вниз, чтобы присоединиться к руке Тобиаса.

Вдалеке я слышу крики других студентов Адамсона, наслаждающихся горячими источниками, но мне всё равно. Мы здесь в нашем собственном маленьком пузыре, и мне это слишком нравится, чтобы беспокоиться о каких-либо возможных последствиях.

Мальчики дразнят меня, проводя пальцами по моему ноющему телу, в то время как они ласкают губами мою грудь, ключицы и шею, по очереди захватывая мои губы. У меня вырывается потрясённый вздох, когда они оба просовывают внутрь по одному пальцу, используя это невероятное единство, которое они разделяют, в своих интересах.

— Ты такая чертовски тугая, Чак, — шепчет Мика мне на ухо, в то время как Тобиас с

другой стороны говорит: — Твои губы на вкус как леденец, Чак. — Лишь краткое ознакомление с их личностями, такими похожими, но настолько разными, что я и представить себе не могу, что откажусь хоть от одного из них.

Мои руки опускаются вниз, ища твёрдый, тёплый ствол каждого близнеца, пальцы обвиваются вокруг их одинаковых тел.

— О, я понимаю, в чём дело, — шепчет Мика, вырываясь из моих объятий и кусая меня за ухо. Тобиас пытается оттолкнуть мою руку, но я не позволяю ему, крепче обхватываю его тело и работаю с ним, пока он не делает то же самое, что и его близнец.

— Презервативы, — бормочу я, и Тобиас вскакивает, чтобы схватить их, возвращаясь с двумя упаковками в руке. Он бросает один из них в Мику, попадая ему в грудь, а затем продолжает надевать свой собственный.

Мика убирает руку от горячего места между моих бёдер, когда я хватаю Тобиаса за волосы и притягиваю его рот к своему для поцелуя. Пока мы целуемся, Мика стягивает мои трусики вниз по ногам и отбрасывает их в сторону.

— Иди сюда, Чак, — шепчет Тобиас, притягивая меня к себе и откидывая мои волосы назад, когда улыбается. — Ты знаешь, сколько порочных, отвратительных вещей я хочу сделать с тобой прямо сейчас?

— Эм, я могу предположить, основываясь на том, сколько порочных, отвратительных вещей я хочу сделать с тобой в ответ, — бормочу я, когда он просовывает одну из своих ног между моими. Он снова завладевает моим ртом, просовывая своё тело между моих бёдер и вдавливая меня в футон своим весом.

— Сколько бы всего этого ни было, — шепчет Мика, ложась рядом со мной и облизывая раковину моего уха. — Удваиваю.

Его близнец посмеивается, наклоняясь, чтобы обхватить мою задницу одной рукой, а другой поддерживает себя. В тених от танцующего пламени свечи лицо Тобиаса приобретает резкие очертания, делая его ещё больше похожим на Мику. Наши взгляды встречаются, и он глубоко входит, постанывая и разминая мою попку сильными пальцами. Стоны, срывающиеся с моих собственных губ, граничат с криком, но однажды во время полового акта передо мной уже вышибли дверь. Этого больше не повторится, только не тогда, когда мой отец бродит по территории в плохом настроении.

Тобиас переворачивается на спину, я оказываюсь сверху, а Мика осторожно закрывает мне рот рукой, чтобы заставить замолчать, и смеётся мне в затылок.

— Насколько похабной ты хочешь стать, Чак? — шепчет он, опускаясь на колени позади меня и протягивая руку между мной и Тобиасом, чтобы другой рукой нащупать мой клитор. Он медленно ласкает меня, целуя в шею, а затем, наконец, отпускает мой рот, когда я, кажется, беру своё дыхание под контроль. — Ты хочешь зайти немного дальше?

— Мика... — предупреждает Тобиас, но его собственное дыхание неровное, и он не полностью контролирует себя, кладя руки мне на бёдра.

— Насколько... похабными мы можем стать? — спрашиваю я, и парни обмениваются короткими взглядами.

— Поднимись, — говорит мне Мика, но я отказываюсь. Мы только начали, и я не готова к тому, что это закончится. Но по кивку Тобиаса я беру Мику за руку и встаю, позволяя ему развернуть меня за плечи. Он мягко опускает меня обратно, и Тобиас наклоняется, чтобы снова войти в меня. Со стоном я опускаюсь вниз, лицом к ногам Тобиаса, а не к его лицу. Когда Мика встаёт на край футона и прижимает свой тяжёлый член к моим губам, я

понимаю, к чему всё идёт.

Мои пальцы обхватывают основание его члена, и я медленно, осторожно обхватываю его ртом.

Для первого минета я не чувствую себя слишком убого.

Пальцы Тобиаса сжимают мои бёдра, побуждая меня двигать тазом, в то же время Мика нежно подбадривает меня, запуская мягкие пальцы в мои волосы. Первый близнец первым достигает кульминации, содрогаясь подо мной, его стоны сливаются с криками брата. После того, как он заканчивает, он остаётся на месте, оставляя меня ласкать пальцами свой клитор и продолжать ласкать Мику ртом.

— Я близко, — предупреждает он, массируя мне голову. — Ты хочешь, чтобы я сменил место?

Я слегка отстраняюсь и качаю головой, прежде чем продолжить, наслаждаясь тем, как ускоряется его дыхание перед тем, как он кончает. Его пальцы сжимаются на моей голове, и я могу сказать, что он изо всех сил старается не толкаться, позволяя мне контролировать взаимодействие. Но он хочет этого. И, может быть, однажды я позволю ему стать чуть более настойчивым.

— Чёрт побери, Чак, ты жёсткий, — говорит Мика, когда я глотаю, моё собственное тело тяжело дышит и дрожит от желания. Я немного впечатлена собой за то, что решилась на такой шаг, но мне придётся подождать дружеских посиделок с Моникой, чтобы дать ей пять, ухмыльнуться и произнести: *«знаешь ли, я проглотила в свой первый же раз»*. Мика и Тобиас осторожно укладывают меня на футон между собой и используют руки, чтобы довести меня до оргазма, осторожно прикрывая мне рот, когда я начинаю слишком громко кричать.

Потом мы остаёмся там вместе, прижавшись друг к другу, каждый парень закидывает одну ногу на мою, мы пьём сливовое вино и сакэ, пока не догорит единственная красная свеча.

В жизни не так много идеальных моментов, но этот, один из них.

— Я так понимаю, вы все помирились? — спрашивает Спенсер, бирюзовыми глазами обводя нас троих, пока мы поднимаемся на единственную ступеньку к деревянной дорожке, идущей вдоль главного здания коттеджа. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди, одетый в ту же темно-синюю юкату, что и раньше. Самоуверенная ухмылка застывает на его лице, но я вижу малейший намёк на ревность, сверкающий в его прекрасном взгляде. Однако он проделывает замечательную работу по самоконтролю.

— Если это можно так назвать, — говорит Мика, и его губы растягиваются в озорной ухмылке. Он прислоняется к одной из колонн, весь бескостный и вялый. У обоих близнецов

на лицах такое выражение чисто мужского удовлетворения, что мне хочется противоречить им. Я щёлкаю Тобиаса по соску просто для пущей убедительности, и он посмеивается надо мной.

— Хм. — Спенсер отталкивается от стены и подходит, чтобы встать передо мной, кладя руки по обе стороны от моего лица. Когда он наклоняется и целует меня, моё уставшее тело возвращается к яркой, напряжённой жизни. Ух, по крайней мере, у девушек не бывает, типа, рефрактерных периодов, понимаете? И под рефрактерными периодами я подразумеваю то раздражающее время после того, как парни приходят в себя и не могут снова возбуждаться. Если подумать, то у парней-подростков тоже почти не бывает рефрактерных периодов...

Спенсер улыбается мне, отстраняясь, а затем кивает подбородком в сторону столовой.

— Решил, что дам тебе немного сахара, прежде чем сообщу, что твой отец вышел на тропу войны.

— Хм, и почему он вышел на тропу войны? — решаюсь спросить я, мои губы всё ещё покалывает от нашего поцелуя. Спенсер опускает руки в карманы и слегка морщится, прежде чем поднять одну, чтобы провести пальцами по своим серебристо-пепельным волосам.

— Близнецы написали нам, чтобы сообщить, что ты в безопасности, но, когда твой отец начал спрашивать, я просто сказал, что ты была на прогулке на природе... последние шесть часов.

— Нас не было шесть часов?! — выдыхаю я, оглядываясь через плечо на темнеющее небо. Вечером зажигаются гирлянды бумажных фонариков, а также множество декоративных факелов для отпугивания комаров. — Дерьмо, пиздец, *блядь*. — Я прикусываю нижнюю губу и задаюсь вопросом, смогу ли я быстро принять душ, прежде чем...

О, нет, подождите, вот и он.

Несётся ко мне.

Лицо... такого забавного пурпурно-красного цвета.

Мой рот дёргается.

— Шар... — папа спохватывается, стискивает зубы и останавливается всего в нескольких футах от меня. — Чак Карсон, где, *чёрт возьми*, ты был весь день? — Вау. Если папа употребляет даже незначительное ругательство, это должно означать, что он по-настоящему зол. Поскольку он редко проявляет много эмоций, это своего рода большое дело. — И, если ты соврёшь мне прямо здесь и сейчас, тебя не спасёт даже твоя поддельная помолвка с мистером Монтегю.

— Извините меня, — говорит Черч, появляясь, казалось бы, из ниоткуда. Я вздрагиваю, но также вынуждена сдерживать улыбку, когда вижу его и Рейнджера, ожидающих позади меня, их лица суровы, пара одинаковых нахмуренных бровей тут как тут. Они определённо прикроют мне спину, да? В данном случае в буквальном смысле. — Без обид, директор Карсон, но я действительно хотел бы, чтобы вы не принижали значимость наших отношений.

Группа студентов проходит мимо нас, перешёптываясь и хихикая. *Конечно же*, Марк Грендэм — часть толпы, ухмыляющейся в нашу сторону. Мой отец только что, по сути, объявил о моей помолвке с Черчем перед всей школой.

Ноздри Арчи раздуваются, а руки сжимаются в кулаки по бокам.

«*Неужели это тот момент, когда он, наконец, сорвётся?*» — задаюсь я вопросом. Может быть, трудно понять, почему именно я хочу, чтобы мой отец пришёл в ярость, но на

самом деле это довольно просто. Он редко проявляет эмоции, так редко, что временами я задаюсь вопросом, действительно ли он заботится обо мне. Но если бы он разозлился, тогда я бы правда увидела, что у него есть чувства, что он действительно любит меня.

Вместо этого он закрывает глаза и сдерживает себя, отчего у меня сжимается грудь и щиплет глаза.

— Мы с близнецами украли немного сливового вина и сакэ из ресторана и выпили их в подсобном помещении, — произношу я, глядя ему прямо в глаза. Если он не может быть честен в своих собственных чувствах, то почему я должна это делать? — Но близнецы также положили на прилавок лишнюю сотню, чтобы компенсировать ущерб владельцу. Нам жаль, что мы это сделали.

— Теперь ты крадёшь алкоголь и тайно пьёшь? — Арчи ухмыляется, глядя на двух парней МакКарти так, словно ему действительно доставило бы удовольствие свернуть им шею. Он снова переводит взгляд своих голубых глаз на меня, явно испытывая сложности с тем, чтобы понять, что со мной делать и как обращаться. Я нахожусь в том сомнительном возрасте, который граничит с детством и взрослой жизнью. Арчи хочет вернуться к старым привычкам и командовать мной, но он больше не может этого делать. Ему придётся использовать свой, по общему признанию, развитый ум, чтобы найти обходной путь. — И как я, по-твоему, должен на это реагировать?

— А как ты хочешь на это отреагировать? — спрашиваю я, наслаждаясь щитом защиты, который даёт мне моя помолвка с Черчем. Я стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно, и впервые в жизни сдерживаю свой гнев, пока Арчи изо всех сил пытается взять себя в руки.

Он только смотрит на меня в ответ, окружённый Студенческим советом, а потом огрызается.

Впервые в своей грёбаной жизни Арчибальд Карсон выходит из себя.

Он протягивает руку и крепко хватается меня за предплечье, заставляя вскрикнуть.

— Нет. — Это единственное слово Рейнджера, прогремевшее подобно грозовой туче. Он встаёт между нами, ослабляя хватку моего отца на мне. — Я не позволю вам так её трогать.

— Мистер Вудрафф, — рывкает папа, но, должно быть, в лице Рейнджера есть что-то такое, что удерживает его от дальнейшего давления. — Вы, дети, не понимаете, с чем связываетесь, — шипит он, и вспышка боли пробегает по его лицу. Это длится всего долю секунды, прежде чем исчезнуть, и мне остаётся только гадать, не почудилось ли мне это. — Если вы думаете, что я собираюсь стоять в стороне и смотреть, как ты пьёшь и... и...

— Занимаюсь любовью? — спрашиваю я, и папа теряет самообладание.

— Чак Карсон, ты напрашиваешься, чтобы тебя отправили в военную академию. Неужели ты думаешь, что я не смогу это устроить? Монтегю или нет, я всё ещё твой отец, и пока тебе не исполнится восемнадцать, ты принадлежишь мне.

— Окей, бумер, — говорю я, и в нашей маленькой группе воцаряется тишина (*прим. Окей, бумер — сленговая фраза, используемая в иронической манере, чтобы подчеркнуть узколобость и ограниченность взглядов, связанных с поколением бэби-бумеров и пожилых людей в целом*). Глаза папы темнеют, и он отступает назад. Может быть, это был не лучший способ ответить ему, но я начинаю уставать от того, что на меня кричат, устала от лжи и секретов. Папа что-то знает, я точно могу это сказать. Иначе откуда бы ему знать, во что мы связываемся? Он утаил информацию о Спенсере и Юджине, когда он *знал*, что меня разрывает на части. Так почему я должна приносить ему какие-либо извинения прямо

сейчас? — В том лесу был мёртвый ребёнок. Там были люди в лисьих масках. И Юджин Мазерс не повесился. Мы все знаем, что это факты. Если ты не хочешь говорить мне больше, чем это, прекрасно, но не жди, что я перестрою всю свою жизнь, чтобы соответствовать твоим ожиданиям.

За моим заявлением следует долгая минута молчания.

— Джейсон Ламберт пропал, — говорит папа, глядя прямо на меня, и его лицо превращается в бесстрастную каменную маску. — Сегодня вечером будут проводиться ежечасные проверки номеров, и так каждую ночь, пока эта поездка не закончится — возможно, даже после этого. Возможно, ты не захочешь слушать отца, но, если ты ослушаешься директора, я могу и *исключу* тебя из этой школы.

Арчи отворачивается, оставляя меня с внешним спокойствием и разбитым вдребезги сердцем.

— Он серьёзно на этот счёт? — шепчу я, и Черч первым бросает взгляд в мою сторону.

— У меня плохое предчувствие, что так оно и есть.

Медленно, почти в оцепенении, я подхожу к своей уже высохшей юкате, висящей на бельевой верёвке, и достаю из кармана забытую записку от мистера Мерфи. Как я и ожидала, чернила расплылись, и только одно слово все ещё можно прочитать.

— Беги, — шепчу я как раз перед тем, как ветер подхватывает записку и уносит её через садовую стену в тёмный лес за ней.

Я бросаю сумки на новую кровать, ту, что стоит напротив кровати Черча Монтегю. Меня переселили (скорее, выгнали) из дома директора сюда, как его соседа по комнате. Спенсер, Рейнджер и Черч были оштрафованы за то, что поменялись комнатами без разрешения, что сразу доказало, что мой отец серьёзно относится к своим угрозам.

«Ты хочешь поиграть в игру с этой помолвкой? Отлично. Ты можешь разделить спальное место со своим будущим мужем».

Это практически единственное, что он сказал мне с тех пор, как я, обозвала его бумером на горячих источниках.

— Чувствуй себя как дома, — говорит Черч, развалившись на своей кровати, уже одетый в полосатую пижаму, верх которой, как обычно, застёгнут до самого горла. Он постукивает своими длинными элегантными пальцами по поверхности покрывала, наблюдая за мной. — И не забудь, что завтра ты должна надеть это кольцо.

— Ты уверен в этом? — спрашиваю я, бросая взгляд в сторону прикроватной тумбочки, где стоит маленькая бархатная коробочка. — Сплетни Марка в социальных сетях — это одно, но ты действительно хочешь сделать это официально? — я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на президента Студенческого совета, когда он поднимается с кровати, разворачивая передо мной свою длинную, худощавую фигуру.

— Тебе стыдно? — спрашивает он, протягивая руку, чтобы убрать прядь волос с моего лба. — Что ты помолвлена со мной?

— Мне?! — выдыхаю я, приподнимая бровь и стараясь не дрожать под его ослепительно ярким янтарным взглядом. — Я думала, что это тебе должно быть стыдно. Не лучше ли тебе жениться на какой-нибудь богатой наследнице или что-нибудь в этом роде?

Черч ухмыляется и отходит от меня, наклоняясь, чтобы поднять с пола одну из коробок и поставить её на мою кровать. Верхняя часть открыта, что позволяет хорошо видеть содержимое внутри. На самом верху в пластиковом пакете для одежды лежит женская униформа Адамсон, застёгнутая на молнию. Черч вынимает её и рассматривает тёмно-синий блейзер и клетчатую юбку внутри. Это униформа младших классов; начиная с понедельника старшеклассники должны носить пиджаки цвета шампанского и синие галстуки, как нам повезло! Тот факт, что новая униформа была выдана с опозданием, стал ещё одним стрессовым фактором для Арчи. Спенсер сказал, что его мама, которая сама входит в школьный совет, сказала ему, что некоторые другие члены совета недовольны работой моего отца.

Я касаюсь пальцем края пластикового пакета для одежды и вздыхаю. Папа купил мне эту форму в прошлом году и оставил её ждать в номере отеля в тот день, когда мы должны были вылетать, как будто думал, что я буду в восторге от неё или что-то подобное.

После того, как я закончила устраивать истерику по поводу жизни в Коннектикуте, я потребовала мужскую форму, остригла все волосы, и что ж... остальное — уже известная история.

— Это может показаться высокомерным, — произносит Черч, и я приподнимаю бровь, скрещивая руки на груди.

— Может показаться высокомерным? Ну, поскольку большинство из того, что ты говоришь, *приправлено* высокомерием, я просто предположу, что это плохо. — Я киваю

подбородком, а затем указываю на него. — Хорошо, давай, скажи это. Давай, Черчи.

— Черчи? — спрашивает он, раскладывая брошенную мною униформу для девочки на кровати и отступая назад, чтобы осмотреть её. — Интересный выбор прозвища. — Он поднимает свой медовый взгляд на меня и ухмыляется. — Но, учитывая, что ты моя невеста, я позволю тебе называть меня так, как ты захочешь. — Черч поворачивается в мою сторону и скрещивает руки на груди, имитируя мою упрямую позу. — Ты спросила, не лучше ли мне жениться на богатой наследнице.

— Ага? — подсказываю я, чувствуя, как крошечная капелька пота скатывается по спине. Я нервничаю. Почему я нервничаю? Я имею в виду, что это всего лишь Черч Монтегю, президент Академии Адамсон для парней и принц школы, самый богатый человек в Коннектикуте и мой будущий ненастоящий муж. Ха. Ха-ха-ха-ха. Вообще не из-за чего нервничать.

— Ну что ж, — начинает он, понижая голос и делая шаг вперёд. Одна из его прохладных, сухих ладоней поднимается, чтобы обхватить моё лицо, когда его глаза встречаются с моими. — Мне не *нужно* жениться на богатой наследнице. Моя семья богата сверх всякой меры. — Черч наклоняется ко мне, и я чувствую, что начинаю дрожать при мысли о том, что он поцелует меня. *«Я имею в виду, он чертовски хорошо целуется»*. Мои мысли возвращаются к той ночи в доме его родителей, к тому, как его руки забирались мне под юбку, к теплу его губ на моих. — А для чего нужны деньги, если не для того, чтобы обеспечить определенный уровень свободы и контроля над своей жизнью? — он пристально смотрит мне в глаза, говоря прямо в мои губы. — Ты знакома с моими родителями. Они не верят в браки по договоренности или браки по расчёту — они верят в настоящую любовь. Они фанатично относятся к этому.

Он отпускает меня и отступает назад, даже не поцеловав, и разочарование наполняет меня так же, как ледяная вода заполнила туннели под этой жуткой школой.

«Не смущайся, Чак, продолжай в том же духе! Это наше дело».

Я откидываю прядь своих светлых волос со лба и направляю на Черча дерзкий взгляд, вдохновлённый Моникой.

— Ты не думаешь, что они взбесятся, когда узнают? — спрашиваю я, пока Черч поднимает с пола несколько коробок с надписью: «Разное барахло» и ставит их на верхнюю полку в шкафу. Я чертовски мала ростом, чтобы дотянуться до неё.

— Узнают о чём? — спрашивает он, поднимая руки вверх, и его пижама задирается ровно настолько, чтобы показать мышцы нижней части спины. Я протягиваю руку, чтобы вытереть слюни с губ, даже несмотря на то, что это всего лишь метафорический ход.

— Что мы на самом деле не...

— Влюблены? — спрашивает он, оглядываясь на меня как раз перед тем, как открывается дверь и появляется Спенсер, Рейнджер не отстаёт. Руки Спенса засунуты в карманы, когда он входит в комнату и оглядывается по сторонам, словно оценивая обстановку. Затем его внимание останавливается на униформе, лежащей поперёк моей кровати, и его рот дёргается.

— Влюблены? — говорит он, повторяя слова Черча. — И с женской школьной формой, которая только и ждёт, чтобы её надели? Да ладно, что я, по-вашему, должен об этом думать? — по крайней мере, он улыбается, когда говорит это. Рейнджер же, не так уж и счастлив.

— Я не могу поверить, что на нас написали жалобу в выпускном классе. Твой отец —

засранец.

— Да, извините за это... — говорю я, постукивая пальцем по нижней губе. — Если подумать, мне действительно не следовало так с ним разговаривать. Он изо всех сил постарается превратить этот год для меня в сущий ад. — Я делаю паузу, пока Спенсер расстёгивает молнию на сумке с одеждой и разглаживает пальцами складки юбки, а Рейнджер крадёт кофе из маленького красного мини-холодильника Черча. — А также, вероятно, и для вас, ребята, тоже. Заранее приношу извинения.

— Эх, ты стоишь любой жалобы, — отвечает Спенсер, поднимая свои бирюзовые глаза от униформы к моему лицу. Жар пронзает меня, как молния, и я ловлю себя на том, что нервно переминаюсь с ноги на ногу перед ним, внезапно застеснявшись своей мешковатой толстовки с надписью: «Люблю Калифорнию» и подходящих к ней спортивных штанов. Судя по тому, как Спенс смотрит на меня, можно подумать, что на мне бальное платье и полный макияж на лице. Он внезапно кашляет и отворачивается, снова возвращаясь к моей дурацкой униформе. — Вы знаете, теперь, когда у нас есть зацепка по мистеру Мерфи в плане записок и... мистеру Дэйву за то, что... Черч нанёс ему удар ножом... — Спенсер замолкает, а Рейнджер протестуяще кряхтит, присаживаясь на край кровати лучшего друга. — Что я хочу сказать, — он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, — почему бы просто не выйти сейчас в свет как девушка?

— Что?! — выпаливаю я, когда Черч закрывает шкаф и поворачивается ко мне с задумчивым выражением на лице. «*Кстати, где эти чёртовы близнецы?*» Я удивляюсь, когда все трое парней смотрят на меня так, словно на самом деле обдумывают эту чепуху. — Я не могу пойти как девочка! Новость: один из наших учителей оставлял мне записки с угрозами, ещё один из наших учителей получил ножевое ранение от кого-то в толстовке с капюшоном, а в лесу был найден мёртвый ребёнок. Не говоря уже о жутких людях в лисьих масках.

— Да, но на данный момент совершенно ясно, что это не фемцид, — говорит Рейнджер, его чёрные волосы с синими прядями блестят и остро подстрижены, придавая ему резкий вид рок-звезды. Он наносит *ровно* столько геля, чтобы можно было подумать, что он вообще не проводит времени перед зеркалом. Сейчас я точно не знаю, но поскольку каждый из близнецов каждое утро тратит по часу на то, чтобы идеально взъерошить свои волосы, я бы не удивилась, если бы Рейнджер тоже так делал.

— Убийство женщин? — спрашивает Спенсер, также доставая кофе со льдом из мини-холодильника. Черч выхватывает его прямо у него из рук, и он закатывает свои красивые бирюзовые глазки, берясь за следующую.

— Преступление на почве ненависти по признаку пола, — отвечает Рейнджер, откидываясь на спинку кровати, одетый в обтягивающую чёрную футболку и джинсы. Завтра он снова будет в форме, так что я улучаю минутку, чтобы насладиться этим зрелищем. — Это значит, что я не думаю, что Шарлотту преследуют из-за её пола.

— Да, но... — я начинаю, думая обо всех причинах, по которым я изначально не хотела посещать Адамсон как девочка. Я не собираюсь лгать: я была напугана. Было страшно быть девушкой, окружённой незнакомыми парнями, особенно в новой школе, в новом штате, на противоположном конце страны от всего, что я когда-либо знала. А потом начали приходить записки, и мальчики издевались надо мной...

Но сейчас всё по-другому, так ведь?

Но я всё ещё боюсь. Только по другой причине.

— Это действительно могло бы всё упростить, — размышляет Черч, прислонившись к стене рядом со шкафом. У него снова тот отстранённый взгляд, как будто он собирает воедино улики, о которых никто другой даже не подозревает. — Теперь у тебя есть мы, и только полный идиот стал бы беспокоить девушку Студенческого совета.

— Девушку Студенческого совета? — я говорю это скептически, но... это в значительной степени правда, не так ли?

— Но это привлекло бы к тебе больше внимания, — продолжает Черч, отталкиваясь от стены, чтобы открыть дверь близнецам. Он, должно быть, экстрасенс или что-то в этом духе, потому что у них даже не было возможности постучать.

— Больше внимания? — спрашивает Тобиас, вопросительно приподнимая красно-оранжевую бровь, когда они с Микой заполняют узкое пространство коридора между нами и дверью.

— Если Шарлотта начнёт посещать занятия как девочка, то вся школа будет говорить о ней, смотреть на неё...

— Это не очень убедительный аргумент, — бормочу я, но Черч просто продолжает.

— Чем больше людей замечает её, тем больше она выделяется, тем меньше она может быть мишенью в тени. — Он проводит ладонями по лацканам своей модной пижамной рубашки. — Это отличная идея, моя дорогая.

— Твоя дорогая? — вторят близнецы, корча рожи, а затем высовывая языки. — Отвратительно.

— Может быть, *Черчи-ну*, — возражаю я, и Рейнджер со Спенсер присоединяются ко мне, выглядя ошеломлёнными, когда я беру коробочку с кольцами и открываю крышку, рассматривая розовый бриллиант внутри. — Но я не уверена, что готова иметь дело с вниманием всей школы.

— Это твоё решение, — говорит Рейнджер, сузив глаза до щёлочек, как будто он чем-то недоволен. Хотя, скорее всего, это не так. За последний год я поняла, что он просто всегда так выглядит. Но именно его яростная решимость и чрезмерная забота делают его привлекательным. А также сладеньким. — Мы здесь, чтобы поддержать тебя в любом случае.

Раздаётся короткий стук в дверь, прежде чем она открывается, и охранник-придурок Натан направляет луч своего фонарика нам в лицо.

— Комендантский час, всем разойтись по своим комнатам, — рявкает он, когда близнецы поворачиваются в унисон, загораживая Натану вид на меня в пижаме. Надеюсь, она достаточно мешковатая, чтобы он не заметил ничего примечательного, но этот момент также заставляет меня осознать, насколько проще было бы нам охотиться на убийц, если бы нам не приходилось беспокоиться об этом секрете вдобавок ко всему.

— Ты должен был сначала постучать, — огрызаются близнецы, приподнимая губы в одинаковых ухмылках, в то время как Натан со скучающим видом смотрит на нас. Его борода снова посыпана крошками Доритос, и я даже отсюда чувствую запах Маунтин Дью. Как мило.

— *Я постучал*, — говорит он, пожимая плечами, засовывая фонарик за пояс. — Но несмотря на то, что вы, маленькие засранцы, там думаете, я не подчиняюсь вашим приказам. Директор хочет, чтобы все ученики были на учёте и находились в своих комнатах к восьми.

— Это нелепо, — рычит Спенсер, когда лицо Черча становится ледяным. Он смотрит на Натана так, словно почти уверен, что тот — один из главных подозреваемых. — С каких это

пор ты стал оскорблять студентов?

— Хороший вопрос, мистер Харгроув, — говорит Черч, наблюдая, как взгляд Натана скользит в его сторону и остаётся там. Они долго-долго смотрят друг на друга, прежде чем Натан уходит, хлопнув за собой дверь. Он вернётся через тридцать минут, чтобы проверить нас. А затем раз в несколько часов после этого. Благодаря «исчезновению» — оно же *смерти* — Джейсона Как-там-его-зовут мы действительно подвергаемся ежевечерним проверкам. Думаю, папа говорил не только про горячие источники, да?

«*И вот начинается моя новая сексуальная жизнь*», — думаю я, немного краснея.

— Когда это Натан успел стать таким нахальным?

— Он ещё и странно на тебя смотрел, — добавляет Спенсер, когда близнецы обмениваются взглядами, а Рейнджер смотрит на меня через всю комнату.

Может быть, он понимает, что я на самом деле тешу себя нелепой мыслью пойти в Адамсон в юбке?

Должно быть, я медленно схожу с ума.

Несмотря на отчаянные попытки моего отца свести количество сплетен к минимуму, следующий понедельник в Адамсоне наводнён слухами о Джейсоне и о том, что с ним могло случиться.

— Он был единственным человеком в этом кампусе, у которого был шанс выступить против Черча и спасти нас от дерьмового Студенческого совета, — громко заявляет Марк, когда я занимаю своё место на уроке английского и литературы. Конечно, он рассчитал время своего выступления именно таким образом, что близнецы — мои сегодняшние сопровождающие — уже ушли на свои занятия. — Кто-нибудь ещё заметил, что всё это странное дерьмо начало происходить после того, как Чак поступил сюда?

Я игнорирую его, достаю свой айпад академического выпуска и с помощью программы открываю учебник. Я полна решимости преуспеть в этом году. Мне придётся это сделать, если я хочу поступить в колледж. Близнецы говорили об университете Борнстед так, словно были уверены, что я смогу поступить, если действительно захочу. И я это сделаю. Впервые в моей жизни у меня есть план на будущее — каким бы робким и неуверенным он ни был. Раньше я просто фантазировала о том, как тусуюсь на пляже, занимаюсь сёрфингом до захода солнца и дополняю свой доход чем-то случайным, например, работой в Джамба Джус (*прим.* — *Jamba Juice* — сеть кафе).

Да, я наконец-то начинаю понимать, как глупо это звучит.

— Тебе нечего сказать в своё оправдание, Чак, — усмехается Марк, подходя и становясь перед моим столом. Он кладёт ладони поверх моего айпада, размазывая отпечатки пальцев по экрану. Мои губы раздражённо подёргиваются, когда я поднимаю на него взгляд. — И вдобавок ко всему, твоя тощая, жалкая задница теперь помолвлена с самым богатым парнем в школе? Что за чушь. Ты всего лишь педик-золотоискатель.

Я вскакиваю со своего места, ощетиливаясь от гнева, когда остальная часть класса поворачивается, чтобы посмотреть на нас. Тёмные глаза Марка удовлетворённо мерцают, и ухмылка, появляющаяся на его лице, заставляет мои кулаки чесаться от угрозы насилия. Я бы с удовольствием надрала задницу этой свинье, но что мне от этого будет хорошего? Он, наверное, мог бы надрать мне задницу даже во сне.

— Ты ничего не знаешь о моих отношениях с Черчем, — шиплю я, прищурился на него свои голубые глаза. — И, кроме того, ты не из тех, кому разрешено об этом говорить. Твой лучший друг покончил с собой, а тебе, похоже, на это наплевать. Держу пари, ты привязал эту верёвку к дереву и повесил его сам.

На лице Марка вспыхивает едва сдерживаемая ярость, когда он протягивает руку и хватает меня за новый синий галстук, который на мне надет. В то время как младшеклассники носят тёмно-синие брюки и блейзеры с галстуками цвета шампанского, у старшеклассников всё наоборот: брюки цвета шампанского и блейзеры с синими галстуками.

— В самом деле? Ты обвиняешь меня в том, что я помог лучшему другу покончить с собой? Я мог бы с таким же успехом спросить тебя, почему единственный парень в этой школе, который *когда-либо* оспаривал у Черча Монтегю его место в Студенческом совете, теперь пропал. Кажется, довольно удобным, да?

Дверь в класс открывается, и входит мистер Мерфи. К несчастью для меня, он

преподаёт английский как в младших, *так и* в старших классах. В частности, он преподаёт в классах, не связанных с академической подготовкой, в которых, очевидно, учусь и я.

Так что теперь я сижу здесь и изучаю классическую литературу с парнем, который оставлял мне записки с угрозами. Он смотрит в мою сторону и замечает руку Марка на моём галстуке. Засранец довольно быстро отпускает меня и неторопливо возвращается на своё место, но не раньше, чем бросает взгляд через плечо, который говорит, что он ещё не закончил со мной.

Я сажусь и смотрю на мистера Мерфи до конца урока. Он притворяется, что не замечает этого, но я знаю, что это так. Его улыбка выглядит немного натянутой, а на лбу выступает пот, несмотря на прохладную осеннюю погоду.

Остальная часть нашей первой недели после возвращения прошла примерно так же, без происшествий, но немного странно, немного не в себе. Это похоже на то, что студенты чувствуют, что прямо у них под носом назревает загадочное убийство. На самом деле я удивлена, что добралась до выходных целой и невредимой.

Ну, относительно невредимой. Учитывая, что ограничительные меры вступили в силу в полном объёме, Натан дышит нам в затылок, а мой отец обращается со мной как с правонарушителем, это были не очень захватывающие пять дней.

— Клянусь, я могла бы закрыть глаза и не просыпаться целый месяц. — Я плюхаюсь в старое кресло Росса в вестибюле комнаты Студенческого совета и откидываю голову на спинку сиденья. Его работа намного сложнее, чем я думала. Точнее, я понятия не имела, насколько увеличила свою рабочую нагрузку, согласившись на работу личного помощника в Студенческом совете. Это работа, которой у меня больше не будет, если мы не выиграем выборы на следующей неделе. Каждый парень должен баллотироваться отдельно на свою должность, хотя, судя по тому, что я слышала о прошлых годах, конкуренция абсолютно нулевая.

Ну знаете, за исключением недавно умершего Джейсона.

— Вспомни первый год, когда мы это делали, — говорит Рейнджер Черчу, когда последний из них начинает варить свежий кофе на столике в углу. — До того, как близнецы перевелись сюда. Секретарём у нас был этот идиот Джеральд Майкел, а казначеем — его тупоголовый лучший друг. Какой кошмар.

— Джеральд Майкел обычно приносил на собрания кофе без кофеина, — молвит Черч, прищуривая глаза таким образом, что это определённо неприемлемый и непростительный поступок. — Он мне никогда не нравился.

Он оборачивается, чтобы посмотреть на меня, с пустой кружкой в руке, может быть, держит её по привычке?

Последние пять дней мы крутились вокруг того факта, что, во-первых, технически помолвлены; во-вторых, живём в одной комнате; и в-третьих, встречаемся. Это было немного неловко, но в хорошем смысле, в смысле *у меня в животе как бы порхают бабочки*.

— Тебе кто-нибудь уже поднасрал из-за нашей помолвки? — спрашивает Черч, когда дверь открывается и входят Спенсер и близнецы, нагруженные посудой со вчерашнего заседания Кулинарного клуба. Мы готовимся к весеннему соревнованию по выпечке против Академии Эверли для девочек. Ну, знаете, при условии, что мы все тогда будем ещё живы.

— Не совсем, — начинаю я, прокручивая пальцем кольцо на своей руке. Клянусь, всякий раз, когда я прохожу мимо папы в кампусе, его взгляд устремляется прямо на него, и он раздражённо ощетиливается. Лицемер. Маме было девятнадцать, когда она родила меня,

и к тому времени они были женаты уже несколько месяцев. Кроме того, папе было за *тридцать*, когда он начал встречаться с моей матерью-подростком. У него действительно нет прав для подобных разговоров. — Марк назвал меня педиком-золотоискателем в понедельник, это считается?

— Давайте надерём ему зад, — говорят близнецы, и я улыбаюсь. Это что-то вроде их девиза или что-то подобное.

— Это *выходит* из-под контроля. Раньше Марк знал, как соблюдать правила, но теперь он просто оскорбляет нашу девушку, и это сходит ему с рук? Мне это не нравится, — говорит Спенсер, складывая руки за головой и сильно хмурясь.

— Не забудь, — произносят близнецы, поднимая каждый по одному пальцу в воздух. — Он виновен. Мы в этом уверены.

— Раньше вы уже говорили это, — бормочет Черч, наконец наливая кружку кофе, а затем, вопреки своему обычному характеру, приправляет его сливками и сахаром, прежде чем подойти и встать передо мной. Он протягивает кружку, в то время как остальные четверо парней таращатся на нас так, словно у нас на глазах только что начался дикий гон. На этот раз, когда Черч протягивает мне чашку и старается, чтобы наши пальцы не соприкасались, я переплетаю их с его, и он замирает совершенно неподвижно. Наши глаза встречаются, и между нами пробегает горячая нить напряжения, невидимая, но всё равно мощная. — Я много думал о нём. О нём и всех других наших подозреваемых, и вот что у меня есть.

Черч отдаёт кофе мне в руки и отходит, в то время как Спенсер перекидывает галстук через плечо и прислоняется спиной к одной из стен, открывает крышку контейнера и достаёт свежее испечённое печенье с патокой. Нашей кулинарной темой на этой неделе была *осенняя свежесть*. Бе. Разве не понятно, что всё это выдумал Рейнджер? Он даже сделал миниатюрных белочек из помадной массы, чтобы наклеить их на некоторые кексы. Не думайте, что я пропустила, как он покраснел, разглядывая их прелесть.

P.S. У них ещё были блестящие хвостики.

— И что? — спрашивает Тобиас, усаживаясь на скамейку и опуская ноги на пол. Когда Мика садится рядом с ним, он скрещивает ноги, и я улыбаюсь. Здесь особо нечего сказать, верно? — Каков вердикт, господин президент? — он достаёт печенье с «M&Ms» из отдельного контейнера, выбирает голубые «M&Ms» и затем отдаёт их своему брату. Мика делает то же самое, но передаёт зелёные Тобиасу.

— Семья Марка посещала Адамсон с самого начала, — говорит Черч, пока я прихлёбываю кофе, жалея, что не могу снять повязки, но зная, что сегодня у нас студенческие собрания. Моя работа — это регистрировать каждого человека, заносить имена и жалобы в компьютерную систему, а затем направлять их к парням на встречу. Как только они закончат, я должна добавить разрешение — если таковое имеется — в личное дело студента, указать, как долго он находился в комнате, а затем выполнить все необходимые поручения. В понедельник мне пришлось пойти и сбросить комбинации замков на *пяти* разных шкафчиках. Конечно, я никуда не могу пойти одна, поэтому Спенсер пошёл со мной, и мы, возможно, целовались, а возможно, и нет, в укромной нише по пути.

Полагаю, сейчас я немного бесполезна как ассистент, но ребята всё равно хотят, чтобы я была здесь, а я слишком эгоистична, чтобы сказать «нет».

— И, что достаточно интересно, то же самое и с семьями Селены и Астер. — Черч наливает себе чашку чёрного кофе и оборачивается. — Под началом, конечно, я

подразумеваю с тех пор, как в этом кампусе состоялось самое первое занятие. У всех них есть предки, которые раньше работали в аббатстве, которое было здесь до того, как его превратили в школу.

— Это чертовски удачное совпадение, — говорит Мика, расправляясь с третьим печеньем и отправляясь за четвертым. Рейнджер лишь стоит посреди комнаты, скрестив руки на груди, и слушает разговор. Между нами всё было немного странно после инцидента с обоюдной выпечкой голышом. Я заметила, что он также немного избегает своих фартуков с оборками. Не круто. Нам нужно разобраться со всем этим напряжением.

«И, на самом деле, я имею в виду, что есть только один способ разобраться с этим».

— Действительно. За всю историю школы насчитывается всего две дюжины учеников, у которых когда-либо была такая родословная.

— Между Эверли и Адамсоном есть кто-нибудь ещё, кто подходит по всем параметрам? — спрашивает Рейнджер, но Черч только качает головой. Черт.

— Кроме брата Селены, Гарета, нет. Никого другого, кроме тебя.

— Меня? — спрашивает Рейнджер, морща нос. — Тогда это дерьмо, должно быть, со стороны семьи моего отца. Я чувствую, что моя мама упомянула бы об этом. Значит ли это, что это тупик?

— Может быть. — Но Черч, похоже, не совсем убеждён в этом.

— Нападавших определённно трое, — говорю я, проводя руками по лицу. К сожалению, у нас есть всего около пятнадцати минут до начала нашей первой встречи за день, так что это наш последний шанс обсудить это сегодня в группе.

Я испытываю лёгкое разочарование, когда слышу стук в дверь. Она всё ещё заперта; мы не утруждаем себя отпиранием примерно за пять минут до первой встречи. Вздохнув, парни стряхивают крошки со своей формы и исчезают в комнате для совещаний, на всякий случай оставляя её приоткрытой.

Чего я не ожидала увидеть, когда открою дверь... так это Астер Хейз, улыбающуюся мне в ответ.

— Что это за чушь насчёт того, что в школу поступит больше девочек? — рычу я, врываясь в дом отца, не потрудившись постучать. Он поднимает взгляд от обеденного стола с почти скучающим выражением лица, ожидая, пока я выйду из-за угла, чтобы увидеть остальных гостей его ужина. — И откладывать выборы в Студенческий совет только ради них? Что это за унитазное дерьмо такое.

«Надо было сказать «чушь собачья», почти уверена, что унитазное дерьмо — это не часто употребляемое словосочетание».

Девочки.

Три девушки.

Астер — одна из них.

Сегодня она просто зашла в комнату Студенческого совета, чтобы представиться.

И объявить, что она тоже на самом деле собирается баллотироваться на пост президента Студенческого совета.

Что. За. Ёбаная. Хуйня?

— Когда я сказал тебе, что буду относиться к тебе как директор школы, а не как отец — по твоей просьбе, могу добавить — я был серьёзен. Врываться в мой дом без предупреждения, по крайней мере, заслуживает замечания. — Я стою, кипя от злости, переводя взгляд с трёх растерянных лиц, сидящих за столом отца, в то время как Рейнджер прикрывает мне спину, ожидая прямо за открытой входной дверью. — Девочки, это мой... сын, Чак Карсон.

— Рада снова видеть тебя, Чак, — говорит Астер, заправляя прядь вьющихся рыжих волос за ухо. Она смотрит через весь стол на моего отца, держа другую руку на вилке, которая в данный момент лежит на тарелке с треской, картофельным пюре и спаржей. Это, конечно же, моё любимое блюдо, и папа вряд ли потрудился бы приготовить его для меня, но может приготовить его для трёх незнакомок?! Три новые морские свинки для выполнения его приказов.

Я в ярости.

— Мы познакомились на танцах в честь Дня святого Валентина, а ещё сегодня в зале Студенческого совета, — объясняет Астер, мило улыбаясь. Другие девушки тоже улыбаются мне, а одна из них даже краснеет и прикусывает нижнюю губу. Спенсер и Рейнджер ведут себя так, будто я такой уродливый парень, но, по-видимому, у меня нет особых проблем с привлечением женского внимания.

— А, — говорит папа, глядя на меня с немалым неудовольствием. — Что ж, тогда тебе будет жаль узнать, что Чак теперь помолвлен с нашим нынешним президентом Студенческого совета Черчем Монтегю и в настоящее время находится под запретом. — Его голос сух, как песок, и в два раза более скрежещущий. Мгновение мы пристально смотрим друг на друга, прежде чем он отодвигается от стола. — Извините, я отойду на минутку, дамы.

Папа аккуратно складывает салфетку и направляется в сторону кабинета, абсолютно ожидая, что я последую за ним. В кои-то веки я действительно это делаю. Но в основном только для того, чтобы я могла накричать на него и попытаться докопаться до сути того, что здесь происходит.

Я ненадолго останавливаюсь, чтобы подойти к сетчатой двери и жестом пригласить Рейнджера зайти внутрь на минутку. Мы с парнями меняем партнёров, так что никто никогда не остаётся один, даже когда принимает душ. Я имею в виду, что никто не пользуется общей душевой кабиной так, как мы со Спенсером однажды, но...

Рейнджер входит в столовую, и все три девушки обмениваются взглядами.

«Да, да, я знаю, что он красив, но он ненавидит большинство людей, и вы никогда не поймете, что такое голая выпечка так, как я».

— Иди поговори с отцом, Чак, — шепчет мне на ухо Рейнджер, это большое, пугающее присутствие за моим плечом, которое мне стало по-настоящему нравиться. Это успокаивает, когда он стоит рядом, как будто я знаю, что у меня действительно есть кто-то, кто готов и способен прикрыть мне спину. — И позволь мне разобраться с девочками, хорошо? Они и

близко не такие милые, как ты, а ты знаешь, как сильно я люблю милые вещи.

Мои щёки вспыхивают, но я отказываюсь поддаваться на комплимент.

— Я думала, ты сказал, что из меня получился уродливый парень, — шепчу я в ответ, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, прекрасно понимая, что девушки смотрят прямо на нас. Сапфировые глаза Рейнджера сверкают, а уголок его рта слегка приподнимается. Не во что-то столь непристойное, как широкая улыбка, но достаточно близкое к ней. Его аромат сахара, ванили и кожи окутывает меня, на мгновение выбивая здравый смысл из моей головы.

Когда он берёт меня за подбородок и наклоняется ближе, девочки визжат.

— О боже, у них роман, — шепчет одна из них, кажется, слишком взволнованная своим открытием.

— В то время как на нём кольцо президента Студенческого совета и всё такое! — выпаливает другая, хватая Астер за руку. Её зелёные глаза возбуждённо сверкают, когда она снова хватается свою подругу.

— Это как оживший *яой*, — выдыхает она, и Рейнджер закатывает глаза. *Яой* — это название жанра японских комиксов и телешоу, в которых рассказывается об отношениях парней, но намеренно созданных для удовольствия женщин.

— Наша любовь не для женских взглядов, — огрызается Рейнджер, а затем целует меня крепко и быстро, разворачивает и толкает в направлении кабинета отца. Когда я, спотыкаясь, уйду, мне приходит в голову, что у нас только что был наш первый поцелуй. Я чувствую себя пьяной, когда проскальзываю в комнату и прислоняюсь спиной к двери, закрывая её.

— Ты проделала весь этот путь сюда только для того, чтобы вести себя как дура перед моими гостями? — спрашивает папа, и мне требуется несколько секунд моргания, чтобы в голове прояснилось. «*Рейнджер — это... такое неожиданное удовольствие, не так ли?*» Он всегда говорил, что я уродлива в своих очках, мешковатой униформе и с растрёпанными волосами, но он думал, что я чертовски симпатичная.

— Хм? — спрашиваю я, снова моргая, чтобы прояснить зрение, и смотрю на папу, сидящего за столом, как будто он думает, что большой старинный деревянный антиквариат — это своего рода щит от меня и моей нелепости. — Нет, я... Почему ты не сказал мне, что планируешь добавить в школу ещё девочек?

— Я работал над этим всё лето, о чём ты могла бы знать, если бы захотела поговорить со мной. Эверли и Адамсон работают над программой обмена, чтобы прощупать почву. Мы отправляем к ним трёх мальчиков, и наоборот. Но мы не можем привезти девочек сюда, пока у них не будет подходящего жилья. Мы планируем начать их обучение здесь во второй четверти, после того как общежитие для девочек будет приведено в порядок и полностью готово.

— Ясно. — Я не могу решить, должна ли злиться, испытывать облегчение или что-то ещё. — А что насчёт Джейсона? А как насчёт Юджина? А как насчёт Дженики? Я видела мёртвое тело в том лесу, папа. — Я смотрю ему прямо в глаза и впервые понимаю, из-за чего весь его гнев. Он *боится* за меня. — Где мистер Дэйв? — решаю спросить я, и папа несколько раз моргает в ответ, как будто его удивляет этот вопрос.

— У него был грипп, но он вернётся в понедельник, — отвечает он, и на этот раз настаёт моя очередь выглядеть удивлённой.

— Вы недавно с ним разговаривали? — спрашиваю я, потому что мы не видели мистера

Дэйва и ничего о нём не слышали после инцидента с поножовщиной. На данный момент я предпочитаю доверять Черчу, несмотря на очевидность. Я бы хотела узнать точку зрения мистера Дэйва на то роковое утро. И разве не интересно, что он никому не сообщил о нападении? Ни моему отцу, ни полиции.

— Только сегодня днём, а что? — спрашивает папа, вставая из-за стола. Сегодня он определённо спокойнее, чем был с тех пор, как я назвала его бумером. Хех. Я имею в виду, технически он поколение X — я думаю — но вы можете назвать бумером любого, кто ведёт себя как придурок. Каждый миллениал и представитель поколения Z, разбирающийся в онлайн-сленге, знает это.

— Без причины. — Я замолкаю, размышляя, стоит ли мне рассказать папе о мистере Мерфи и записках. Но просто есть что-то в том, как он ведёт себя с тех пор, как мы вернулись в Адамсон, что вызывает у меня подозрения. Я думаю о случайном упоминании Россом мистера Дэйва и мистера Мерфи, хваливших моего отца за то, что он отправил меня обратно в Калифорнию.

В моём сознании формируется мысль, и я нервно переминаюсь с ноги на ногу.

— Мне нужно идти, — говорю я, поворачиваясь к двери.

— Нет, пока ты не подпишешь это замечание, — говорит он, и я стону. Три замечания — это отстранение от работы. Семь — это выгон. Нехорошо. Я беру эту дурацкую штуку и возвращаюсь в столовую, где Рейнджер всё ещё ждёт меня.

— Мне только нужно кое-что взять наверху, — бормочу я, взбегая по ступенькам, а затем крадусь по коридору в комнату отца. Его телефон там, где он всегда лежит, на тумбочке рядом с кроватью, подключённый к сети и заряжающийся. Я могла бы его забрать, но он бы сразу понял, что это была я. Вместо этого я проверяю, остался ли у него все тот же ПИН-код для входа, и тихо ругаюсь, когда он не срабатывает. Я пробую ещё несколько комбинаций, включая его день рождения, день рождения моей мамы, годовщину их свадьбы. Ничего. Вместо того чтобы тратить на это время, я быстро осматриваю его шкаф, ванную.

Но там ничего нет.

Я никакущий сыщик. Разве в фильмах у персонажей не происходит случайное озарение, и все подсказки легко встают на свои места? Почему этого не может произойти со мной?

Вместо этого я решаю завязать с этим, пока есть время, и иду в свою комнату, чтобы взять ещё несколько курток из шкафа — дурацкая северо-восточная осень. Такое чувство, что с каждым чёртовым днём становится всё холоднее. Когда я вхожу в комнату, то вижу на кровати комплект женской формы, три разных фасона с разной длиной юбок, цветовыми сочетаниями и галстуками.

«Он, должно быть, пытается выбрать форму для новых учениц», — думаю я, подходя к кровати. Единственное, что у них у всех общее — это блейзер цвета шампанского, предназначенный для старшеклассников. Повинуясь порыву, я хватаю комплект школьной формы, заворачиваю его в пальто, а затем спускаюсь вниз и выхожу за дверь, прежде чем папа сможет увидеть или остановить меня.

Я никогда не хотела посещать Адамсон девочкой.

Но теперь, когда есть другие девушки, готовящиеся приехать сюда?

Это похоже на вызов.

Ладно, вот и всё.

Я собираюсь это сделать.

Я собираюсь пойти в Адамсон в грёбаной юбке.

Пожелайте мне удачи. Она мне понадобится.

— Значит, ты правда собираешься это сделать? — спрашивает Рейнджер, провожая меня обратно в общежитие, и я показываю ему форму, которую только что украдала. Похоже, что она будет немного тесноватой в груди, но по сравнению с бинтами, я уверена, вам покажется, что «мои девочки» раскачиваются на ветру. — Пойдёшь как девушка? — он достаёт сигарету, обхватывает ладонью пламя зажигалки, пытаясь разжечь его.

— Я... думаю, что да, — отвечаю, хмурия брови, когда поднимаю сумку с одеждой, а затем перекидываю её через руку. Рейнджер предлагает взять её у меня, и я с ухмылкой передаю его ему. — Ты сегодня настоящий джентльмен.

Он фыркает, но больше ничего не говорит, пока мы идём по извилистой дорожке мимо главного здания. На улице темно, но вдоль тропинки установлены совершенно новые фонари, которые действительно помогают отогнать жутковатую атмосферу из окружающего леса. Где-то поблизости ухает сова, и я вздрагиваю.

— Это меньше, что я могу сделать, учитывая, что я чуть не сделал с тобой на той кухне, — рычит он, его сапфировые глаза подведены чёрным карандашом, верхние пуговицы на униформе расстёгнуты ровно настолько, чтобы я могла видеть края его татуировки *Дженика* на груди.

— Что именно это значит? — шепчу я, скрещивая руки на груди и стараясь не позволить темноте вывести меня из себя. Даже если трое нападавших нападут на нас сейчас, у меня в кармане есть новый перцовый баллончик, рядом с запасным электрошокером (поскольку мой оригинальный был потерян в туннелях). И, ну знаете, у меня есть Рейнджер. Одно только воспоминание о том, как он держал Коди в удушающем захвате, приносит мне огромную радость.

— Это значит, что я собирался перекинуть тебя через столешницу, шлёпнуть по заднице и оставить отпечаток руки с мукой, а потом, вероятно, трахнуть тебя в том фартуке. — Рейнджер дрожит, и мой рот приоткрывается, мои щёки заливают румянец, когда он смотрит на меня.

— Я имею в виду... это не то, о чём я спрашивала! — я закрываю лицо руками, когда он издаёт глубокий, мрачный смешок рядом со мной.

— Тогда в следующий раз тебе следует выражаться яснее, — говорит он с лёгким намёком на смех в голосе. — Потому что я мог бы описать свои фантазии гораздо более подробно, чем это.

— Мне просто интересно, почему ты решил, что тебе нужно быть джентльменом, — спрашиваю я, опуская руки, когда мы останавливаемся у общежития для мальчиков. Здесь есть ещё несколько парней, они разговаривают и курят, поэтому я стараюсь прикрыть форму, висящую на руке Рейнджера, своей курткой. — В тот день ты не сделал ничего плохого.

— Это было неправильно, потому что мы не говорили об этом, — поясняет он, а затем вздыхает, стряхивая пепел с сигареты на ветру, а затем наклоняется, чтобы потушить горящую вишенку сигареты об тротуар. Он осторожно кладёт окурочек в мусорную корзину, его взгляд погружён в раздумья. Когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, моя кожа покрывается мурашками под этим властным взглядом. — Но я думаю, раз мы *уже* поговорили об этом... это было бы не так уж неправильно.

— Ты хочешь сказать, что хочешь испечь со мной гольшом? — шепчу я в ответ, как раз перед тем, как мы слышим звук шагов по гравию и поворачиваемся, чтобы увидеть парня, который выглядит как старшая версия Спенсера Харгроува, стоящего на дорожке неподалёку.

— Джек? — спрашивает Рейнджер, и на его лице появляется небольшая вспышка удивления, прежде чем он включает свой фирменный взгляд. Именно тогда я вспоминаю тот разговор, который состоялся у Спенсера и Рейнджера во время одного из наших видеочатов.

«— Джек, да? — подозрительно сказал Рейнджер, как раз перед тем, как Спенсер бросил на него взгляд.»

— Не начинай о моём брате, чувак».

Верно. Потому что всю ту неделю, что Спенсер отсутствовал, он был с братом, бывшим наркоторговцем из Академии Адамсон, явным придурком, чьи родители подкупают копов, и обладателем глубоких географических знаний об Адамсоне. Насколько я понимаю, он *определённо* подозреваемый.

Конечно, мне трудно сосредоточиться на всём этом, потому что я помешана на романтике и не могу перестать думать об угрозах Рейнджера, которые должны быть обещаниями. Отпечаток руки в муке? Да, пожалуйста.

«Меня никогда раньше не шлёпали», — рассеянно думаю я, ёрзая на рыхлой гальке дорожки.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Рейнджер, когда Джек приближается к нам, его сходство с младшим братом поразительно. У них одинаковое лицо, хотя глаза Джека намного светлее и голубее, чем пронзительный бирюзовый взгляд Спенсера. Волосы Джека тёмно-шоколадно-каштановые, что, как я полагаю, должно быть естественным цветом волос Спенсера, и он также на добрых два дюйма ниже и на сорок фунтов тяжелее своего брата.

— Я надеялся, что смогу быстро поговорить со Спенсом? — говорит он, нервно оглядываясь по сторонам. Рейнджер замечает это. Я имею в виду, что если моя озабоченная задница заметила, то тёмные, наблюдательные глаза моего нового парня определённо не пропустят столь очевидное движение, как это.

— Ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы использовать телефон для звонков или текстовых сообщений? Или, чёрт возьми, насколько я помню, ты в значительной степени живёшь за своим ноутбуком. Фейсбук? Инстаграм? Отправить ему снимок или твит? Выложить грёбаное видео в Тик-Ток? Давай, Джек, мы оба знаем, что ты здесь не просто поболтать.

Мои брови приподнимаются, когда Рейнджер полностью поворачивается лицом к Джеку, как будто он готовится к драке или чему-то подобному. Я обхватываю пальцами его руку, впиваясь короткими ногтями в его блейзер цвета шампанского. Рейнджер смотрит на меня, его сапфировые глаза темнеют, а затем облизывает нижнюю губу, прежде чем снова поднять взгляд на Джека. После напряжённого момента он обнимает меня за талию.

— Я здесь не для того, чтобы устраивать неприятности, — произносит Джек, но он действительно выглядит немного вспотевшим и измотанным. Его мешковатая футболка помята, а джинсы заляпаны грязью. — Я просто... хочу поговорить с братом, хорошо?

— Мы приведём его для тебя, — отвечает Рейнджер, глядя на Джека так, словно внезапно уверился, что он один из убийц. Он уводит меня от брата Спенсера внутрь, мимо ухмыляющегося Марка, который сидит на диване в окружении своих тупоголовых друзей.

— Ух ты, я слышал, что педики любят спать с кем попало, но Чак *блять* ставит рекорд

по хуям, я прав? — Марк хихикает, когда Рейнджер застывает на месте, поворачивая голову, чтобы посмотреть на играющего в футбол придурка. В прошлом году он был полузащитником футбольной команды Адамсон, но в этом году стал квотербеком, заняв место Юджина, как будто его там никогда и не было.

— Каким бы притянутым за уши ни было это предложение, я всё равно собираюсь надрать тебе задницу за это. — Рейнджер суёт пиджак и униформу мне в руки, а затем хватает Марка за галстук, душит его и перетаскивает через спинку дивана. Не теряя ни секунды, я достаю из кармана телефон и набираю номер Черча.

— Рейнджер и Марк, гостиная, — говорю я, не дожидаясь его приветствия.

Другие футболисты, похоже, не знают, стоит ли им вмешиваться или остаться в стороне, давая Рейнджеру достаточно времени, чтобы уложить Марка на спину и сильно ударить по его хорошенькому личику. На костяшках пальцев Рейнджера определённо немного крови, а звук, который издаёт Марк... чем-то напоминает умирающего жирафа. Я имею в виду, не то чтобы я *знала*, как звучит умирающий жираф, но звук высокий, пронзительный и странный.

Думаю, это было больно.

— Отпусти ещё одну гомофобную шутку, придурок. Разозли меня ещё немного, оскорбив моего парня. Посмотрим, что произойдёт.

— Тсс-тсс, мистер Вудрафф, — цокает Черч, появляясь, как вызванный призрак, у подножия лестницы. Типа, ему даже не нужно было спешить, чтобы спуститься сюда. — Насилие — это не выход, даже когда имеешь дело с фанатиками, гомофобами и идиотами.

Рейнджер на мгновение замолкает, пока я потираю большим пальцем ободок своего обручального кольца, переводя взгляд с него на нашего бесстрашного лидера/президента.

— Ты слышал его, псих. Отвали от меня.

К счастью, близнецы и Спенсер появляются у подножия лестницы, запыхавшиеся и готовые к драке, что немного уравнивает шансы. Их семеро, нас шестеро, хотя я буду первой, кто признает, что я немного бесполезна. Однако у меня есть с собой перцовый баллончик и электрошокер.

— Рейнджер, — говорю я, потому что я бы не исключила, что Марк упомянет об этом инциденте моему отцу, и я боюсь, что, разозлив его, я поставила парней в неловкое положение. Не знаю, как бы я себя вела, если бы одного из них исключили. — Отпусти его. Людей, которые ненавидят из-за невежества, нельзя заставить подчиниться; их нужно воспитывать.

— Говоришь, как чопорная маленькая девчонка, — выплёвывает Марк, и Рейнджер просто выходит из себя, снова ударяя засранца. Две группы парней сходятся в яростном полёте кулаков, и впервые в жизни я вижу, на что действительно способен Черч.

Насмешки Юджина эхом отдаются в моей голове: *«Конечно. Всегда один из твоих дружков, но никогда лично ты, да? Ты боишься подраться Черч?»*

Двое парней идут в нашу сторону, и моя рука тянется к оружию в карманах. Однако меня не появилось возможности ими воспользоваться. В мгновение ока Черч оказывается между нашими потенциальными нападавшими, а затем они оба оказываются лежащими на полу, держась за горло и кашляя. Что. Блядь. Только. Что. Произошло?!

— Крав-мага, — небрежно объясняет Черч, называя израильский вид военной самообороны, и поворачивается, чтобы с улыбкой посмотреть на моё потрясённое лицо. — Я уже много лет беру уроки три раза в неделю. — Он возвращается к бою перед собой, а затем

направляется на жестокий, но непрактичный нокаут, который Спенсер наносит новому широкому ресиверу команды. Черч касается плеча парня, и когда придурок ударяет локтем назад, Черч делает шаг в сторону, блокирует удар предплечьем, а затем наносит ему такой удар в лицо, что парень падает на пол.

— О, мои бедные, сладкие яичники, — бормочу я, потому что, хотя я и знаю, что насилие — не решение моих проблем, всё равно довольно возбуждающе видеть, как парни, которые мне нравятся, всерьёз надирают задницы. Всего через несколько минут футбольные придурки лежат на полу, стонут и держатся за головы, а над ними стоит Студенческий совет.

Здесь довольно жарко... пока не открывается дверь и не входит Арчибальд Карсон.

Его взгляд переходит с упавших парней прямо на меня.

О, чёрт.

У меня крупные неприятности, да?

— Это всё ты виноват, Вудрафф, — усмехается Марк, вытирая пол курятника и свирепо глядя в спину Рейнджеру. Технически, сейчас не наша очередь помогать с цыплятами или присматривать за органическим огородом, который кормит школу, но... теперь она настала. До конца этого грёбаного семестра.

— Закрой рот, Грендэм, или я запихну тебе в глотку куриное дерьмо и буду смеяться, пока ты им давишься. — Рейнджер кладёт последнее яйцо в корзину, а затем бросает взгляд на маленьких жёлтых цыплят, щебечущих возле его ботинок. На мгновение его щёки вспыхивают, но, когда он замечает, что я смотрю, подбегает и хватает меня за руку, вкладывая в неё корзину и забирая у меня метлу. — Иди отнеси это на кухню, а я тут закончу.

— Я могу немного подмести, — ворчу я, но Рейнджер всё равно выталкивает меня за дверь. — Не думай, что я не видела, как ты обнимал одну из этих цыпочек раньше, — бормочу я, но я действительно не хочу, чтобы Марк с его токсичной мужской чушью услышал об этом, поэтому ухожу с тяжёлой корзиной.

Спенсер присоединяется ко мне со своей корзинкой, его разбитая губа и слегка припухший фиолетовый глаз странно очаровательны.

— Я полностью разрушил этот сезон для Диего, — говорит он с небрежной ухмылкой плохого мальчика, останавливаясь, когда пара цыплят вразвалочку пересекает дорожку перед нами. — Ты ведь знаешь, что будет дальше, верно? Почему курица перешла дорогу...?

— Не-е-е-ет, — стону я, ударяясь о его плечо своим. Я чуть не теряю яйцо, когда оно выскальзывает из моей корзинки, но Спенсер хватается за него в воздухе, крутит на пальце и

кладёт в свою корзину. — Ты думаешь, это придало тебе крутой вид, да? — спрашиваю я, и он улыбается, его серебристые волосы падают на лоб таким образом, что я чувствую, как моё сердце тает.

— Но разве это не так? — спрашивает он, и я закатываю глаза. — Кстати, Джек сбежал и прислал мне какое-то отстойное сообщение о том, что его некоторое время не будет в городе.

Ах, да. Джек... Я почти забыла во всей вчерашней суматохе, что брат Спенсера вообще был там. К тому времени, когда Арчи закончил читать нам нотации, а школьная медсестра подлатала всех парней, он ушёл.

— Он сказал что-нибудь о том, что хотел? Или почему это было так важно, что он не мог написать тебе?

Спенсер небрежно пожимает плечами, а затем толкает кухонную дверь плечом, чтобы пропустить меня, его бирюзовые глаза темнеют. Он не хочет верить, что его брат замешан в этом больше, чем я хочу, чтобы он или Черч были вовлечены. Не то чтобы я его винила. Мысль о том, замешан ли в этом мой отец, убивает меня. Но вчера вечером у меня было небольшое откровение: я убеждена, что папа, мистер Мерфи и мистер Дэйв что-то знают о том, что происходит в кампусе. Я также убеждена, что, несмотря на доказательства, они на нашей стороне. Судя по тому, как отреагировал Черч, когда я сказала ему об этом вчера вечером, чувствую, что он согласен.

Я перекидываю тяжёлую корзину из одной руки в другую, а затем поворачиваюсь и вижу, что Йен, чёртов Дэйв, стоит на кухне и ждёт нас. *Упомяни дьявола.*

У меня отвисает челюсть, и я, чёрт возьми, чуть не роняю корзину с яйцами.

— Что... что вы здесь делаете? — я задыхаюсь, потому что сегодня только суббота, а папа сказал, что мистер Дэйв вернётся только в понедельник. Глядя на него сейчас, вы бы ни за что не догадались, что Черч Монтегю помог ему вытащить охотничий нож из тела всего несколько недель назад.

— Мистер Карсон, мистер Харгроув, — говорит он, когда Спенсер на мгновение стискивает зубы, принимая решение за долю секунды. Мы могли бы убежать, а могли бы остаться здесь и посмотреть, что скажет этот большой, грубоватый мужчина, который так уж случилось встречается с моей матерью. Один из кухонных работников выходит вперёд и собирает наши корзины, как раз перед тем, как мы слышим шум из кладовой, и я с лёгким вздохом облегчения понимаю, что мы здесь не одни с мистером Дэйвом.

Даже если он один из убийц, то не сможет добраться до нас прямо сейчас.

Спенсер делает шаг вперёд, позволяя внешней двери хлопнуться за ним, его взгляд полностью сосредоточен на Йене Дэйве, идеальном стрелке в тире, мудаке, загадке, которому не понравилось, что я шныряю по библиотеке.

— Что произошло между вами и Черчем? — это первый вопрос, который задаёт Спенсер, и я приподнимаю бровь. Я приняла решение доверять таинственному, стойкому парню с янтарными волосами, который надел кольцо мне на палец, но я также не забыла, что сказали близнецы в Диснейленде, о том, что Черч пропал за неделю до нападения на меня в средней школе Санта-Круз. С ним что-то происходит, независимо от того, связано ли это с Адамом или с убийствами.

— Господи, — ворчит мистер Дэйв, ухмыляясь так, как мог бы усмехнуться только злодей. — Вы, дети, идиоты, вы знаете это?

— Черч вытащил из вас нож, — говорю я, повторяя историю так, как я её слышала,

ожидая, что на лице мистера Дэйва отразится удивление или шок. Вместо этого он просто смотрит на меня в ответ тёмными глазами и вздыхает, протягивая руку, чтобы провести пальцами по своей густой шевелюре. Я думаю, он ближе к маминому возрасту, чем к папиному. У него нет редяющих волос. — Кстати, не самое удачное медицинское решение, но я надеюсь, что у вас были на то причины. — Я кашляю в ладонь. — Но кто в действительности ударил вас ножом?

— Да, мистер Монтегю помог мне вытащить нож. В первую очередь, я не вправе обсуждать, кто напал на меня, но я неоднократно упоминал директору Карсону, что позволять вам всем слоняться по кампусу, как детективам-любителям — ужасная идея.

— Если вы не заметили, у нас дежурство по огороду и за курицами, — огрызаюсь я в ответ, когда Спенсер протягивает руку и выдёргивает пёрышко из моих волос. — И если мы «топчемся на месте», — я делаю пальцами маленькие язвительные кавычки, — то только потому, что полиция и администрация бесполезны. Никто не верит нам в то, что мы видели в лесу.

— Точно так же, как они не верят, что Юджин и Дженика были убиты, — говорит мистер Дэйв с долгим вздохом. Он выглядит таким чертовски уставшим, что я удивлена, что он не попросил ещё несколько выходных. Мы со Спенсером обмениваемся взглядами, прежде чем снова посмотреть в его сторону. — Но я верю. Я вам верю.

— Верите? — выпаливает Спенсер, немного отступая назад, как будто он тонет в неверии. Я имею в виду, что после всего дерьма, которое мы получили от окружающих нас взрослых в последнее время, я не удивлена. Я поворачиваюсь обратно к мистеру Дэйву, удивляясь собственному внутреннему спокойствию. Обычно я не такая, знаете ли, спокойная. Для меня это нечто чуждое.

— Да, верю, — отвечает мистер Дэйв, подходя на несколько шагов ближе к нам и понижая голос. — И именно поэтому я прошу вас *держаться от этого подальше*. Не высовывайтесь, держитесь вместе и позвольте мне разобраться с этим.

— Как будто библиотекарь более квалифицирован, чтобы разбираться с этим дерьмом, чем мы, — усмехается Спенсер, складывая руки за головой и оглядывая мистера Дэйва так, словно не верит ни единому слову, слетающему с его губ. — Вы, наверное, один из тех уродов в масках, которых мы видели в лесу. Типа, серьёзно, мы должны поверить, что вы случайно наткнулись на маму Шарлотты в центре Лос-Анджелеса?

Мистер Дэйв на мгновение закрывает глаза, ноздри раздуваются, а его большие мясистые руки сжимаются в кулаки. Он явно недоволен нами, но между ним, мистером Мерфи, и моим отцом что-то происходит. Я уверена в этом.

— Мои отношения с Элоизой — не ваше дело. Я действительно забочусь о ней, и я обещаю вам, что наше постоянное общение не имеет никакого отношения к этому делу.

— Этому делу? Хм, как будто это совсем не жутко, — говорит Спенсер, обнимая меня за талию, чтобы защитить. Лёгкий трепет пробегает по мне, когда я снова провожу пальцем по обручальному кольцу. По какой-то причине он стал символом всего Студенческого совета, а не только Черча. — Чувак, ты просто роешь себе ещё более глубокую яму. Давай, Чак.

Он уводит меня от мистера Дэйва, но я отстраняюсь, ещё раз поворачиваясь лицом к библиотекарю.

— Я знаю, что мистер Мерфи писал мне те записки, — произношу я, и ноздри мистера Дэйва снова раздуваются, хотя он не подтверждает и не опровергает обвинение. — И я знаю,

что, что бы он ни задумал, вы с моим отцом в этом замешаны.

Мы поворачиваемся и выходим из комнаты, позволяя двери захлопнуться за нами, но у меня в голове снова возникает маленькая идея, и от неё никуда не деться.

Я знаю, что мне нужно сделать.

В понедельник я нарушаю свой обычный распорядок дня: проснуться слишком поздно, чтобы причесаться, и спешить на занятия в мятой одежде, перекошенных очках и плохом настроении. Вместо этого я встаю, как только Черч начинает варить кофе, приподнимая одну идеальную бровь в моём направлении, когда я распахиваю дверцы шкафа и смотрю на форму, которую украла из дома отца. Я почти уверена, что он спустился в общежитие в ночь драки, чтобы накричать на меня из-за этого, но потерял ход мыслей, когда увидел, в какой беспорядок мои парни превратили футбольную команду.

Итак, теперь она моя.

Выбор за мной.

И я его сделала.

— Ты уверена в этом? — спрашивает Черч, пряча искреннюю улыбку за кружкой с кофе. — Это всё поменяет.

— Я уверена, — заявляю я, расстёгивая молнию на чехле для одежды и вытаскивая наряд, чтобы изучить его. — Совершенно.

Черч помогает мне отнести косметичку, лак для ногтей и фен в ванную; остальные ребята из Студенческого совета освобождают комнату и охраняют дверь, давая мне время принять душ, сделать причёску и макияж, прежде чем они помогут мне надеть зимнее пальто с капюшоном. Оно немного портит причёску, но да ладно. Сегодня утром я завила этот отстой в локоны.

— У тебя уходит почти столько же времени на подготовку, сколько и у нас, — говорят близнецы, указывая друг на друга. — Быть девушкой тяжело.

— Ты когда-нибудь слышала песню «*Sexy Getting Ready*» из шоу *Crazy Ex-Girlfriend*? — спрашиваю я, поджигая свои свеженакрашенные губы и бросая взгляд на парней, когда обвожу пальцем вокруг, указывая на своё лицо. — Это куча патриархального дерьма. *Это* не делает меня девушкой. Я просто... это как броня или что-то подобное, ясно? С ней я чувствую себя спокойнее. Я *хочу* это делать. Вот в чём суть феминизма: выбор.

— Никаких ссор здесь, — говорит Рейнджер, его обычно глубокий, спокойный голос немного срывается. Когда я прищуриваюсь, клянусь, я вижу румянец на его щеках. Он быстро хватает меня за плечи и разворачивает лицом к двери, его руки обжигают меня даже сквозь толстую шерсть куртки. «*Если мы в ближайшее время не решим нашу маленькую проблему сексуального напряжения, мы оба взорвёмся*». — Но давайте выйдем и завладеем этой женственностью, не так ли?

Он выталкивает меня за дверь в море ухмыляющихся и свирепо глядящих парней, которые держатся за свои члены и подпрыгивают вверх-вниз в предвкушении посещения туалета. Спенсер и Черч, наконец, отходят в сторону и пропускают орду в ванную.

— Да пошли вы, ребята, — усмехается Марк, проносясь мимо нас. Уходя, он подозрительно смотрит на меня, но меня окружает свита из членов Студенческого совета; я чувствую себя неприкасаемой. Мы возвращаемся в мою комнату, и я сбрасываю куртку, поправляю причёску перед зеркалом, пока все пятеро парней пялятся на меня.

— Что? — спрашиваю я, облизывая губы, чтобы выровнять блеск для губ. Вздохнув, я упираю кулак в бедро, моя плиссированная юбка колышется от этого движения. — Да ладно, не похоже, что вы, парни, раньше не видели меня при параде.

— Нет, но... — начинает Спенсер, поднимая палец, а затем опускает руку вдоль тела. Его глуповатая влюблённая ухмылка превращается в самодовольную ухмылку. — Просто наш маленький Чак-лет совсем вырос и готов показаться в Адамсоне в юбке. Это гордый, но пугающий момент для твоего гарема.

— Моего... чего?! — я задыхаюсь, когда Рейнджер стискивает зубы, Черч приподнимает бровь, а близнецы ухмыляются.

— Мы находимся в обратном гареме, — говорят они в унисон, кивая, а затем обмениваясь взглядами. Тобиас лезет в свой передний карман, достаёт маленький значок *Гостевой Клуб Лицея Орансо* всеми изображёнными на ней персонажами и прикрепляет её к карману моего блейзера, прямо рядом со значком Студенческого совета.

— Вот, — говорит он, его улыбка становится немного кривой, когда он оглядывает меня своими красивыми зелёными глазами. — Теперь все будут знать.

— И, — добавляет Мика, поднимая палец. — Это даёт нам карт-бланш избивать любого, кто скажет что-либо уничижительное.

Вздыхнув, я раскидываю руки и закрываю глаза. Это не облегчит мне жизнь здесь, в Адамсоне. Нет, это всё усложнит. Но я также совершенно уверена, что для меня это лучший способ проникнуть в суть этой тайны.

— Хорошо, давайте сделаем это.

Мальчики проверяют коридор, чтобы убедиться, что всё чисто, и мы отправляемся в путь, мой приталенный блейзер застёгнут под грудью, маленькая голубая ленточка завязана бантом у горла приталенной белой рубашки на пуговицах. Юбка в клетку, смесь шампанского, медово-жёлтого и тёмно-синего цветов, развевается вокруг моих ног, когда я иду. Мои чулки до колен поддерживаются подвязками (конечно, я украла их у Моники, когда был в Санта-Крузе), и я надела те же простые блестящие коричневые мокасины, которые носила в детстве.

Я почти уверена, что гендер — это просто нелепая социальная конструкция, но всё же... мир иногда придерживается социальных конструкций, и я стою по колено в них.

Внезапно мне становится трудно дышать.

Я останавливаюсь на дорожке, парни останавливаются вокруг меня, великолепная смесь блейзеров цвета шампанского и тёмно-синих галстуков, и я на минуту закрываю глаза, слушая ветер в кронах деревьев, уханье этих глупых короткоухих сов.

«Просто дыши, мы пройдем через это», — говорю я себе, снова открывая глаза и обнаруживая пять пар обеспокоенных глаз, смотрящих на меня в ответ.

— Ещё не поздно передумать, — говорит Черч, скрепя одну руку на груди и подпирая подбородок ладонью другой руки. — Если ты захочешь вернуться и переодеться, никто здесь не станет думать о тебе хуже.

— Нет, я сделаю это, — заявляю я, вздёргивая подбородок и стараясь не обращать внимания на дрожь в руках. Сделав ещё один глубокий вдох, продолжаю спускаться по тропинке, проходя мимо нескольких случайных студентов тут и там, которые в шоке поднимают глаза. Почти уверена, что некоторые из них снимают меня на телефоны, делают фотографии и видео, но мне всё равно.

Вместо этого я направляюсь прямо к двойным дверям главного здания и распахиваю их с ненужной силой и драматизмом. Близнецы ловят их и широко раскрывают, оставляя мой силуэт на фоне серого света снаружи, моя юбка развевается на ветру, подбородок высоко поднят.

«Держу пари, я выгляжу как полная задира, да? Я могла бы быть Реджиной Джордж из «Дрянных девчонок» или кем-то похожим, управлять всей школой и выглядеть при этом потрясающе».

— Что за чертовщина? — спрашивает Марк, моргая, когда я вхожу в холл и останавливаюсь: добрых три дюжины парней стоят в фойе и пялятся на меня. Я осматриваю комнату, встречаясь взглядом со столькими парами глаз, с какими только могу.

Не говоря ни слова, я с важным видом выхожу вперёд и направляюсь прямо к своему шкафчику, присутствие Студенческого совета исключает любые комментарии или вопросы. По крайней мере, сейчас. Нам удаётся пережить неловкий завтрак в кафетерии, когда все пялятся на меня, прежде чем наконец появляется мой отец, его лицо такого забавного пурпурно-красного цвета, глаз дёргается.

— Шарлотта Карсон, — предупреждает он, когда я отодвигаю поднос с завтраком вперёд и встаю, вызываясь вздёргивая подбородок. Не говоря ни слова, я покидаю парней из Студенческого совета и выхожу из кафетерия, чтобы встать в коридоре рядом с Арчи. — Ты не хочешь объяснить мне, в чём смысл этого маленького трюка?

— Трюка? — спрашиваю я, невольно переходя на язвительный тон, сама того не желая. На данный момент — это просто сила привычки при разговоре с отцом. Ну, и я чувствую, что он всегда переходит со мной в наступление, из-за чего мне до смешного легко перейти к агрессивной обороне. Почему он не мог просто положить руку мне на плечо, мягко улыбнуться и сказать: «*Есть причина, по которой ты решила изменить план игры, не сказав мне, милая?*» Ха. Как будто это когда-нибудь могло случиться. — Это не трюк. Это то, чего ты и школьный совет хотели с самого начала, не так ли? Я беру под контроль свою собственную судьбу в этой академии.

— Это что, призыв к вниманию? — спрашивает папа, протягивая руку, чтобы поправить свои круглые очки. — Тебе нужно от меня что-то ещё? — в его голосе звучит почти отчаяние, когда он наклоняется ко мне, стиснув зубы. — Потому что я всегда делал только то, что считал правильным по отношению к тебе.

— Правда? Например, не сказал мне, что Спенсер жив. Ты отказался поверить мне, когда я сказала тебе, что видела Джейсона Ламберта мёртвым в лесу. Что я видела группу людей в лисьих масках.

Папина рука вырывается, и он хватается за предплечье, таща по коридору, пока я вырываюсь из его хватки. Секунду спустя дверь кафетерия открывается, и появляются парни во главе с Рейнджером. Кажется, он вот-вот оторвёт руку моего отца с моей руки, но я отмахиваюсь от него и выхожу вслед за Арчи на улицу.

Папа не останавливается, пока мы не оказываемся на опушке леса, тени окружают нас, как занавес уединения. На этот раз, когда папа смотрит мне прямо в лицо, я вижу в его взгляде намёк на отца и гораздо меньше на директора.

— Шарлотта, если ты захотела посещать школу как девочка, это прекрасно. Для меня это не имеет никакого значения, но в этой школе есть вещи, которых ты не понимаешь.

Я сужаю глаза и поджимаю накрашенные губы, вырывая руку из его хватки и отвечая на его испуганный взгляд своим собственным свирепым взглядом.

— Верно, как Дженика, как Юджин, как Джейсон.

— Именно, — шепчет папа, широко раскрыв глаза от страха. — И маленькие публичные заявления, подобные этому, не помогают.

— Кто-то хочет меня убить, — выпаливаю я ему в ответ, и он съёживается.

Съезживается. Мой отец, Арчибальд Чарли Карсон. Этого достаточно, чтобы заставить меня сделать шаг назад.

— Да, Шарлотта, кто-то хочет.

Следует долгая пауза, во время которой мы смотрим друг на друга, мой глаз дёргается точно так же, как и у него. Природа или воспитание — я унаследовала это от него.

— Подожди, прости, что ты только что сказал? — спрашиваю я, теребя маленькую бриллиантовую сережку в ухе, подарок Моники на пятинадцатилетие. — Почти уверена, что только что услышала, как ты со мной согласился.

— Шарлотта, — начинает отец со вздохом, когда раздаётся первый звонок, я оглядываюсь и вижу парней, ожидающих меня у главного входа в школу. Мы все уже опаздываем, но что с того? Это важнее, чем просто урок (хотя в этом году я действительно стараюсь, так как, знаете, Тобиас дразнил меня Университетом Борнстед и всем прочим). Я бы с удовольствием поступила в университет со своими парнями.

Мои щёки ярко вспыхивают, когда я осознаю, что только что сказала.

Мои парни.

Мои.

Ох.

Говорила же вам, что влюблюсь в каждого парня. Я падка на романтику.

— Я и так уже сказал слишком много. Иди в класс, и мы обсудим это позже. — Папа выпрямляется, оглядывая школу и группу членов Студенческого совета, сжав губы в тонкую линию. — Это что, какой-то бунт? — спрашивает он меня, и через мгновение я понимаю, что мы сменили тему с убийства на мальчиков. Судя по выражению лица моего отца, я предполагаю, что они имеют примерно одинаковый вес в его сознании. — Притворяться, что встречаешься с ними со всеми вот так.

— Э-э, веришь или нет, мои отношения с ними не имеют к тебе никакого отношения, — огрызаюсь я, сильно хмурясь. — И не думай, что я просто уйду и оставлю всё как есть. Ты знаешь, что кто-то пытается убить меня, и ты ничего не собираешься с этим делать?

Папа оглядывается на меня, и по выражению его лица я могу сказать, что он боится за меня, по-настоящему напуган.

— Я бы отдал свою жизнь, чтобы защитить тебя, Шарлотта, — говорит он, а затем уходит в направлении административных кабинетов, оставляя меня ошеломлённо стоять позади него.

— Ты в порядке? — спрашивает Черч, когда парни присоединяются ко мне возле леса, и я поворачиваю обеспокоенное лицо в их сторону.

— Почти уверена, что мой отец только что признался, что кто-то пытается меня убить, — уклоняюсь я, и мы все на мгновение замолкаем. Одно дело что-то подозревать, и совсем другое — получить подтверждение. Фантастика. Выпускной класс, в юбке, пять парней, три убийцы у меня на хвосте.

Это должно быть весело.

Я едва успеваю закончить два урока, как Марк пробирается ко мне со своими приятелями-футболистами на буксире, загоня меня в угол прямо перед математикой, единственным уроком в течение дня, где поблизости нет никого из парней.

Он тормозит меня посреди коридора, но меня это не волнует. Я не боялась его, пока была в брюках, и я не боюсь его в юбке.

— Ну, ну, кто же знал, что Чак Карсон на самом деле такой привлекательный под этими уродливыми очками? — он протягивает руку, чтобы коснуться моих волос, но я отталкиваю его руку, заставляя смеяться его и всех его глупых друзей. — В чём дело, Чак? Я думал, ты любишь члены. Ты уже трахаешься с пятью разными парнями, так что тебе с ещё одного?

— Приятно осознать, что ты гомофоб и сексистская свинья, — огрызаюсь я в ответ, прищуривая глаза. У меня просто пальцы чешутся вытащить перцовый баллончик и пустить его в ход. — А теперь убирайся к чёрту с дороги.

Марк снова лишь насмехается надо мной, эта жестокость в его поведении становится только хуже с каждым днём. В прошлом году он был невыносим. В этом году он просто кошмарный. Больше всего на свете мне хотелось бы пнуть его по яйцам — если, конечно, они у него есть.

— Что, если я не хочу убираться с твоего пути? — спрашивает Марк, подходя ближе ко мне, пытаюсь запугать меня своим размером. Слишком плохо. Я его не боюсь. Даже не задумываясь, я протягиваю обе ладони и толкаю его так сильно, как только могу, отбрасывая на несколько шагов назад, прямо на его приятелей по футболу.

— Девушка ты или нет, я надеру тебе задницу, — рычит он, отталкивая своих друзей и направляясь ко мне.

Ему не удаётся уйти зайти очень далеко.

Мистер Мерфи встаёт между нами, заставляя Марка отшатнуться в сторону, чтобы избежать того, что он планировал сделать со мной, с нашим учителем.

— Насколько я помню, вас только что наказали и назначили дежурить в саду до конца семестра, мистер Грэндэм. Это выпускной класс; мне бы не хотелось снова писать на вас жалобу. — Вместо обычной мягкой, милой улыбки мистер Мерфи выглядит смирившимся, как будто на самом деле написание на кого-то жалобы может вызвать приступ тревоги или что-то в этом роде. По крайней мере, он выглядит так, будто действительно сделал бы это — кстати, это был бы его первый раз, когда он отчитывает студента.

Нахмурившись, Марк убегает по коридору как раз в тот момент, когда мои парни выходят из-за угла. Глаза Спенсера расширяются при виде нашего друга «Адама», стоящего передо мной, и он обменивается взглядом с близнецами. Черч, кажется, не особенно удивлён, но Рейнджер взбешён.

— Что, чёрт возьми, задумал Марк? — спрашивает он, стремительно подходя, чтобы

встать рядом с нами, а затем переводя свой свирепый взгляд на самого мистера Мерфи. — А как насчёт вас, Адам? А? Вы не хотите нам кое-что объяснить?

Лайонел Мерфи долго молча смотрит на Рейнджера, а затем опускает голову, почти со стыдом.

— Встретимся после занятий в моём кабинете, — говорит он, поднимая голову, и в его бледно-голубых глазах читается глубокая печаль.

— Зачем? Чтобы вы смогли признаться в том, что натворили? — продолжает Рейнджер, отказываясь сдаваться. Он делает шаг вперёд, но мистер Мерфи уже отворачивается и направляется обратно в свой класс. Тем временем Марк потратил впустую большую часть моего перерыва, поэтому вместо того, чтобы перекусить, раздаётся звонок, сигнализирующий о том, что пора идти на третий урок.

Рейнджер незаметно наклоняется и сует мне в руку один из батончиков гранолы домашнего приготовления, аккуратно завернутый в многоразовую пищевую плёнку из пчелиного воска, которая ему так нравится, и перевязанный изящной розовой ленточкой. Мои щёки становятся примерно такого же цвета, когда я прижимаю его к груди. Черч тем временем протягивает один из двух мокко с белым шоколадом, которые Меринда готовит только для него. Я едва сдерживаюсь, чтобы не подпрыгнуть вверх-вниз от возбуждения. Я уверена, Черч это замечает, и он улыбается так, как умеет только он — как будто улыбка — значит всё.

— Как вы думаете, что всё это значило? — рассеянно спрашивают близнецы, наблюдая за дверью класса, как будто какая-то подсказка могла выпрыгнуть им на глаза.

— Понятия не имею, — отвечает Черч таким же ровным и стоическим голосом, как всегда. — Но я полагаю, что мы скоро это выясним.

После школы мы шестером встречаемся за дверью кабинета мистера Мерфи. Он уже ждёт нас, приглашает войти, прежде чем закрыть и запереть дверь и опустить шторы на окне, выходящем в коридор.

Пока мы стоим там, пребывая в различных состояниях неловкости (я), гнева (Рейнджер) и любопытстве (все остальные), мистер Мерфи не торопясь готовит чашку чая, а затем садится за стол. Он выглядит измученным и лет на десять старше, чем был сегодня утром.

— Вы готовы признаться или как? — спрашивает Рейнджер, останавливаясь только тогда, когда Черч бросает на него взгляд, который очень ясно говорит: *успокойся, мой друг*. Мистер Мерфи слегка съёживается, его щёки забавно розовеют, как у меня, когда мальчики дразнят меня из-за секса, или как у Рейнджера, когда он видит пушистого котёнка.

— Вы уже спрашивали меня о Дженике, — начинает мистер Мерфи, и очень быстро в комнате воцаряется тишина. Всё тело Рейнджера напрягается, когда он обхватывает руками

спинку стула перед собой и наклоняется вперёд, сапфировые глаза сверкают, как ночное небо. Наш учитель английского поднимает глаза со слезами на глазах, а Рейнджер отшатывается, как будто ему дали пощёчину, в гневе сжимая челюсти. Не думая об этом, я наклоняюсь и хватаю его за руку, слегка сжимая её. Почти сразу же замечаю в нём перемену, и маленький цветок радости раскрывается внутри меня.

...

Цветок радости?

Господи, неудивительно, что я не поэт.

— Вы сказали, что, по-вашему, это выглядело так, будто мы могли встречаться... — Мистер Мерфи достаёт конверт из плотной бумаги из верхнего ящика стола и очень осторожно пододвигает его к нам. Он отпускает руку, и предмет заманчиво оказывается между нами и ним. — Вы не ошиблись насчёт этого.

— Ха! — слово срывается с моих губ, и мои щёки вспыхивают от неуместности моей вспышки. Я не хотела проявить неуважение к Дженике или что-то в этом роде. Но когда Рейнджер смотрит в мою сторону, на его губах появляется хотя бы тень улыбки. Однако это длится недолго. Как только он поворачивается обратно к мистеру Мерфи, то снова хмурится.

— Она боялась Рика, и, как бы мне ни было больно это признавать, я тоже боялся. Мы начали встречаться втайне, — признаётся мистер Мерфи, и на его губах появляется улыбка, чертовски похожая на ту, что только что подарил мне Рейнджер.

«*О боже мой, они точно делали это!*» — думаю я, но крепко сжимаю губы от этого откровения.

Чёрт возьми, я ведь всё равно могу ошибаться, верно? Рейнджер и я ещё не сделали этого... пока. Кх-м. Кашель. Тот раз в его комнате, когда кончик едва просочился внутрь, не в счёт. Нет. Нет, нет, нет.

— Мы также... — мистер Мерфи снова замолкает, когда Рейнджер хватается за конверт и осторожно, накрашенными чёрным ногтями, вскрывает его. То, что он вытаскивает, меняет всё.

Недостающие страницы из дневника Дженики падают на поверхность стола, рисунки чёрными чернилами, перечёркнутые красным. Конечно, это ещё не всё, потому что я сосчитала вырванные страницы, как могла. Даже по самым скромным подсчётам, у меня пропало две дюжины листов, а мы смотрим только на шесть.

— Остальные страницы — слишком личные, — говорит мистер Мерфи, снова опуская взгляд на стол. — Я бы предпочёл не делиться этим, если вы не возражаете.

— У вас был доступ к её дневнику, — медленно произносит Рейнджер, всё ещё не глядя ни на несколько страниц в своей руке, ни на те, что упали на стол. Его внимание полностью сосредоточено на нашем добросердечном учителе английского языка, который в буквальном смысле слова слишком мил, чтобы убить муху. В буквальном смысле муху. Он очень усердно трудится, чтобы выпустить их на улицу. Как бы сильно я сама не любила мух, нельзя насмехаться над добротой других, даже если тебе кажется, что это чересчур. Доброта, при условии, что она не приносит больше вреда, чем пользы, никогда не бывает чрезмерной. — После того, как она умерла.

— Да, после того, как она была убита, — произносит мистер Мерфи, снова поднимая на нас глаза. — Я даже не должен был вам ничего из этого рассказывать.

— Да, — начинает Спенсер с резким смешком, — За исключением того, что Чак поймал вас с поличным, когда вы оставляли ту ужасную грёбаную записку на её двери.

Больше некуда бежать, чувак. Просто признайтесь.

— Я написал эти записки только потому, что пытался защитить её, — умоляет он, и искренность в его голосе убедительна. Мистер Мерфи встаёт из-за стола, заламывая руки, его лицо искажено душевной болью. Но я держу в уме слова Черча о психопатах, на всякий случай.

— Значит, вы признаёте это? — небрежно спрашивает Черч, в его голосе слышатся стальные нотки, хорошо замаскированные под благородными манерами.

— Я признаю, — шепчет мистер Мерфи в ответ, его глаза встречаются с моими, и меня охватывает озноб. — Я просто пытался уговорить Чака уйти из Адамсона. Я не знал, что они последуют за ним.

— Кто последует? — спрашивает Черч, пока Рейнджер перекладывает одну страницу на следующую, всё быстрее и быстрее, пока снова не возвращается к началу. Его подведённый карандашом взгляд поднимается к мистеру Мерфи, горящий с такой интенсивностью, что заставляет меня поёжиться.

— Культ? — спрашивает Рейнджер хриплым от недоверия голосом. — Вы хотите, чтобы я поверил, что моя сестра была убита... чёртовым культом?

Мистер Мерфи смотрит прямо на нас, чертовски серьёзный.

— Они учились в этой школе с самого начала, с тех пор, как она была основана в Сент-Луисе. Аббатство Августина. Вот откуда взялись туннели.

— А это? — спрашивает Рейнджер, вытаскивая ключи из-за пазухи. Меня убивает, что он вот так носит их на шее. В этом есть что-то такое милое, но в то же время такое грустное, как будто это должны быть руки его сестры, крепко обнимающие его, а не пара ожерелий с ленточками, на которые она аккуратно нанизала ключи. — Мы знаем, что один из них открывает дверь в общежитии для девочек, и что она была с ним, когда умерла. Но как насчёт этого, золотого?

— Где вы его нашли? — спрашивает мистер Мерфи, прикусывая нижнюю губу и поглядывая в сторону двери. Тихая музыка «*Erya*», которая играла всё это время — заткните мне рот ложкой, определённо не мой выбор мелодии — становится громче, как будто он пытается заглушить любые посторонние уши.

— В одном из столбиков её кровати, — добавляю я, и мистер Мерфи вздыхает, проводя рукой по лицу.

— Я повсюду его искал, — признаётся он, и от этого покрывала печали его плечи опускаются. Я всё ещё злюсь из-за злобных записок, которые он мне писал, но я не лишена сочувствия. — Так вот как вы попали в туннели?

— Кто-то привёл нас к туннелям, — говорит Мика, его голос резкий и жёсткий, с той безжалостной резкостью, которую я всегда замечала, что отличает его от Тобиаса. — Специально. Дождь, возможно, был случайным, но то, что нас заперли, — нет.

Мистер Мерфи снова садится за свой стол и делает осторожный плоток чая, в то время как на заднем плане играет «*Only Time*». Это совсем не создаёт нужное настроение. Нам нужно что-то... злое, пугающее, предвещающее недоброе. Я имею в виду, Рейнджер только что сказал «культ»?

— Я рад, что у тебя есть ключ от комнаты Дженики; думаю, это сделало бы её счастливой. Она потратила недели на поиски подходящей ленты... — лицо мистера Мерфи смягчается от воспоминаний, и наступает этот долгий, неловкий момент, когда он явно оказывается в другом уголке времени. Когда он поднимает глаза, нежность этих

воспоминаний сменяется холодом страха. — Золотой ключ мы нашли в лесу. Один из *них* уронил его.

— Один из кого? — огрызается Рейнджер, ударяя кулаком по столу. Сейчас он дрожит, но я не могу его винить. Это слишком много для восприятия, даже для такого человека, как я, который никогда не встречался с Дженикой. — Один из, блядь, кого? Извините, но я просто не куплюсь на эту культовую чушь.

Лицо мистера Мерфи внезапно меняется, тревога отражается на его красивых чертах.

— О, это не чушь. Это очень похоже на правду, и именно поэтому я пытался уговорить Шарлотту уйти из Адамсона. Как только они выбрали её, я начал оставлять записки.

— Вы ДжР, не так ли? — я спрашиваю, склонив голову набок. — Младший. Предсмертная записка Дженики, она было для вас.

— Это была не предсмертная записка, — шепчет Лайонел Мерфи, закрывая глаза от воспоминаний. — Мы должны были встретиться у статуи ангелов...

— Я, чёрт возьми, так и знал! — ревет Рейнджер, ударяя кулаком по столу, а затем наклоняется вперёд, чтобы схватить учителя за ворот его бледно-голубой рубашки. Он дёргает его вперёд с такой силой, что зубы мистера Мерфи стучат у него в черепе. Я кладу руку Рейнджеру на плечо, предостерегая его от грани насилия. Через несколько недель ему исполнится восемнадцать, и обвинения в физическом нападении чертовски серьёзны. Хотя... Я думаю, его мама, вероятно, заплатила бы копам так же, как семья Спенсера платит Джеку, а? — И ты ничего не сказал? Моя мама — глубоко религиозная женщина. Она верит, что её дочь попала в ад. И ты думал, что это нормально — держать всё это в секрете?

— Они убьют меня, если узнают, что я разговаривал с вами, — шепчет мистер Мерфи, дрожа. Он действительно слишком мил для этого мира. Ну, если только он не психопат. Чёрт! Похоже, что даже получение ответов на некоторые из моих вопросов оставляет *больше* места для сомнений. — И они убьют и вас тоже, если узнают, что вы знаете.

— Знаем, что?! — огрызается Рейнджер, отталкивая мистера Мерфи назад, а затем запуская пальцы в свои волосы. Он отходит от всех нас и прислоняется лбом к двери. Я решаю пока оставить его в покое и поворачиваюсь обратно к пугливому учителю английского, когда Черч выходит вперёд и кладёт ладони на парту. Он выглядит таким... аристократичным. И зная, что он типа какой-то крутой эксперт по боевым искусствам? Успокойся, моё бьющееся сердце.

— Вы писали записки Чаку? — он уточняет, и мистер Мерфи кивает. — Вы выпустили её из багажника в ту ночь, когда я её запер?

— Вы меня выпустили? — спрашиваю я, глядя на мистера Мерфи широко раскрытыми, недоверчивыми глазами.

— И вы погнались за ней с ножом, — уточняет Черч, и мистер Мерфи стонет, закрывая лицо руками. — Предположительно, чтобы напугать её?

— Я не собирался причинять вред Чаку, — стонет он. — Мне жаль, что я написал эти ужасные вещи. Я не знал, как ещё заставить её уйти из школы. — Он поднимает лицо, выражение осунувшееся и усталое.

— Откуда у вас ключи от машины моего отца? — спрашиваю я, моргая в замешательстве.

— Из комнаты отдыха, — смущённо признаётся мистер Мерфи, и мои брови поднимаются вверх. Конечно. Точно так же, как я планировала украсть *его* ключи. Почему, чёрт возьми, я не подумала об этом раньше?

— «Дорогой младший», — начинает Черч, зачитывая предсмертную записку — или, скорее, не предсмертельную записку — по памяти. — «Я думаю, они знают о нас. Я мало что ещё могу сделать. Если ты захочешь встретиться со мной, ты знаешь, где меня найти. Я буду ждать вместе с ангелами. Люблю, Джей». Объясните это, пожалуйста.

— Култ узнал, что Дженика знала о них, что она наблюдала за ними, — говорит мистер Мерфи, и стыд окрашивает его слова. — Мы не были уверены, знают ли они обо мне тоже. Она собиралась покинуть кампус, но ей нужно было, чтобы Джек подвёз её; она не хотела рисковать и вызывать машину. Она думала... Ну, не имеет значения, что она думала.

— Джек? — произносит Спенсер высоким и напряжённым голосом. Я оглядываюсь назад как раз вовремя, чтобы увидеть выражение удивления на его красивом лице. Близнецы обмениваются взглядами у него за спиной и выходят вперёд, как почётный караул, становясь по обе стороны от него. — Джек убил Дженику?

— Нет, но я думаю, он знает, кто это сделал, — отвечает мистер Мерфи, внезапно вставая и протягивая руку к шнуру на жалюзи. Когда он открывает их, я понимаю, что мы здесь закончили. Он сказал нам всё, что собирался. Он хороший человек, добрый, но в то же время трус. Это совершенно очевидно. — Постарайтесь не быть к нему слишком суровым. Если бы он заговорил, то тоже был бы мёртв. А теперь возвращайтесь в общежитие и оставайтесь вместе. Всё почти закончилось... — его голос затихает, и я обмениваюсь взглядом с Черчем.

Что, чёрт возьми, это должно означать?

И хорошо это или плохо?

Рейнджер с грохотом ставит набор керамических мисок на стойку, разбивая одну пополам. Он буквально кипит от злости — выпекается в вихре сахара, масла и муки. Его слова, сказанные прошлой ночью: *«шлёпнуть тебя по заднице и оставить отпечаток руки в муке»*, — на мгновение всплывают у меня в голове.

— Ты в порядке, чувак? — спрашивает Тобиас, пытаясь легонько дотронуться до плеча друга. Рейнджер игнорирует его и продолжает взбивать все ингредиенты, необходимые для лимонного пирога с безе.

— Культ? — Рейнджер что-то бормочет, но больше похоже, что он разговаривает сам с собой, чем с кем-либо из нас. — Моя сестра была убита культом?

Черч достаёт страницы из конверта из плотной бумаги и изучает их, в то время как остальные из нас оглядываются по сторонам и пытаются сами что-нибудь разглядеть.

Здесь снова есть тот символ, тот самый, что на камне, рядом с уникальным почерком Дженики. Неудивительно, что Черч утверждал, что записку могла написать только она; её почерк похож на подпись.

«Это символ, который я видела на камне над кроватью Либби. Она выхватила его обратно, когда я спросила об этом, и издевательства стали ещё хуже. Намного хуже. Я об этом не думала, пока не нашла этот ключ. Пока я не увидела их в лесу, одетых в их мантии и маски.»

Адамсон и Эверли, две разные школы, но с одной историей.

Мне не нравится, как это выглядит — ни мне, ни кому-либо другому, кто вляпается в эту неразбериху.

Опасность здесь очень, очень реальна».

Черч переворачивает страницу, не дожидаясь, чтобы посмотреть, увлечены ли остальные чтением вместе с ним.

— Где, чёрт возьми, мои лимоны?! — Рейнджер рычит, опрокидывая вазу с фруктами. Яблоко перекатывается через кухонную стойку и подпрыгивает на полу. Мгновение я пытаюсь решить, стоит ли мне подойти к парню или ему нужно побыть одному, останавливаясь на последнем, когда он смахивает деревянную миску со стойки предплечьем.

Кроме того, я чувствую, что нам всем нужно быть начеку, чтобы понять, из-за чего он здесь на самом деле бушует.

На следующей странице показан тёмный рисунок, выполненный углём, который ужасно похож на дверь, ведущую в туннель, как, скажем, та, на которую мы наткнулись в прошлом году во время весенних каникул.

«Лайонел — единственный, кто ещё дарит мне радость, единственный человек, который забирает мою боль. Когда он рядом, мне не нужны таблетки Джека или чрезмерная самоуверенность Рика; мне нужен только он. Он держит меня за руку так, как мальчик всегда должен держать за руку девочку — как будто он скорее умрёт, чем отпустит её, но также как будто он помог бы поднять её в небо и попроситься, если бы она этого захотела.»

Мне не следовало вести его по этим ступенькам или тащить в лес.

Это моя вина.

И я хочу убедиться, что я единственная, кто заплатит за свою ошибку».

— Становится мрачнее, и быстрее, — произносит Спенсер, когда я отрываю взгляд от страниц дневника, чтобы посмотреть ему в лицо. Он немного вспотел, как будто потерялся в этом моменте, как будто только что осознал, что то, что случилось с Дженикой, может очень легко случиться и с нами.

Я облизываю губы, когда Черч снова перелистывает страницы, беру Тобиаса за руку, когда он наклоняется, чтобы схватить мою. Мы обмениваемся взглядами, прежде чем повернуться обратно и оказаться лицом к лицу со страницей, заполненной этой W-образной руной, нарисованной красным, снова, снова и снова.

«Они знают, что мы знаем.»

Братство Священнослужителей.

Они слышали, как мы кралась, и они знают.

Я думала, что если отправлюсь домой на каникулы, то там буду в безопасности. Но судя по тому, как мой отец смотрит на меня, я не думаю, что это правда. Больше нет».

— Рейнджер, — говорит Черч, поднимая голову от страницы, чтобы посмотреть, как его друг вкладывает каждую унцию гнева и разочарования, которые он испытывает, в пирог с лимонным безе. Он взбивает сахар, муку, кукурузный крахмал и соль в кастрюльке с таким видом, словно они должны ему денег. Затем ему нужно будет перемешать лимонный сок и цедру, молоко и сливочное масло, затем осторожно добавить горячую смесь к нескольким яичным желткам, не доводя их до готовности. Это чертовски сложно: поверьте мне, я испекла слишком много лимонных меренг, чтобы сосчитать. О, и ещё меня ударили по лицу несколькими моими пикантными неудачами. — Ты в порядке?

— Нет. — Рейнджер оборачивается, его челюсть дёргается от гнева, сапфировые глаза становятся угольно-чёрными от ярости. — Нет, я не в порядке. — Его внимание переключается на меня, и я сглатываю. Он думал, что напугал меня раньше? Не-а. Хотя, может быть, немного сейчас. *«Да, и ты вроде как в восторге от этого. Ненасытная сука».* — Мне нужно раздеться.

Сейчас он дрожит, и всё же всё, о чём я могу думать, это: *«как сильно ты можешь любить парня, который раздевается догола, надевает фартуки с оборками и выплёскивает свой гнев наружу?»* Ответ таков: *«всей силой, что у тебя есть».* Я прикусываю губу.

— Ничего, если я разденусь? — спрашивает он, и отвечает Черч, элегантно указывая в направлении друга.

— Раздевайся, пожалуйста, — говорит он и снова переворачивает страницу.

Мне трудно снова взглянуть на вырванные страницы дневника. Во-первых, потому что читать это немного душераздирающе. Во-вторых, потому что я, может быть, немного напугана этой культовой идеей. И в-третьих, потому что Рейнджер отбрасывает фартук в сторону и раздевается прямо там, посреди кухни.

Мика подкрадывается и дважды проверяет, заперта ли дверь, прежде чем присоединиться к нам.

У нас осталось три страницы, три страницы, которые Рейнджер уже видел и которые выводят его из себя до чёртиков. Я должна продолжать читать.

«В этом году у них только два новобранца. Иногда их бывает больше. Иногда их вообще нет. Но посвящение есть всегда.»

Всегда есть немного крови.

Папа знает. Он один из них. И я знаю, что он сделал.

Я использовала ключ, чтобы следовать за ними по туннелям. Они свободно говорят

там, внизу, о своих благословениях, привилегиях и жертвах, на которые они более чем счастливы пойти, чтобы сохранить себя. Братство Священнослужителей — это древний культ, истоки которого восходят к католической церкви.

И они пугают меня.

Нет, нет, они ужасают меня.

Чем больше я узнаю, тем меньше мне хотелось бы знать.

Моё имя всплывает всё чаще, чем мне бы хотелось».

Следующая страница.

Честно говоря, я не удивлена, увидев рисунок с лисьими масками, которые мы со Спенсером подсмотрели в лесу.

«Дорогой дневник, я хотела бы сказать тебе, что всё поняла. Но это не так. Иногда люди совершают поступки, которые не имеют особого смысла для остальных из нас. Иногда люди, которых мы любим, предают нас. Это случается, и мы ни черта не можем с этим поделать.

Сегодня я перевозжу свои вещи в общежитие для девочек.

В воскресенье, когда Джек вернётся, я уйду. Я бы уехала раньше, но не могу сейчас послать за машиной. Потому что он узнает.

И он никогда не отпустит меня.

Ни один из них меня не отпустит.

Они сказали друг другу: — Поймайте для нас лисиц, маленьких лисят, которые грабят виноградники, потому что наши виноградники в цвету».

Глубокий вдох. Я поднимаю взгляд и ловлю взгляд зелёных, как мох, глаз Мики поверх рисунка, когда Черч медленно переходит к последней странице. Дженика была таким интересным человеком, и она перенесла много боли. Чтение этих страниц убивает меня.

— Жаль, что она не могла быть немного прямолинейнее, — говорит он, и Рейнджер издаёт рычащий звук, который привлекает наше коллективное внимание... прямо к его члену. В данный момент он не возбуждён, что, вероятно, хорошо для меня, но у него голая задница, и его мускулы словно выточены богами.

— Вытри слюни, — шепчет Тобиас, протягивая руку, чтобы промокнуть уголок моего рта концом рукава своего блейзера. Я шлёпаю его, пока Рейнджер набрасывает на шею белый фартук с оборками и очаровательным лимонным узором. Он поворачивается, демонстрируя тугую задницу остальным из нас.

— Чак, если ты не возражаешь... — выдавливают он, а я удивлённо моргаю, глядя на его великолепный зад.

— Я не собираюсь трогать твои яйца, — выдыхаю я в ответ, указывая на других парней. — Особенно не перед ними.

— О боже, Чак-лет, — стонет Спенсер, проводя рукой по лицу. Черч и близнецы просто улыбаются, когда моё лицо становится ярко-рубиново-красным. — Он хочет, чтобы ты завязала ему фартук, мой милый маленький микропенис.

— Но приятно, что ты думаешь о моих яйцах, — невозмутимо произносит Рейнджер, глядя на меня через плечо тёмными глазами.

— Вообще-то нет, — бормочу я, хотя мои протесты — безнадёжное дело, и я уже потерпела полное фиаско... Имею в виду, что я сама не своя. Осторожно, чтобы не коснуться его обжигающей кожи, я начинаю завязывать завязки фартука в гибкий бант. Рейнджер хватает меня за руки и оборачивает их вокруг своей талии, прижимая мои ладони

к передней части фартука. Я чувствую твёрдость его пресса под ней, когда пытаюсь расслабиться, прижавшись к его почти обнажённой спине.

«Его кожа пахнет кожей и сахаром, и он такой чертовски тёплый».

— Просто... постой так минутку, — говорит он, и я закрываю глаза, прижимаясь щекой к его коже и стараясь не потерять сознание от головокружительного галопа моего сердца. Мой первый день посещения Адамсона в качестве девочки, я впервые обняла Рейнджера Вудраффа обнажённого. О, и культ. Не забывайте о культе. Что за день.

— Тогда я прочту последнюю страницу вслух, — говорит Черч, выдыхая, как будто он уже взглянул на страницу и знает, что будет дальше.

«Я встречаюсь с Джеком у статуи ангела, в том великолепном месте, где мы с Лайонелом провели наш первый раз».

Рейнджер издаёт сдавленный звук, но не перестаёт помешивать начинку для пирога.

«Я собираюсь попросить Лайонела сбежать со мной; не знаю, придёт ли он. Он хороший человек, но пугливый. Доброе сердце не создаёт война. Если он этого не сделает, ничего страшного; я не уверена, что Братство знает, что он тоже наблюдал. Я просто хочу, чтобы он был в безопасности. Я просто хочу выбраться отсюда. Я просто хочу жить».

Черч перестаёт читать, но, когда я делаю движение, чтобы отойти от Рейнджера, он меня не отпускает. Он прижимает одну из своих рук к моим ладоням, удерживая меня неподвижно, прижимая к себе.

— Вы ведь знаете, что это значит, верно? — спрашивает Рейнджер, звук его глубокого, сердитого голоса эхом отдаётся в его теле и проникает в моё. Если раньше я была в замешательстве по поводу того, какими именно должны были быть наши отношения, что ж, тогда это многое проясняет. Я прижимаю его чуть крепче.

— Это значит, что мы всё ещё ни хрена не знаем? — спрашивает Спенсер, и я слышу шелест старых страниц, когда, по-видимому, он берёт их, чтобы просмотреть. — Итак, мы должны поверить, что в этом кампусе существует секта, охотящаяся на студентов?

— Это чертовски смешно, — говорит Рейнджер, но, когда он, наконец, отпускает меня, и я оглядываюсь, чтобы взглянуть ему в лицо, то вижу, что парень глубоко погружён в свои мысли. — Но зачем Дженике лгать в своём собственном дневнике? Это было только для её глаз. Там нет ничего, кроме суровой правды и печальных реалий. — Рейнджер снимает кипящую смесь с горячей конфорки, перекладывает её на холодную и вкладывает венчик мне в руку, горячие пальцы ласкают мою кожу, когда его глаза встречаются с моими, вызывая острую дрожь от головы вниз до кончиков пальцев ног. — Продолжай помешивать, не дай ему подгореть. — Он переключается на стеклянную миску с яичными белками и взбивает их сильными, резкими движениями рук. Он даже не потрудился взять электрический миксер. Я ценю его преданность делу — и открывающийся вид. — Вы видели, как она упоминала моего отца? — ещё взбивание, *стук, стук, стук* венчика о стенки стеклянной чаши усиливается как по интенсивности, так и по объёму. — Этот кусок дерьма.

— Очевидно, что твой отец был замешан в этом, — начинает Черч, переходя на противоположную сторону островка, чтобы посмотреть на лучшего друга. Его лицо холодное и мрачное, та серьёзность, которая раньше так пугала меня, всплывает на поверхность. Однако после знакомства с его семьёй всё это приобретает гораздо больше смысла. Они безжалостны в бизнесе, безжалостны в защите тех, кого любят, но они не злые, не психопаты и не что-то ещё. Моё сердце сильно бьётся, и я снова смотрю на пузырящуюся жёлтую смесь

в кастрюле. — Итак, что ты хочешь сделать?

Рейнджер начинает постепенно добавлять сахар к яичным белкам, превращая смесь в пышную пену, которая будет красиво ложиться поверх пирога, когда он будет готов. В духовке звенит, и я с трудом надеваю прихватки в форме розовых лап мишки, открываю её и вынимаю форму для выпечки, которую начал печь Рейнджер, пока она не подгорела. Я осторожно выливаю смесь для пирога в форму, а Рейнджер подходит ближе, чтобы распределить безе по верху.

Близнецы и Спенсер обходят вокруг и встают рядом с Черчем, четверо великолепных парней в одинаковой форме, от которых у меня учащённо бьётся сердце, все ждут, что скажет Рейнджер, как он хочет, чтобы мы действовали дальше.

— Я хочу, чтобы вы все убрались отсюда, — осторожно произносит он, зорко наблюдая, как я беру пирог руками в рукавицах и осторожно ставлю его обратно в духовку. Он кивает, довольный тем, что я, по крайней мере, чему-то научилась за время, проведённое в Кулинарном клубе. В прошлый раз, когда он позволил мне взять такой незаконченный пирог, я уронила его и забрызгала всех вишнёвой начинкой.

— Ты хочешь, чтобы мы ушли? — спрашивают близнецы в унисон, обмениваясь взглядами.

— Если тебе нужно пространство, то это под... — начинаю я, когда Рейнджер хватается меня за запястье и притягивает к себе, глядя мне в лицо с обжигающим жаром, от которого у меня перехватывает горло и учащается пульс.

«О-оу. Это нехороший взгляд, совсем нехороший».

— Вон, — повторяет Рейнджер, прижимая меня к себе и одаривая других парней одним из своих фирменных взглядов. — Вы можете подождать в холле, если хотите.

— Чего подождать в холле? — выдыхаю я, когда Спенсер вздыхает и проводит пальцами обеих рук по своим волосам.

— Пять на пять, — бормочет он себе под нос, одаривая меня взглядом, который говорит: *«Удачи, Чак»*. — Я бы предпочёл, чтобы вас, ребята, не убили на обратном пути в общежитие, так что мы подождём. Только не задерживайтесь слишком долго.

— И не слишком быстро, — говорит Мика с лёгкой ухмылкой, извиняясь и выходя в коридор. Тобиас немного отстаёт, улыбается мне, а затем достаёт из кармана горсть презервативов. Он оставляет их на стойке, когда краска отходит от моего лица.

— Напишите мне, когда будете готовы, чтобы мы за вами зашли. Мы будем в библиотеке. — Черч направляется к двери, останавливаясь лишь раз, чтобы оглянуться на нас янтарными глазами и лучезарной улыбкой. — Если вы не свяжетесь со мной через час, я поднимусь и заберу вас обоих.

— Может быть, больше часа, — произносит Рейнджер, когда Черч ухмыляется, а затем полностью выскальзывает за дверь, закрывает её за собой, а затем запирает снаружи на ключ. Медленно, осторожно я поднимаю взгляд на Рейнджера, обнаруживая, что весь этот тёмный гнев заключён в довольно пугающем выражении лица. Хотя он не так страшен, как кажется, любитель-милых-штучек Рейнджер.

— Может потребоваться больше часа для чего? — спрашиваю я, медленно отступая назад и сплетая пальцы за спиной. Моя юбка развеивается вокруг бёдер, когда он приближается, и я продолжаю пятиться, пока не оказываюсь перед большими дверцами холодильника из нержавеющей стали, дрожа, когда холодный металл касается задней поверхности моих бёдер.

— Ты знаешь, для чего, — отвечает Рейнджер, поднимая руку над моей головой, в его лазурных глазах светится горячее намерение. — А теперь раздевайся и надевай фартук.

Я дрожу от восторга, когда он собирается отойти, а затем останавливается, ненадолго оборачиваясь, чтобы нежно поцеловать меня в лоб.

Я замечаю, что перед тем, как достать новую порцию ингредиентов, он делает паузу, чтобы положить предложенные Тобиасом презервативы в карман своего фартука.

«Чёрт побери, чёрт возьми, чёрт подери, я собираюсь сделать это с Рейнджером Вудраффом!» — думаю я, прикусывая губу, а затем съеживаюсь, когда чувствую малейший привкус крови.

Встав и выдохнув, я приглаживаю назад идеальные локоны своих песочно-светлых волос, радуясь, что приняла решение не обесцвечивать и не выпрямлять их в этом году. Мне вроде как нравится всё так, как есть.

— Ты уверен, что с тобой всё в порядке? — спрашиваю я Рейнджера, подходя к шкафу со всеми фартуками и просматривая несколько, пока не нахожу чёрный, весь в розовых капкейках, с кружевами и оборками в изобилии на карманах, подоле и вырезе. На карманах даже есть маленькие сердечки, украшенные драгоценными камнями, которые, как я подозреваю, вполне могли бы быть настоящими бриллиантами. Грёбанные богачи. — Тебе, должно быть, нелегко узнать всё это о Дженике и твоём отце. — Я опираюсь локтями о край столешницы, пока Рейнджер достаёт авокадо, немного мёда, банан... Мой глаз дёргается. Я не против попробовать что-нибудь извращённое, но, может быть, не настолько извращённое.

— Это нелегко, — отвечает он, глядя на меня и тихо злясь. Его чёрные волосы с синими прядями падают на лоб, татуировки выглядывают из-под края фартука. — Но лучше знать правду, чем оставаться в недоумении. А теперь перестань тянуть время и раздевайся.

Поджав губы, я отступаю назад и протягиваю руку, чтобы потянуть за края ленты, которую я ношу в качестве галстука-бабочки. Она соскальзывает с шеи и падает шёлковой лужицей на пол рядом со мной. Рейнджер наблюдает, снимая крышку с блендера, пока изучает меня, мои пальцы дрожат, когда я снимаю блейзер цвета шампанского и начинаю расстёгивать рубашку.

— Тогда, в доме моей мамы, ты не могла дожидаться, чтобы раздеться догола. Но теперь ты боишься? — спрашивает он, оставляя припасы на столешнице, чтобы подойти и помочь мне, отводя мои дрожащие руки в стороны и скользя пальцами вниз по кусочку обнажённой кожи, виднеющейся между раздвинутыми половинками рубашки.

Выдыхая, я закрываю глаза и пытаюсь сохранить хоть какой-то уровень самообладания.

— Я не боюсь, — отвечаю я, и это правда. — Я имею в виду, не тебя.

Рейнджер замирает, положив пальцы на нижние пуговицы рубашки, зависая чуть выше моего пупка. Я открываю глаза и встречаюсь с его пронизательным взглядом, его запахом кожи и ванили, идеальной смесью плохого парня и сладкого. Я хочу большего.

— Культа? — спрашивает он, и мы оба вздрагиваем при упоминании об этом. — Мы докопаемся до сути, ради тебя и Дженики, я обещаю. — Рейнджер заканчивает расстёгивать мою рубашку, а затем стягивает её с моих плеч. Как только он видит ярко-голубой лифчик с крошечным розовым бантиком, который я надела под неё, его щёки вспыхивают. — Чёрт, это восхитительно, — шепчет он, упирая руки мне в бока и заставляя меня дрожать от подавляемого желания.

Это напряжение между нами, оно было с самого начала, с тех пор как я врезалась в него на полной скорости, убегая от... мистера Мерфи с ножом. Так странно. Как бы то ни было,

это, наконец, подходит к пику, и я готова оказаться на другой стороне.

Рейнджер скользит руками вверх по моим бокам, обхватывая ладонями мои груди и заставляя меня содрогаться.

— Лифчик или сиськи? — шепчу я, и у него вырывается низкий, горловой смешок.

— И то, и другое, — говорит он, заводя руки мне за спину и расстёгивая застёжку лифчика. Когда чашечки опускаются вперёд, я протягиваю руку, чтобы прикрыть свои соски, яростно краснея. Рейнджер вздыхает, но не в плохом смысле, а с какой-то тоской. — Ты такая чертовски милая, — бормочет он, разворачивая мою юбку на бёдрах так, чтобы молния оказалась спереди. — Даже когда ты была мальчиком, в грязных очках, с растрёпанными волосами... — он расстёгивает молнию и позволяет юбке упасть к моим ногам, оставляя открытыми трусики в тон, пояс с подвязками и чулки до колен. — Господи Иисусе.

— Ну вот, ты снова употребляешь это слово, — выдыхаю я, но мне становится очень трудно дышать.

— Мне всегда нравились милые вещицы, — говорит Рейнджер, проводя руками по моим бокам, его пристальный взгляд почти невыносим. И всё же я тоже не могу оторваться. — Мягкие, ранимые существа.

— Я не мягкая и не ранимая, — фыркаю я, когда Рейнджер убирает волосы с моего лица. Его улыбка похотливая, созданная из равных частей гнева и похоти. Он расстроен тем, что мы только что обнаружили, но мне кажется, что, глядя на меня, он немного успокаивает свою ярость. Я проглатываю комок в горле.

— Иногда быть мягкой и уязвимой — это нормально. Вот почему мне нравится всё это дерьмо. Это напоминает мне, что мне не обязательно быть сверху над Марком Грэндэмом, выбивая из него всё дерьмо, чтобы быть счастливым. Жизнь — это равновесие, Чак. Твёрдый и мягкий. Иногда я чертовски жесток; мне нужно что-то, чтобы снять напряжение.

Он просовывает один палец под пояс моих трусиков, по одному с каждой стороны, а я стою неподвижно, замороженная им, твёрдой линией его подбородка, полнотой его губ, его слегка раскосыми глазами, тёмно-синим цветом, который напоминает мне о бесконечной галактике.

— Ты надеваешь трусики поверх пояса с подвязками и чулков, — замечает он, и его улыбка становится на несколько уровней ниже милой и очаровательной и гораздо ближе к похотливой. — Только непослушная девочка знает, что нужно надевать трусики сверху, так чтобы их можно было снять, не снимая всего остального.

— Я где-то читала об этом в книге! — я взываю, но слишком поздно: Рейнджер стягивает их с моих бёдер, опускаясь на колени, чтобы помочь мне стянуть их поверх ботинок. После того, как он разделся, он снова сунул ноги в ботинки, так что, по крайней мере, мы оба всё ещё в обуви.

Он встаёт и хватает фартук, набрасывает его мне на голову, а затем разворачивает, чтобы завязать сзади.

«Мы прошли полный круг, да?» — думаю я, вспоминая, как впервые наткнулась на его обнажённую выпечку, как мы чуть не занялись сексом в доме его матери, как я не смогла бы забыть этот момент до конца своей жизни, даже если бы попыталась.

— Давай приготовим пудинг с авокадо в тёмном шоколаде, — говорит он наконец, и, клянусь богом, я никогда не слышала, чтобы слово звучало так сексуально, как *пудинг*. Пудинг. Чёрт возьми. Мои руки переплетаются перед фартуком, когда Рейнджер возвращается к столу, достаёт пирог с лимонным беже из духовки, а затем берёт нож, чтобы

разрезать авокадо пополам. — Может быть, ещё брауни. — Он кивает подбородком в сторону своих сброшенных штанов. — Проверь задний карман — кажется, у меня там есть немного травки. Я бы сейчас не отказался от «особых пирожных».

Я делаю, как он просил, наклоняюсь, чтобы порыться в джинсах, когда понимаю, что в комнате воцарилась полная тишина.

Оглянувшись через плечо, я вижу, что он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и понимаю, как я, должно быть, выгляжу.

Голая, в блестящих туфлях и чулках до бёдер, фартуке с оборками и... больше ничего. Вид, должно быть, э-э-э, впечатляющий.

Я едва успеваю встать и обернуться, прежде чем Рейнджер оказывается рядом, прижимает меня к первому островку, его лоб прижимается к моему, его дыхание хриплое и прерывистое.

— Чёрт возьми, Чак, — бормочет он, потираясь своим лицом о моё. Содрогнувшись, я закрываю глаза и хватаюсь за перед его фартука. Очевидно, я не единственная, кто дрожит, и я не могу насытиться этим, им.

— О, Рейнджер, — шепчу я в ответ, скользя ладонями вниз по напряжённым мышцам его рук. Он отвечает дрожью, просовывая руки мне под бёдра и приподнимая меня, чтобы усадить на стойку. Из-за его роста и высоты столешницы он теперь удобно устроился между моими бёдрами. Я чувствую твёрдость под его фартуком, точно так же как в тот день на кухне у его матери. — Близнецы и Черч, — начинаю я, с трудом сглатывая, когда Рейнджер прижимается к этому пылкому месту у меня между ног, — они боялись, что ты узнаешь мой секрет; они боялись, что ты превратишь меня в свою сестру.

Смех, вырывающийся из его горла, лучше всего описать как похабный, такой мрачный звук, от которого мои соски напрягаются до твердости.

— Тебе кажется, что я считаю тебя сестрой? Потому что, если это так, то либо я по-королевски облажался, либо ты в своё время видела какое-то извращённое дерьмо.

Я фыркаю от смеха, но звук обрывается, когда Рейнджер прижимается своими губами к моим.

«Святая мать единорогов», — думаю я, обвивая руками его шею.

Рот Рейнджера — пылкая, дикая смесь жара и слепой потребности, но под всем этим, в том, как осторожно он прикасается ко мне, в бешеном биении его сердца, когда он прижимается своим телом к моему... в этом есть привязанность и нежность.

«Я ему нравлюсь!» Мой мозг визжит, когда мы хватаем ртом воздух и смотрим прямо друг на друга.

— Что ты сказала? — спрашивает он меня, а я тупо моргаю в ответ.

— Я что, сказала это вслух? — я задыхаюсь, краснея с головы до ног. — Я же не сделала это? О боже мой, мне так чертовски стыдно. Почему я всегда ляпаю всякую чушь?

Рейнджер одаривает меня дикой ухмылкой, захватывая мои губы своими, ощущая на языке легчайший привкус лимона и сахара.

— Ты ему действительно нравишься, — рычит Рейнджер, прикусывая мою нижнюю губу зубами. — *Очень сильно.* Он просто надеется, что тебе он тоже нравится.

— Я люблю его, — выпаливаю я, и затем мы оба замолкаем.

Клянусь Богом Тёмных Дыр, в которые могут заползти Смущённые люди, лучше бы я только что всё не испортила. Но вместо того, чтобы отстраниться от меня или вести себя так, будто я только что совершила самый страшный смертный грех, известный человеку,

Рейнджер принимает это как должное.

— Я тоже люблю тебя, Чак, — легко отвечает он, и уголок его рта приподнимается в искренней улыбке. — Я люблю тебя с того момента, как ты попросила об объятиях на танцах в День Святого Валентина. — Рейнджер обхватывает ладонями мой затылок, целуя меня долго и глубоко, его язык скользит по моему, а затем он отстраняется, чтобы прижаться лбом к моему. — Сейчас. Слезь с этого прилавка и повернись. Я отшлёпаю тебя по заднице и оттрахаю в этом фартуке — как и обещал. Мы закончим нашу выпечку позже.

Моё сердце бьётся так быстро, моё тело переполнено гормонами счастья, прогоняющими страх перед... как бы там, ни называла себя эта дурацкая секта. О последних грустных, нежных воспоминаниях Дженики. Теперь у меня есть её брат, и я не позволю ему снова пострадать.

Рейнджер стаскивает меня со стойки и разворачивает, кладя руки мне на бёдра, а затем прокладывает дорожку поцелуев вниз по моей шее, оставляя за собой дорожку из мурашек. Когда он ненадолго отпускает меня, чтобы забрать с островка пакет с мукой, у меня отвисает челюсть.

— Я думала, ты шутишь, — шепчу я, когда он высыпает немного на стол, а затем натирает руки белым порошком.

— Я хочу видеть все места, где я прикасался к тебе. — В его голосе звучат нотки собственничества, которые, я не уверена, мне понравятся... пока он снова не прикасается ко мне, оставляя белые отпечатки ладоней на моих бёдрах. Когда он отстраняется и шлёпает меня ладонью по заднице, у меня перехватывает дыхание, а пальцы сжимаются на поверхности каменной столешницы. — Господи, я хотел сделать это целый год. Ты такая соплячка, Чак. Тебе нужна была хорошая порка.

— Эй, я возмущена... — начинаю я, но тут он снова шлёпает меня, и я вздрагиваю, по моей коже бегут мурашки.

«Мы в кампусе, в классе, голые».

Однако эта мысль не удерживает меня от плана действий. Ни за что, никак. Это только заставляет меня хотеть этого ещё *больше*.

Мою кожу покалывает, когда Рейнджер проводит кончиком пальца по сладко-болезненному местечку, скользя ладонями вверх по моему телу, чтобы обхватить мои груди через передник. Он ласкает их твёрдой, но нежной хваткой, дразня соски через ткань.

Еще один шлепок по заднице удивляет меня, но мне это нравится, шокируя мои собственные предвзятые запреты.

Рейнджер ненадолго останавливается, чтобы надеть презерватив, а я закрываю глаза, пытаясь справиться с диким, волнующим чувством в животе. Когда он обхватывает одной ладонью мой живот и шепчет мне на ухо, я стону.

— Ты готова к этому, Шарлотта? — спрашивает он, и звук моего настоящего имени на его губах переворачивает всё внутри меня. У меня едва хватает сил кивнуть, стон срывается с моих губ, когда Рейнджер прижимает твёрдый кончик члена к моему отверстию. На краткий миг он замирает, и единственный звук в комнате — это синхронный ритм нашего дыхания.

Рейнджер медленно скользит в меня, тихо постанывая, когда заполняет меня своим телом.

— Черт возьми.

— Хорошо? — я спрашиваю, потому что по какой-то причине мне кажется, что это делает меня крутой. На самом деле, я никогда не была настолько хороша в том, чтобы быть

«крутой». Нет, это была фишка Моника. На самом деле, я предпочитала быть занудным, странным, болтливым Чаком Микропенисом. С выдохом я расслабляюсь в прикосновениях Рейнджера и закрываю глаза, меняя повествование. — От твоих прикосновений я чувствую себя так, словно горю.

— Превосходно, Шарлотта, — шепчет он, а затем начинает двигаться, гибкость моего собственного тела облегчает ему толчки, создавая это прекрасное трение между нами, которое разжигает удовольствие в моём животе, как медленно разгорающийся огонь. С каждым движением его бёдер тлеющие угли разгораются, и пламя поднимается всё выше. Как раз в тот момент, когда я думаю, что вот-вот потеряю сознание и упаду прямо за край, Рейнджер замедляется и прикусывает изгиб моего уха. — Я хочу видеть твоё лицо, когда ты кончишь.

— Ты это несерьёзно, — выдыхаю я, потому что, очевидно, даже в порыве страсти я остаюсь придурком. Он отстраняется от меня, а затем нежно разворачивает за плечи, обхватывая моё лицо своими тёплыми ладонями.

— Смертельно-серьёзно, — бормочет Рейнджер в ответ, захватывая мои губы своими, его контроль — пьянящий вид афродизиака, который я никогда не ожидала полюбить. Смутно помню тот разговор, который у меня был с Рейнджером, когда Спенсер не знал моего секрета и думал, что его друг «сверху». Я утверждала, что легко могла бы стать главной. Но нет. Не-а. Я так не думаю. — Иди сюда.

Он поднимает меня и усаживает на край стойки, отталкивая назад, а затем забирается следом. Моя задница оставляет отпечатки ягодиц в муке, когда я отодвигаюсь назад, снова обвивая руками его шею, а Рейнджер целует меня опуская на холодную поверхность столешницы.

Я думаю, *это определённо не гигиенично*, но мне всё равно. В страхе за свою жизнь есть что-то такое, что действительно придаёт тебе сил, заставляет осознать, что завтрашний день не гарантирован, и что это нормально — быть счастливым сейчас.

Когда он задирает мой фартук, я задыхаюсь, наши глаза встречаются, и он снова входит в меня.

— Намного лучше, — бормочет он с улыбкой, и я стону, закрывая глаза от его пристального взгляда. — Да ладно тебе, Чак. Мы через слишком многое прошли, чтобы притворяться, что этого не происходит. — Он проводит большим пальцем по моим бровям, и я снова открываю глаза. На нас обоих всё ещё надеты фартуки, обувь и чёртова уйма муки. — Вот так. — Рейнджер берёт мою руку и кладёт её между нами, прямо на мой клитор, ухмыляясь мне, когда делает это.

Он целует меня прежде, чем я успеваю отчитать его, двигаясь глубоко и медленно, подталкивая меня всё ближе и ближе к кульминации. Когда это случается, это шок для моего организма, волна огня, которая выжигает все мои запреты. Мои ногти впиваются в верхнюю часть спины Рейнджера, до крови, и моё тело прижимается к нему. У меня вырывается крик, который я не могу контролировать, но он прерывает его, яростно целуя меня и жёстко кончая, его мускулистое тело вздрагивает надо мной.

Рейнджер снимает презерватив, завязывает его, а затем засовывает в карман фартука, чтобы разобраться с ним позже, прежде чем лечь рядом со мной, прямо на каменную столешницу. Он прикрывает одной рукой лоб, пока мы, тяжело дыша, смотрим на филигранные потолочные плитки у нас над головами. Он вообще понимает, как нам повезло, как прекрасно это место? Потолки в школе Санта-Круз — подвесные, с уродливой

пятнистой плиткой и металлическими направляющими.

— Твою мать, — бормочет Рейнджер, поворачивая голову, чтобы взглянуть на меня. Он улыбается, и я краснею, всё ещё тяжело дыша, но я горжусь собой за то, что сумела встретиться с ним взглядом. — Это было потрясающе.

— Ты так думаешь? — спрашиваю я, и он приподнимает тёмную бровь, глядя на меня.

— А ты нет? Пожалуйста, скажи мне, что я, по крайней мере, лучше Спенсера.

— О боже мой, — стону я, переворачиваясь на бок и кладя лицо ему на грудь, наслаждаясь бешеным ритмом его сердцебиения. — Вы, парни, самые худшие, вы же знаете это?

Рейнджер просовывает руку под меня и прижимает к своему боку, как будто он вполне мог бы держать меня так вечно, оберегать от монстров, населяющих нашу школу.

— Мы действительно такие, да? — бормочет он, поворачиваясь, чтобы поцеловать меня в лоб. Тогда я понимаю, что он действительно выкладывался так, как никогда раньше. Он больше не позволяет боли из-за Дженики сдерживать его.

С улыбкой я прижимаюсь к нему носом, а затем украдкой наклоняюсь вперёд, чтобы хоть немного взглянуть на его член.

— Что это? — спрашиваю я, указывая на маленький шрам вдоль одной стороны его члена. Он стонет и хлопает себя правой рукой по лицу в редкий момент истинного огорчения.

— Готовил конфеты, — бормочет он, — теперь мы можем сменить тему?

Я немного приподнимаюсь, вся в муке, у меня болит задница и мои женские части тела — а под женскими частями я подразумеваю свою вагину и клитор, не будьте ханжами — свищу и смотрю на него. Кстати, для приготовления конфет требуется много горячей, кипящей жидкости.

— Подожди, подожди, подожди. Ты готовил конфеты голышом и обжёг свои причиндалы? — спрашиваю я, а потом вою от смеха. Рейнджер насмехается надо мной, обхватывая меня руками и притягивая к себе.

Смех длится ровно столько, сколько ему требуется, прежде чем поцеловать меня.

— Ладно, — начинает Тобиас, стоя без рубашки и в спортивных штанах с низкой посадкой, которые никак не помогают мне сосредоточиться. — Руки вверх, давайте попробуем ещё раз.

Я наклоняюсь в своей физкультурной форме, тяжело дыша и захлёбываясь собственной слюной, а Марк Грендэм хмуро смотрит на меня с другого конца спортзала. Как и было обещано, Арчи отправил меня на физкультуру со всеми остальными ребятами, многие из которых были, эм, не в восторге от того, что я слонялась по раздевалке во время теста по физической подготовке. Похоже, как бы они ни были взволнованы, увидев девушку среди себя, они всё равно ненавидят меня. Что, может быть, и хорошо? Типа, они ненавидели меня как парня, и они же ненавидят меня как девушку? Неприязнь, как к равным. Хех.

— Тренируешь эту плоскодонку для драки, что за шутка, — хохочет Марк, расхаживая по спортзалу с таким видом, словно он здесь хозяин.

— Сексистская свинья, — рычу я ему в ответ, вставая и вытирая лоб. Близнецы оба занимаются со мной физкультурой, и каждую среду, и пятницу, когда у нас тренировка по самообороне, они по очереди отрабатывают со мной некоторые из своих приемов ММА — смешанных единоборств. На всякий случай. Никогда нельзя быть слишком подготовленным, верно? Особенно, когда тебя преследует культ.

Культ... Боже. У всех нас всё ещё возникают проблемы с обработкой информации, которую мистер Мерфи и, посмертно, Дженика предоставили нам.

— Сексист? Селена в десять раз лучше тебя, — рычит Марк, его лицо искажается от отвращения, когда ноздри Тобиаса раздуваются, и у меня возникает ощущение, что мы приближаемся к очередной драке между парнями. — Её можно было бы обучить. А тебя? Ты просто слабая, маленькая крестьянка, которая случайно попала в школу, где тебе не место.

— Почему бы тебе случайно не наткнуться на этот кулак? — говорит Мика с другой стороны от меня, поглядывая на мистера Триббла (да, того самого учителя физкультуры, который неосознанно затолкнул меня в раздевалку в тот день и который раз пятьдесят извинился передо мной за инцидент), чтобы убедиться, что он не смотрит. — Ты думаешь, что можешь регулярно оскорблять нашу девушку и уходить? Или ты думаешь, что только Рейнджер превратил твоё уродливое лицо в кашу. Всё могло быть намного хуже.

— Как скажешь, МакКарти, — усмехается Марк, отступая назад, чтобы присоединиться к своим друзьям на отдельном тренировочном коврике. Близнецы смотрят ему вслед, а затем обмениваются взглядами поверх моей головы.

— Что? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другого и пытаюсь притвориться, что я не настолько измучена, чтобы видеть звёзды перед глазами. Однако — это правда. Но мне действительно нужны тренировки в Коннектикуте, чтобы заменить весь тот серфинг, которым я занималась дома. Казалось, что, обучаясь драться у близнецов, можно убить двух зайцев одним выстрелом. Э-э, учитывая обезглавленную птицу, которую мы нашли в день поминовения Юджина, возможно, это была не лучшая метафора.

— Он такой мудака, — говорят они в унисон, одинаково вздыхая и пожимая плечами. Это настоящее представление. *«Иногда мне хочется побыть самим собой хотя бы пять грёбаных секунд»*. Я вспоминаю слова Мики из «онсена» и задумчиво тереблю белокурый локон.

— Я просто надеюсь, что он виновен, чтобы я мог избить его, — добавляет он, в то время как Тобиас молчит.

Тренер Триббл дует в свисток, сигнализируя об окончании урока, и Тобиас бросает на меня взгляд.

— Мы идём с тобой переодеваться, — говорит он, и я стону. Поскольку раздевалки для девочек пока нет, я переодевалась в туалетах рядом со спортзалом. Дело в том, что мне вроде как нужно, чтобы близнецы присматривали за мной, чтобы убийцы не смогли застать меня со спущенными штанами — в буквальном смысле слова.

После того, как мы снова надеваем форму, мы отправляемся на обед с остальными членами Студенческого совета.

Рейнджер сажает меня к себе на колени, как только мы добираемся туда, и Спенсер закатывает глаза.

— Я знаю, вы двое только что сделали это в первый раз, но да ладно, эти влюблённые щенячьи глазки убивают меня.

— Ревнуешь? — насмехается Рейнджер, постукивая носком своего боевого ботинка по полу и прищуренными глазами наблюдая за обедающей толпой. — Потому что я почти уверен, что видел, как Шарлотта тайком выходила из нашей комнаты, когда возвращался из душа.

Мои щёки вспыхивают, но несмотря на то, что мой рот приоткрыт, как у какой-то полной сумасшедшей, у меня нет на это ответа. Это правда. Спенсер и я действительно улизнули немного побыть наедине этим утром, но, типа, мы занимались только ручными делами. Хотя ручная работа — это тоже секс. Если кто-то говорит вам обратное, он либо невежествен, либо бредит, либо придерживается гетеронормативного взгляда на секс, который устарел и странен.

Гм.

— Это так странно, что вы, ребята, сейчас трахаетесь, — замечает Тобиас, глядя на нас двоих так, словно мы инопланетные существа с фиолетовыми щупальцами, торчащими из наших промежностей. Иногда он смотрит такое порно. Поверьте мне, я знаю, я видела. На днях я поиграла в игру близнецов и украла их ключ, прокралась обратно в комнату, чтобы удивить Тобиаса, пока Мика был с Черчем, и застучала его за мастурбацией. Это было весело.

— Может быть, более странно, что они *не* трахаются, — добавляет Мика, указывая между мной и Черчем. Мои глаза расширяются, когда Спенсер и близнецы слегка хихикают. Я должна сказать, что они всерьёз восприняли всю эту затею с групповыми отношениями. Может быть, это потому, что они были так близки ещё до того, как я случайно присоединилась к их семье? Несмотря ни на что, я не позволю себе разорвать ни одну из этих связей.

— Мы ждём свадьбы, — невозмутимо отвечает Черч, подпирая подбородок рукой, прижимая длинные изящные пальцы к щеке. Я смеюсь, но совсем немного, потому что это уже второй раз, когда он отпускает эту шутку, так что... Во всяком случае, он не смотрит на нас, уставившись на море студентов, как будто размышляет о чём-то важном. Через мгновение он снова обращает свои янтарные глаза в нашу сторону, его медового цвета волосы гладкие и прямые, обрамляющие его элегантное, аристократическое лицо. — У меня появилась мысль, — размышляет он, мгновенно меняя тему. Этот человек — прирождённый лидер. — Как вы думаете, почему убийцы оставляют нас в покое на такое долгое время? Хм-

м? Есть масса возможностей нанести удар, и всё же прошло уже несколько недель с тех пор, как начались занятия в школе, а от них нет никаких вестей.

— Потому что они ебаные трусы, вот почему, — фыркает Спенсер, закидывая свои серые ботинки на скамейку и откидываясь назад, как будто он здесь хозяин. В каком-то смысле так и есть. Никто не купит травку в кампусе, не пройдя через него. Вот почему я не слишком обеспокоена предстоящими дебатами. Парни разберутся с этим, я просто знаю, что это так.

С другой стороны, они не знают, что их ждёт.

Никто из нас не знает.

— Мм, нет, я не думаю, что это всё, — говорит Черч, снова обращая своё внимание на нас. — Они явно готовы нападать в общественных местах — как они поступили с Чаком в Калифорнии. Ну, и они, очевидно, связаны с полицией. Так почему же? Я спрашивал себя об этом с тех пор, как мы были в онсене.

— И ты пришёл к какому-нибудь ответу? — спрашивает Рейнджер, крепко прижимая меня к себе и прижимаясь лицом к моей шее так, что у меня поджимаются пальцы ног в новых блестящих туфлях. Папа прислал несколько коробок Мэри Джейн с логотипами Академии Адамсон на каблуке. Я не большая их поклонница, но с моей новой формой они смотрятся лучше, чем коричневые мокасины, которые я носила раньше.

— Конечно, — отвечает Черч, сверкая одной из своих ослепительных улыбок. — Это потому, что по крайней мере один из них не ходит в эту школу.

Мои брови поднимаются, когда я подтягиваю ближе поднос с ланчем ближе к краю стола, чтобы дотянуться до лимонада. Здесь готовят прекрасный клубничный лимонад с маленькими зонтиками, стеклянными соломинками и кусочками засахаренных фруктов по краям стакана. Я также знаю, что Рейнджер определённо *не* отпустит меня с колен, так что мне лучше привыкнуть сидеть здесь, пока я ем.

— В смысле? — в унисон спрашивают близнецы, беря по банану и очищая от кожуры. Они оба немедленно переходят к минету, имитируя шутки, и я закатываю глаза.

— Это означает, что я думаю, что нам следует проверить Джеффа Работу и других несогласных в Натмеге. — Черч замолкает, когда двери кафетерия распахиваются и входят несколько девушек.

Во всем кафетерии воцаряется тишина, когда Астер складывает руки перед клетчатой юбкой цвета шампанского и мёда и улыбается всем.

— Привет, мальчики, — говорит она, сияя как сумасшедшая, её выющиеся рыжие волосы разметались вокруг лица. — Я слышала, сегодня собрание, на котором студенты объявляют, что баллотируются в Студенческий совет?

— О, чёрт, — бормочет Спенсер, немного бледнея и протягивая руку, чтобы ослабить галстук.

О, чёрт. О, чёрт, это точно.

Потому что единственное, что могло бы убедить студентов проголосовать против их единственного партийного поставщика наркотиков... это горячая цыпочка в юбке.

— Они не могут этого сделать, — ворчит Спенсер, когда мы вместе пробираемся сквозь тёмные тени леса. Уже поздно, не до неприличия поздно, но достаточно поздно, чтобы нас наверняка хватились во время ежевечерней проверки комнат. Натан будет в бешенстве. Мика предложил подкупить его, но Черч только покачал головой, и дело было закрыто.

Я чувствую, что он что-то знает.

Я чувствую, что он всегда что-то знал.

Застёгивая молнию на своей блестящей толстовке с радугой (подарок Рейнджера), я возвращаюсь к тропе, по которой мы идём — одной из секретных троп Спенса, любезно предоставленной его братом Джеком — которая выходит на дорогу, изгибающуюся вниз с горы, прочь от Адамсона и к крошечному ничем не примечательному городку Натмегу, штат Коннектикут.

— Они могут, и делают, — размышляет Черч, засунув руки в карманы, на его гибкой фигуре чёрный вязаный свитер в паре с джинсами, которые, вероятно, стоят дороже, чем обручальное кольцо моего отца — кстати, то, которое он до сих пор носит. Несмотря на развод, несмотря на то что мама встречается с мистером Дэйвом. — Это будет непросто, учитывая, что против нас выступают три девушки.

— И они поставили отметку в избирательном бюллетене? Я имею в виду, это просто грёбаное безумие, — стонет Спенсер, поднимая палку и размахивая ею, как мечом. — Марк Грендэм — секретарь. Чувак не может произнести по буквам слово «идиот», чтобы спасти свою жизнь. А потом назначить Гарета казначеем? Что за шутка. Он даже не сможет сосчитать количество яиц, которых у него и нет.

— Кто такой Гарет? — спрашиваю я, отрывая длинную веточку ежевики от своих чёрных узких джинсов, а затем взвизгиваю, когда Рейнджер поднимает меня и восхитительно переносит через грязную лужу, наплевав на то, что намочил свои чёрные армейские ботинки. Он отпускает меня с другой стороны, но не раньше, чем останавливается, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Прикольно, да? — спрашивает Спенсер, когда случайный луч лунного света падает на его серебристые волосы. Но, похоже, он больше не злится из-за этого. Он действительно обуздал свою ревность после нашего разговора, и это усилие не прошло для меня даром. — Гарет МакКоннелл, — продолжает он, отбрасывая палку в сторону, а затем закуривает сигарету, прежде чем передать одну Рейнджеру. — Почти уверен, что он родственник подружки Марка, как-там-ее-зовут.

— Селены? — спрашиваю я, приподнимая бровь, когда мы выходим с другой стороны деревьев на дорогу, где нас ждёт гладкий чёрный лимузин.

— Гарет продавал травку вместе с Юджином и Спенсером, — сообщают близнецы, каждый из которых указывает на Спенсера через грудь. — Но он ни хрена не умеет считать,

и мы почти уверены, что он прикарманивает деньги.

— В любом случае, он ужасный выбор на должность казначея. — Спенсер пинает камень, а затем засовывает руки в карманы своих синих джинсов, оглядываясь на нас своим свирепым бирюзовым взглядом. — Почему я единственный, кто волнуется из-за этого? Ребята, вы были на тех же дебатах, что и я сегодня?

— Я действительно могла бы использовать работу в Студенческом совете для подачи заявлений в колледж, — признаю я. Я правда последовала совету близнецов и подала заявление в Борнстедский университет в Колорадо. В аду нет ни малейшего шанса, что я попаду, но, по крайней мере, я могу сказать, что пыталась. Моим вторым выбором был Калифорнийский университет в Санта-Крузе, потому что я решила, что, по крайней мере, буду рядом с домом близнецов. Я качаю головой и отгоняю мысли о колледже. Чёрт возьми, всё ещё осень; у меня есть месяцы, чтобы беспокоиться о том, какой будет жизнь, когда Адамсон закончится.

— Мы убили их своими сегодняшними речами, — бормочет Мика, взъерошивая свои красно-оранжевые волосы движением, которое восхитительно похоже на его лучшего друга.

— И всё же никто не прислушивался к реальным словам, слетающим с наших уст. — Тобиас срывает оранжевый лист с низко свисающей ветки дерева и засовывает его мне за ухо, в то время как Рейнджер открывает дверь и позволяет мне первой забраться на заднее сиденье лимузина. Хотя он прав. Никто не слушал болтовню парней, потому что все они были слишком заняты разглядыванием новеньких девочек, смехом над глупыми шутками Марка и сплетнями об официальном заявлении, сделанном моим отцом незадолго до начала дебатов.

Объединённый студенческий коллектив. Ученики смешанного пола.

Он также многозначительно посмотрел в мою сторону по меньшей мере три раза во время речи.

— Это наша вина, — говорит Спенсер, сначала перелезая через ворчащего Рейнджера, прежде чем забраться ко мне на колени и плюхнуться на сиденье слева от меня. — Мы подмяли единственную девочку в школу под себя, так что она не имеет такого влияния на учеников, как следовало бы.

Я фыркаю, но в этом-то и суть дела. В течение моей первой недели в женской форме парни были немного... агрессивны. Насколько это глупо, что мне нравится их нелепое поведение пещерного человека?

— И, таким образом, мы все животные, — говорю я вслух, и все поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, пока я кашляю и давлюсь в ладонь, притворяясь, что у меня есть хоть какой-то уровень социального приличия. Черч улыбается, одной из своих широких лучезарных улыбок, которая, как я понимаю, на самом деле никогда не была фальшивой, а затем постукивает костяшками пальцев по оконному стеклу.

— Кому-нибудь не кажется странным, что Джейсон Ламберт был убит, а затем здесь появляется Астер Хейз, проводящая кампанию против меня?

— Тогда почему бы просто не убить *тебя*? — спрашивает Рейнджер, постукивая боевым ботинком по полу, иссиня-чёрные волосы остро подстрижены и падают великолепными мерцающими прядями вокруг лица. Он замечает, что я смотрю, и затем ухмыляется в мою сторону, его сапфировые глаза сияют. Моё тело реагирует мгновенно, и мне приходится резко вдохнуть, чтобы сохранить хладнокровие. — Если все эти культовые шутки — правда, и Дженика была убита из-за этого, то почему бы просто не отделаться и от тебя? Или меня?

Спенсер берёт меня за руку, переплетая пальцы с моими, и у меня по коже бегут мурашки. Когда я смотрю в его сторону, на его бирюзовые глаза и серебристые волосы, то чувствую, что моё тело реагирует так же, как когда я смотрела на Рейнджера. Да, да. Влюблённая в каждого парня. Мои щёки и уши вспыхивают, и Спенс вопросительно приподнимает бровь.

— Может быть, они пытались, ну, знаете, когда мы были в туннелях? — предлагаю я, отворачиваясь от него и снова поворачиваясь к Черчу и близнецам. Парни МакКарти обращают на это внимание, но в то же время они рассеянно ведут частную войну пальцами. Похоже, Мика может победить. — Они заманили нас туда и заперли, не так ли?

— Хм-м, — размышляет Черч, но не отвечает. Либо он не думает, что я следую правильному ходу мыслей, либо он не знает.

И это пугает меня.

Потому что если Черч не может разобраться в этом, то никто не сможет.

Примерно через час мы выезжаем из темноты леса, вдалеке слабо мерцают городские огни. Черч опускает стекло между нами и водителем и просит его остановиться там, где мы находимся, оставляя нам добрых десять минут ходьбы, чтобы добраться до первого знака «стоп», ведущего в город.

— Мы становимся настоящими сыщиками, да? — спрашивает Тобиас, вытягивая руки над головой и оглядывая тихий городок Натмег глазами, которые в свете луны кажутся изумрудами. — Типа, настоящая работа детективов? Я чувствую, что нам нужны шляпы и маленькие трубки, и тогда каждый раз, когда я буду делать блестящие выводы, я буду консультироваться вот с этим дорогим Ватсоном...

— Братан, если кто-то из нас и Шерлок Холмс, то это я. *А ты* Ватсон, — объявляет Мика, засовывая руки в передние карманы толстовки с капюшоном от Академии Адамсон. Тобиас одет в ту же толстовку с капюшоном, только тёмно-синего цвета, а не цвета шампанского.

— Чушь собачья. Ты можешь побеждать в гонках, но мои оценки намного лучше твоих. К тому же я старше на восемь минут. Это делает *меня* детективом, а тебя — помощником.

— Напомни мне, сколько боёв ты выиграл по сравнению со сколькими выиграл я. Я превосхожден на ринге, и я лучше разбираюсь в сексе. Даже Шарлотта так думает. *Я* Шерлок.

Я закатываю глаза, потому что они оба знают, что я думаю, что они одинаково хороши в, эм, ну, вы знаете.

«Секс, Шарлотта, просто скажи «секс». Если ты достаточно зрелая, чтобы заниматься им, то ты достаточно зрелая, чтобы сказать это».

— Ни один из вас не Шерлок, — произносит Черч, останавливаясь на углу Мейн и Адамсон (да, дорога, которая поднимается на холм к школе, так умно названа) и глядя вдоль длинного пустого тротуара на пятна света, отбрасываемые уличными фонарями, окружённые зловещими кольцами тени. — Я Шерлок. Рейнджер — это Ватсон. Вам обоим повезло бы стать нашими верными ищейками. А теперь замолчите.

Черч достаёт из кармана связку ключей и ведёт нас через улицу в узкий переулок позади ряда предприятий. Я сразу узнаю книжный магазин по милым маленьким быстро, расположенным во внутреннем дворике на открытом воздухе. Погода сейчас слишком холодная, чтобы сидеть на улице, поэтому они собраны в штабеля и задвинуты под навес. Свет, однако, всё ещё горит.

Я никого не вижу, но моё сердце колотится как сумасшедшее, а ладони взмокли от пота.

Я ужасный сыщик, куда более, я вас уверяю.

— Пошлите, — говорит Черч, отпирая заднюю дверь в заведение по соседству. С другой стороны, есть автостоянка и боковой вход в «Щелкунчик», тот самый, через который близнецы протащили меня в прошлом году. Он приглашает нас всех войти и запирает за нами дверь, его светлые волосы блестят даже в темноте.

— Какой у нас план? — спрашивает Спенсер, поднимая стеклянного клоуна и, содрогаясь, отставляет его в сторону. — Неудивительно, что я никогда раньше не был в этом магазине, — добавляет он себе под нос.

— Это антиквариат для шкафов и сундуков, — говорит Черч, не утруждая себя шёпотом, но и не повышая голоса. — Мой отец купил здесь обручальное кольцо моей матери, когда им было по семнадцать. — Он оглядывается по сторонам, используя то небольшое, что проникает внутрь от оранжевого уличного фонаря снаружи, чтобы видеть. Подсознательно я потираю кольцо на пальце, и Черч улыбается. — И да, это тоже.

— Ты купил подержанное кольцо? — спрашивает Спенсер, бросая взгляд на Черча. — Ты? Из всех людей? Сколько оно стоило?

— В некоторых случаях — *редких* случаях — традиция важнее цены. — Черч отходит от двери и направляется к лестнице, перекинутой через неё цепью, а посередине болтается табличка «Только для сотрудников». Он убирает её с пути, пока я стою там, задыхаясь, купаясь в тени антикварного магазина. У него немного затхлый запах, но в нём есть что-то домашнее, что мне нравится.

— Я никогда не была в антикварном магазине ночью, — шепчу я, хотя очевидно, что нам не нужно быть такими тихими. — Это в равной степени жутко и круто.

— Ты так говоришь только потому, что не знаешь о призраках, которые обитают в этом месте, — шепчут близнецы, подходя ко мне с обеих сторон и кладя локти мне на плечи.

— Призраков не существует, — фыркаю я, но они обмениваются взглядами поверх моей головы, а затем пожимают плечами.

— Только люди, которые по-настоящему боятся призраков, говорят такие вещи, — продолжает Тобиас, делая вид, что оглядывает вырисовывающиеся очертания старых шкафов и древних кресел-качалок, как будто он что-то высматривает.

— Дженика была не единственным человеком, которого убили в этом городе, — шепчет Мика, бросив быстрый взгляд через плечо, чтобы увидеть, что Рейнджер полностью поднялся по лестнице после Черча. — Примерно в то же время в местном парке был найден мёртвым студент-иностранец по обмену. Не было никаких признаков травмы, никаких следов борьбы, но он сжимал в руке ключ от этого самого магазина, магазина, где он работал неполный рабочий день.

— Ладно, хватит этого дерьма, — говорит Спенсер, оттаскивая меня подальше от смеющихся рыжеволосых демонических засранцев. — В парке умер ребёнок, но коронер определил, что это был инсулиновый шок. Игнорируй их. — Он берёт мою руку в свою, сильно сжимая её, а затем тянет меня вверх по ступенькам в офис.

Антиквариат загромождаёт и эту часть магазина, но здесь чисто и ухоженно. Рассеянный луч лунного света высвечивает бухгалтерскую книгу, в которой было тщательно что-то нацарапано. Похоже, этот магазин в минусе — по-крупному. Может быть, тому, кто его запускает, стоит попробовать воспользоваться компьютером? Я прикусываю губу и бросаю взгляд на открытую дверь, которая ведёт к ещё одной лестнице, на этот раз узкой и крутой, и совершенно определённо не соответствующей современным требованиям.

Мы со Спенсером продолжаем подниматься, близнецы следуют за нами по пятам, и попадаем в мансардную комнату с окнами со всех сторон. Из окна фасада видна вся улица Мэйн, плоская крыша магазина спортивных товаров с одной стороны и трёхэтажное здание с другой, в котором находится книжный магазин. Насколько я могу судить, только первый этаж является частью их бизнеса.

В центре комнаты находится миниатюрная копия антикварного магазина, дополненная маленькими человечками, мебелью и растениями. Детали абсолютно потрясающие, даже если их трудно разглядеть в темноте.

— Женщина, которая владела этим магазином до того, как его купили мои родители, и которая до сих пор им управляет, сделала это со своим клубом миниатюр почти сорок лет назад. — Черч наклоняется рядом со мной и заглядывает на верхний этаж, разглядывая точную миниатюрную копию комнаты, в которой мы стоим.

— Она проделала чертовски хорошую работу, — бормочу я, думая о цифрах, написанных красными чернилами в бухгалтерской книге. — Может быть, это лучшая работа, чем то, что она делает, управляя бизнесом. Твои родители знают, насколько сильно в минусе это место?

Черч снова улыбается мне, выражение, которое встречается у него всё чаще, а затем встаёт.

— Я расскажу тебе эту историю позже, Чак. На данный момент мы собираем информацию.

— Мы здесь просто на всякий случай, если что-то случится, или у тебя есть что-то конкретное на примете, что ты ищешь? — спрашивает Рейнджер как раз перед тем, как в соседней комнате загорается свет, заливая второй этаж книжного магазина. Отсюда я вижу круглый стол со стульями, мини-кухню и камин у дальней стены, который в данный момент не горит.

Джеффри Работ входит и подходит к нему, используя полено, чтобы развести бурный огонь.

— В Натмеге осталось всего пять предприятий, которыми не владеют мои родители, — говорит Черч, когда мы с парнями расходимся веером вдоль витрины. Надеюсь, там слишком светло, а здесь слишком темно, чтобы он не увидел нас, если посмотрит, но у меня всё равно мурашки бегут по затылку, как будто кто-то наблюдает за мной. — Владельцы бизнеса встречаются здесь с Джеффом каждую неделю, как по часам.

— Значит, мы просто надеемся, что они сделают что-нибудь подозрительное? — спрашивает Спенсер, глядя в сторону Черча. — Или ты установил там какое-нибудь навороченное записывающее оборудование, чтобы мы действительно могли слышать, о чём они говорят?

Янтарные глаза Черча наблюдают за происходящим внизу, пока Джефф расставляет для своих гостей довольно симпатичную доску с закусками.

— Я действительно интересовался, сможет ли служба безопасности моих родителей проникнуть туда и установить некоторое наблюдение.

— И что? — подсказывает Рейнджер, ожидая, когда он закончит свою мысль. Потому что всегда есть что-то ещё, когда речь заходит о Черче Монтегю.

— Они не смогли проникнуть внутрь. Есть команда безопасности, которая следит за бизнесом Джеффа. На самом деле, за всеми предприятиями, которыми не владеют мои родители. А теперь скажите мне: как пять владельцев бизнеса, испытывающих трудности,

могут позволить себе нанять команду безопасности, которая соперничает с командой моих родителей? — он поворачивается к Рейнджеру, и, хотя я не вижу его лица, слышу холод в его голосе. — Они не могут. Если в Адамсоне и есть культ, то им руководят какие-то более влиятельные семьи, иначе мои родители знали бы об этом всё. — Он отворачивается к окну, когда Джефф открывает дверь и приветствует несколько новых лиц, которых, я знаю, что я никогда раньше не видела. — *И с какой стати* этим людям отказываться от завышенных цен, которые мои родители предложили им за их бизнес? Плаксивые жалобы Джеффа на то, что он не хочет продавать магазин — чушь собачья. Он ненавидит это место, и так было всегда.

— Значит, ты думаешь, что владельцы бизнеса являются частью культа? — спрашиваю я, но Черч не отвечает, его лицо напрягается от разочарования. Он умён, но пока не разобрался в этой части уравнения.

— А что насчёт Джека? — Черч поворачивается, чтобы посмотреть на Спенсера, его холодный взгляд твёрдо прикован к месту. Однажды он станет слишком могущественным для своего же блага. То есть, если только рядом с ним не будет кого-то, кто бы держал его в смирении.

Я ёрзаю на месте и провожу пальцем по поверхности кольца — мой новый нервный тик.

— Ты знаешь, как трудно его выследить, но я найду его. Он всегда приезжает в город на вечеринку в честь Хэллоуина.

Черч кивает, и я чувствую, что начинается что-то непонятное. В прошлом году мне не удалось покинуть кампус на Хэллоуин, в то время как ребята явно были на той легендарной вечеринке. В этом году мне лучше заполучить себе приглашение.

Через некоторое время мне становится скучно, и я иду к миниатюре со Спенсером и близнецами, в то время как Рейнджер и Черч наблюдают за собранием внизу. По-моему, это не очень похоже на деловую встречу. В основном Джефф и его почётные гости смеются, разговаривают и едят, а потом затевают игру в шарады. То есть, кто вообще теперь играет в шарады?

— Эта штука довольно крутая, — говорит Спенсер, играя с подвижной передней дверью, а затем указывая на шов вдоль крыши. — Она открывается?

— Да, — рассеянно отвечает Черч с ноткой разочарования в голосе, когда он оглядывается через плечо. — Только не сломай его, иначе Магдалина проткнёт тебя тростью. Однажды она избилла мою сестру за то, что та разбила старинную статуэтку кошки 1930-х годов. Поверь мне: она никого не боится.

Спенсер фыркает, но осторожно берётся за обе стороны миниатюры, открывая её, как кукольный домик, и давая нам гораздо лучший обзор всех комнат внутри.

— Смотри, — говорит он, указывая на книжный шкаф внизу. — Там твоя любимая книга: *Моби Дик*. (прим. *Игра слов Dick — Дик, популярное имя, а также «disk» переводится как член*).

— Забавно, — фыркаю я, скорчив ему рожицу, а затем протягиваю руку, чтобы снять с полки одну из крошечных книжек. Вот насколько детализирована эта штука; книги действительно снимаются с полки и открываются. Внутри крошечные странички с мелкими каракулями искусственного письма. Рядом с «*Моби Диком*» у нас есть «*Приключения Алисы в стране чудес*», «*Волшебник страны Оз*» и даже экземпляр «*Этюда в багровых тонах*» — первой книги о Шерлоке Холмсе. Когда я протягиваю руку, чтобы взять это, я случайно

отрываю книжный шкаф от стены.

— Молодец, Чак-лет, — произносит Спенсер, когда я пытаюсь вернуть его на место, только чтобы увидеть, что на самом деле она прикреплена к стене петлей. Толкнув её пальцем, я открываю пошире и обнаруживаю за ней искусственный дверной проём, раскрашенный так, чтобы он выглядел как тёмная комната со ступеньками.

Мы со Спенсом обмениваемся взглядами.

— Эй, ребята, возможно, вы захотите подойти и посмотреть на это... — начинает он как раз в тот момент, когда Джефф прощается с последним из друзей, и свет на втором этаже гаснет.

— Как вы думаете, всё в этой миниатюре соответствует действительности? — спрашивает Рейнджер, как только видит, на что мы смотрим, но Черч только поджимает губы и направляется к лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. С его длинными ногами догнать его непросто, но когда мы это делаем, то обнаруживаем, что он проводит руками по стенкам книжного шкафа. Мгновение спустя раздаётся щелчок, и близнецы двигаются вперёд, чтобы помочь Черчу открыть её.

За книжным шкафом есть ещё одна дверь, но она заперта.

Черч и Рейнджер обмениваются взглядами, прежде чем последний достаёт золотой ключ из-за пазухи, пытается открыть им замок и получает в ответ удовлетворительный щелчок тумблеров.

Дверь распахивается.

— Бинго, — говорит Черч, когда мы смотрим вниз по каменным ступеням в море черноты.

Другие девочки не должны переезжать до следующей четверти, но это не мешает им посещать кампус по выходным, чтобы поработать над своей кампанией для Студенческого совета — особенно Астер. Или, чёрт возьми, может быть, она здесь только для того, чтобы трахнуть Марка под носом у Селены? Откуда мне знать?

— Ты правда думаешь, что Марк изменяет Селене с Астер? — спрашиваю я Спенсера поправляя имитирующий пенис в своих трусиках, а затем поворачиваюсь, чтобы улыбнуться ему. Это создаёт приятную выпуклость у меня под юбкой, и я хихикаю. Предполагалось, что мы будем работать над нашими костюмами на Хэллоуин, и я подумала, что было бы забавно сделать что-нибудь с печально известным членом, он же «протез» Рейнджера. Мама всё ещё не понимает шутки. На днях, когда она позвонила мне, она снова спросила о его «несчастном случае».

— Я должен отвечать на этот вопрос, когда ты запускаешь руку в трусики? — спрашивает Спенсер, развалившись на моей кровати и подбрасывая в воздух мялку-антистресс. Он ловит её, когда она падает, а затем садится, перекидывая галстук через плечо. То, как он окидывает меня взглядом, напоминает мне о том дне, когда он вошёл и увидел, как я задрала задницу и наклонилась, пытаясь вытащить телефон из-за кровати.

Он никогда не смотрел на меня по-другому — ни как на мальчика, ни как на девочку, ни после того, как я начала встречаться с его друзьями.

— Эм, да. — Я кладу руки на бёдра и слегка поворачиваю их, обмахивая юбкой бёдра и покачивая пенисом в такт движению. — Да, это так.

— Ну, тогда, — говорит он, вставая с кровати, аромат его духов Кеннет Коул Блэк наполняет комнату и заставляет моё сердце трепетать. — Ответ, чёрт возьми, «да». Ты никогда не была на вечеринках с Марком? — я отрицательно качаю головой, когда Спенсер придвигается немного ближе, протягивает руку, чтобы обхватить мой искусственный член под юбкой и сжать его. — Он переспит с любой девушкой, которая захочет его заполучить. Неудивительно, что Селена охотится за его задницей.

Спенсер наклоняется и касается своими губами моих, скользя рукой вверх и под пояс моих трусиков. Вместо того чтобы сразу направиться к влажному теплу между моих бёдер, он поглаживает искусственный пенис, как будто это действительно часть меня.

— Черч, возможно, скоро вернётся, — бормочу я, наслаждаясь ощущением пальцев Спенсера, когда он проводит ими по моей шее и по волосам. Я поднимаю глаза и вижу, что он ухмыляется мне, эта самоуверенная ухмылка напоминает мне, почему я изначально влюбилась в него. Он ведёт себя как полный задира, но на самом деле, несмотря ни на что, у него самое доброе сердце.

— И что?

— А то, что ему может не понравиться, когда он войдёт и увидит, как ты трахаешь его невесту в его комнате.

Спенсер хихикает и убирает руку из моих трусиков, подтаскивая меня к кровати и опуская на неё. Он целует меня так, словно не может насытиться, скользя руками вверх и под юбку, чтобы обхватить мою попку. Это похоже на мою самую непристойную фантазию — быть трахнутой в школьной форме. Но мы ещё точно не добрались до этого.

Как раз в тот момент, когда я думаю, что мы могли бы, звук отпираемой двери

заставляет Спенсера сползти с меня, ругаясь и хватая подушку, чтобы скрыть эрекцию в брюках. Ему совершенно определённно не нужен искусственный пенис, чтобы пройти тест на захват.

Черч входит в сопровождении других парней, следующих за ним по пятам, и останавливается, склонив голову набок, с чашкой кофе со льдом в одной руке и длинным тубусом для постеров в другой.

— Мы чему-то помешали? — он спрашивает, но и Спенсер, и моя невнятная болтовня о том, что это не так, доказывает, что это определённно так.

Рейнджер закатывает глаза и садится на кровать Черча, скрещивая руки на груди и встречаясь со мной взглядом через всю комнату. Близнецы не стесняются украсть из мини-холодильника несколько кофейных напитков Черча в банках, а затем устраиваются поудобнее на моей кровати.

— Что в тубусе? — спрашиваю я, когда Черч передаёт его Рейнджеру, посасывая кофе через соломинку, в то время как его друг достаёт лежащие внутри бумаги.

Карты? Я наклоняюсь ближе, чтобы лучше рассмотреть, и вместо этого нахожу чертежи. И не только Академии Адамсон, но и всего города Натмег.

— С их помощью мы можем увидеть, куда именно ведут туннели, — отвечает Черч, наблюдая, как Рейнджер разворачивает большие листы бумаги на кровати друга, придавив углы стопкой манги — японских аниме-комиксов — с приставного столика Черча. — Когда они строили Натмег и расширяли кампус Адамсона, то были обеспокоены возможностью обрушения туннелей, поэтому они все это нанесли на карту.

— Это то место, куда мы изначально вошли, — говорит Рейнджер, указывая на точку на карте, а затем прослеживая длинную протяженность туннеля. — И неудивительно, что мы не смогли найти другого выхода. Эта дорога тянется на многие мили, прежде чем разветвляется или открывает другой путь. Но посмотрите на это. — Рейнджер указывает на антикварный магазин на карте, а затем проводит пальцем по туннелю под ним. Обнаруженный нами вход в книжный шкаф ведёт не только ко всей подземной сети, но и к нескольким другим магазинам.

Магазинам, которыми Монтегю *не* владеют.

Единственное исключение — сам антикварный магазин.

— Семья Черча купила антикварный магазин у моих родителей, которые купили его у Магдалины, — объясняет Рейнджер. — Моя мама получила его при разводе, и я помню, что мой отец был в бешенстве. — Он поднимает голову, ноздри раздуваются, рот плотно сжат. — А с чего бы ему так себя вести? Из-за крошечного антикварного магазинчика, которым управляет пожилая леди? Мама продала его Монтегю вскоре после этого.

— Так это значит, что бизнес каким-то образом связан с культом? — спрашиваю я, и Рейнджер резко выдыхает через нос.

— Может быть. Ты знаешь, что ещё это значит? Что мой отец знает больше, чем ему следует. — Рейнджер отодвигает карты в сторону, а затем протягивает руку, чтобы схватить переднюю полу рубашки, сжимая ключи сквозь ткань. — Он хотел, чтобы я навестил его во время осенних каникул. Я мог бы.

— Не один, нет, — произносит Тобиас, садясь позади меня и сминая банку из-под кофе в руке. — Если ты поедешь, мы тоже.

Рейнджер ворчит, но не спорит, глядя в окно на внезапно начавшийся ливень.

— Где ты вообще взял эти вещи? — спрашивает Мика, протягивая руку, чтобы поиграть

с бретелькой моего лифчика через рубашку. Я отталкиваю его руку, но мы оба ухмыляемся, как идиоты.

— В библиотеке, — отвечает Черч, а затем очень быстро добавляет: — Единственной в городе. Мы ходили в школьную библиотеку, но мистер Дэйв был не слишком разговорчив. — Он на мгновение замолкает, как будто о чём-то задумывается, а затем качает головой. — Я полагаю, он ни с кем не был откровенен и по поводу ножевого ранения, так что в этом нет ничего удивительного.

— Мы упоминали, что есть и другие пропавшие ежегодники? — говорит Рейнджер, скидывая ботинки и откидываясь на подушки Черча. Все они шелковистые, роскошные и мягкие — здесь подушка с перьями, там атласная подушка, одна с густым чёрным искусственным мехом. Я часто задавалась вопросом, что бы я почувствовала, если бы Черч поднял меня туда и положил мою голову на одну из них, прежде чем поцеловать. — Никакой закономерности в пропавших годах, по одному в разных годах.

— Я бы сказала, что поговорю об этом с папой, но после своего маленького признания он стал ещё более молчаливым, чем обычно. — Я вздыхаю и протягиваю руку, чтобы убрать несколько локонов со лба. — Я всё ещё думаю, что он связан с мистером Мерфи и мистером Дэйвом. Я только упомянула слово «культ», когда заходила вчера, и он захлопнул дверь кабинета у меня перед носом.

— Это имело бы смысл, — говорит Спенсер, теребя шов на моём одеяле. — Они втроём работают вместе, чтобы защитить Чака — пусть и за кулисами. — Он поднимает взгляд, кожа вокруг его рта напряжена от беспокойства. — Это то, что, я думаю, делал Джек, когда пришёл за мной в хижину — он защищал меня.

— Да? — Рейнджер возражает, и я чувствую, как напряжение между ними в одно мгновение поднимается до небес. Существует довольно много разногласий по поводу Джека и его роли в смерти Дженики. Не то чтобы я винила кого-то из них за позицию, которую они занимают, просто тяжело видеть, как они ссорятся друг с другом. — Ну, тогда, если он так чертовски беспокоится о тебе, зачем ни с того ни с сего появляться в кампусе, исчезать при малейшем намёке на проблему, а потом, чёрт возьми, нахрен исчезать от тебя?

— Джек неплохой человек, — произносит Спенсер, и в его голосе слышатся грустные, но решительные нотки, которые напоминают мне о том дне в коридоре, когда он посмотрел на меня так, словно я обманщица. От мыслей об этом у меня болит сердце, поэтому я прогоняю эту мысль прочь. — Он просто трус. Мне совершенно ясно, что он боится этого... Братства Священнослужителей или как там они себя называют. И это справедливо, могу добавить, учитывая количество погибших.

— Давайте не будем называть их именами собственными, — предлагаю я, пытаюсь разрядить напряжённость. — Давайте назовём их... Братством грязных туалетных ёршиков.

— Что у тебя такое случилось с туалетными ёршиками? — спрашивает Мика, получая от меня удар локтем в грудь в качестве расплаты. — Давайте назовём их Последователи Сырных Членов.

— Чувак, я только что поел, — говорит Тобиас, дёргая брата за прядь волос. — А теперь будьте на секунду серьёзны: мы собираемся снова спуститься в те туннели?

— Нет! — кричу я в то же самое время, когда Черч говорит: «Да».

Он смотрит на меня и слегка улыбается.

— Вы нет, но я да.

— Ты что, с ума сошёл?! — огрызается Спенсер, роняя подушку, которую использовал,

чтобы скрыть свою эрекцию, и поднимается на ноги. — Я знаю, что меня там не было, но, типа, разве вы, ребята, не усвоили урок в первый раз? Вы все могли погибнуть.

— Отправь туда одного из охранников твоих родителей для расследования, — говорит Рейнджер, и Черч вздыхает, как будто ожидал такого ответа от друзей.

— Этот культ, — молвит он, скрещивая руки на груди и, наконец, присаживаясь на край кровати. — Они явно состоят из влиятельных семей, семей с ресурсами, которые соответствуют моим собственным.

— Ничьи ресурсы не сравнятся с твоими собственными, — бормочут близнецы у меня за спиной, но достаточно громко, чтобы я могла расслышать.

— Это игра, разве вы не видите этого? — он поднимает взгляд, и в его янтарных глазах горит яростная решимость. — Люди, которые охотятся за Шарлоттой, молоды, неопытны. Они не наёмные убийцы, они не профессионалы. Подумайте об этом: школьный совет отклонил наши просьбы о дополнительной безопасности. Почему? Потому что они *хотят*, чтобы это был вызов. Дженика записала это ясно как божий день: это посвящение. — Ноздри Черча раздуваются, и тогда я понимаю, насколько он на самом деле чертовски умён. Он мог бы обвести всех нас вокруг пальца, если бы захотел. — Даже эта цитата о лисах, та, что из Библии: *поймайте для нас лисиц, маленьких лисят, которые грабят виноградники; ибо наши виноградники в цвету*. Это метафора. — Он указывает в мою сторону. — Дженика, Юджин, Джейсон... Шарлотка. Это лисы. Виноградник — это интересы культа, какими бы они ни были. — Черч внезапно встаёт, явно разгневанный своей речью, очевидно разочарованный тем, что он не раскрыл всю тайну убийства самостоятельно. Он слишком строг к себе. — Эти семьи прислали своих людей, чтобы сделать это дело, и я намерен принять этот вызов. — Он подходит к двери, кладёт руку на ручку и оглядывается, всего один раз. — И, если мои родители чему-то меня и научили, так это защищать тех, кого ты любишь, чего бы это ни стоило.

Черч исчезает в коридоре и захлопывает за собой дверь.

Я встаю, чтобы пойти за ним, забыв, что на мне всё ещё надет искусственный пенис в нижнем белье. Он шлёпается на пол и подпрыгивает рядом с кроватью Черча, разрушая драматизм момента.

Не теряя ни секунды, Рейнджер наклоняется, поднимает его и засовывает себе в штаны, прежде чем встать и указать на остальных из нас.

— Я пойду приведу его. Вы, придурки, заканчивайте свои грёбаные костюмы на Хэллоуин и перестаньте валять дурака.

— Прекрасный каламбур, — замечает Тобиас, прежде чем Рейнджер показывает ему фак и отправляется на поиски друга. Спенсеру и близнецам требуется около двух секунд, чтобы разразиться хриплым смехом. Но что касается меня, я не могу перестать думать о том, как глаза Черча встретились с моими, когда он произнёс слово «*любишь*».

С тех пор как я начала ходить в школу, я не особо нуждалась в репетиторстве, поскольку помощь Черча в прошлом году сильно изменила то, как я учусь и разбираюсь с проблемами. Он был прав: у меня не было фундамента, а без этого фундамента я не могла построить ничего нового. Но он создал мне его, и с тех пор у меня не было проблем с тем, чтобы собрать всё воедино самостоятельно.

— Ты действительно думаешь, что я смогла бы поступить в колледж? — спрашиваю я Черча, откладывая книги в сторону и глядя на него, купающегося в тусклом свете лампы рядом с кроватью. У каждого из нас есть настенные электрические камины на стенах в изножьях наших кроватей, которые весело горят, защищая от холода снаружи.

Пока я работаю над дурацким заданием мистера Мерфи по английскому, Черч просмотрел свою домашнюю работу и перешёл на страницы дневника Дженики. Он берётся за них так, как за всё остальное в жизни: как будто у него задание не на жизнь, а на смерть. Однако в данном случае это чертовски буквально.

— Назови колледж, и я позабочусь, чтобы ты поступила, — бормочет он, обводя пальцем предметы на экране своего Айпада. Он отсканировал все страницы, так что может поиграть с ними и делать пометки. Настоящие спрятаны обратно в дневник Дженики и хранятся в маленьком сейфе в комнате Рейнджера и Спенсера. Черч ненадолго замолкает, чтобы посмотреть на меня, сидящую на кровати в очках и забрызганном краской свитере. Парни продолжают пытаться купить мне новую пижаму, но чего они не понимают, так это того, что мне *нравится* эта. Она удобная и немало повидавшая. Когда я надеваю её, я думаю о своей тёте Элизе и о том, как она заманила меня к себе домой пиццей и светлым пивом, чтобы заставить меня помочь покрасить стену в её гостиной в фиолетовый цвет. За деньги можно купить новую пижаму, но они не могут подарить мне поток счастливых воспоминаний, как эти спортивные штаны. — При условии, конечно, что ты будешь продолжать получать хорошие оценки.

— Я не хочу покупать себе место, — говорю я, гадая, какие у него планы на выпускной, гадая, каково это — вернуть это кольцо и разочаровать его родителей, его сестёр... себя. Я выдыхаю и встаю, подходя, чтобы присесть на край его кровати. — Дай угадаю? Ты поступаешь в Гарвард, или Стэнфорд, или Оксфорд, или ещё куда-нибудь. Старые деньги, модная школа.

Черч не утруждает себя ответом. Вместо этого он просто дарит мне ещё одну из тех ослепительных улыбок, которым он научился у своей семьи.

— Может быть. А что? Это то место, куда ты хочешь поступить? Как муж и жена, мы, вероятно, должны учиться в одном университете.

Я хватаю одну из его отброшенных с кровати подушек и бью его ею.

— Ты невозможен, ты знаешь это? — я вздыхаю и прижимаю подушку к груди,

просматривая записи Дженики и задаваясь вопросом, есть ли там что-нибудь новое, о чём он нам не рассказал. Иногда у меня возникает мысль, что он пытается многое сделать в одиночку. — Когда ты собираешься им рассказать?

— Рассказать кому и о чём? Нам нужно поговорить на тему уточнения, моя дорогая?

У меня дёргается глаз, но я не собираюсь поддаваться на небольшой словесный выпад.

— Парням. Твоим товарищам по Студенческому совету. — *По крайней мере, членам Студенческого совета на данный момент, может быть, не в конце четверти, и не после этих дурацких выборов.* — Когда ты собираешься рассказать им о том, что тебя усыновили?

— Я вообще не планировал им говорить, — отвечает Черч, обводя имя кружком на экране. *Либби.* Кто, чёрт возьми, такая Либби? Я имею в виду, кроме той ужасной девчонки, которая носила с собой камень с изображённым на нём культовым символом и издевалась над бедной Дженикой. — Ты единственная, кому я хотел рассказать. Я люблю парней, но просто есть некоторые вещи, которыми мужчина должен делиться со своей женой и ни с кем другим, тебе не кажется?

Мои щёки вспыхивают, но в этой маленькой комнате с пылающими каминами и бурей за окном я чувствую себя ужасно уютно и интимно; если я поддамся смущению, то вполне могу съёжиться и умереть. Поэтому я пробую юмор как метод отвлечения внимания.

— Если мы действительно собираемся стать мужем и женой, тогда почему ты до сих пор не начал приставать ко мне? Я имею в виду, мы *живём* в одной комнате и всё такое. Возможностей для соблазнения предостаточно.

Черч на мгновение откладывает айпад в сторону и оглядывает меня, изучая с такой тщательной точностью, что я удивляюсь, как он не разгадал мой секрет раньше. Он ни черта не упускает.

— Когда твой отец отчитывал меня и, могу добавить, запятнал мою безупречную успеваемость, он определённо дал мне понять, что, если я хоть пальцем трону тебя, он исключит меня, и что ему всё равно, кто мои родители. — Губы Черча растягиваются в улыбке. — Он заботится о тебе, ты ведь знаешь это?

— Тогда почему он всё время такой чёртов мудака? — я стону, пряча лицо в подушку.

— Он хочет защитить тебя, но не знает как. И я имею в виду не только эту культовую штуку, я имею в виду в жизни. — Черч вздыхает и проводит рукой по лицу, когда я поднимаю взгляд, протягивая руку, чтобы пододвинуть к себе айпад.

Рядом с обведённой кружком *Либби* стоит фамилия МакКоннелл.

Мне действительно начинает не нравиться слышать эту фамилию.

— Либби — сестра Селены и Гарета? — спрашиваю я, меняя тему, как обычно делает Черч, с личной на деловую. Он бросает взгляд на айпад и хмурится, лёд снова появляется на его лице.

— Так и есть.

— Итак... тогда могла ли Селена быть нашей нападавшей женщиной? — я решаюсь, гадая, сходятся ли все улики. — Я имею в виду, что слишком много совпадений — её брат баллотируется в Студенческий совет, её сестра упоминается в дневнике, и она появляется на горячих источниках.

— Честно говоря, я больше склоняюсь к Астер. — Черч садится, скрестив ноги перед собой. Мой взгляд скользит немного дальше его лодыжки к небольшой икроножной мышце, виднеющейся под брюками, заставляя меня чувствовать себя какой-то извращенкой викторианской эпохи. *Боже мой, я увидела промелькнувшую лодыжку! Какой скандал.* — Но

в основном потому, что они оба связаны с Марком. Близнецы правы: он виновен.

— Мы говорим это потому, что он полное ничтожество? Или потому, что ты знаешь что-то, о чём не говоришь мне?

— Это всего лишь догадка, — отвечает Черч, протягивая руку и выключая экран айпада. После короткой паузы он наклоняется и нежно целует меня в лоб. — А теперь ложись спать. Завтра у нас впереди долгий день.

Я крадусь обратно в свою постель, но не без того, чтобы не задаться вопросом, что бы сделал Черч, если бы я попыталась забраться под одеяло рядом с ним.

Я решаю, что слишком напугана, чтобы рисковать быть отвергнутой, и в конце концов засыпаю с мечтами о янтарных глазах, аристократических пальцах и улыбках, которые предназначены только для меня.

— Девочка, — начинает Росс, разглядывая мой костюм со своего места по другую сторону экрана моего телефона и подёргивая бровью. После долгих размышлений я решила, что вместо обычной короткой юбки, укороченного топа и колоритного костюма на Хэллоуин, который я носила в прошлом, я предпочла бы нарядиться Геральтом из Ривии из *Ведьмака*. Росс жестикулирует вверх-вниз, указывая на мои подбитые плечи, длинный седой парик и искусственную бороду с изогнутой губой. — У тебя был драматический момент выхода из подполья, чтобы превратиться из мальчика в девочку, а теперь ты вся вырядилась как мужчина с большим членом? — Росс наклоняется и, прищурившись, смотрит на экран, указывая в общем направлении моей промежности, куда, конечно же, я засунула пенис. Теперь мы близки, я и этот гибкий силиконовый член. — Всё, что я могу сказать, это то, что я одобряю.

Он откидывается назад и ухмыляется мне, изогнув губы под красно-коричневыми волосками искусственных усов. Росс МакКаббин, бывший помощник парней из Студенческого совета Адамсона, экстраординарный радужный единорог и мой удивительный новый друг. Он окончил школу в прошлом году и сейчас ходит в колледж в Калифорнии, встречаясь с новой онлайн-парой, Эндрю Пейсоном (который на самом деле всё ещё учится на последнем курсе средней школы, что полностью превращает Росса в извращенца).

Они развлекаются в SoCal, нарядившись Дэррилом Уайтфезером и Джошем Уилсоном (он же Белый Джош) из телешоу *«Сумасшедшая бывшая девушка»* на Хэллоуин. Я обвинила Росса в том, что он слишком упрощает костюмы — по сути, он одет в костюм, а его парень Эндрю — в майку, шорты и шлёпанцы, чёрт возьми — но он быстро перебил меня и сказал, что их костюмы больше отражают *характер*, чем внешность.

— Правда? Я выгляжу чертовски крутой, да? — говорю я, разминая свои фальшивые бицепсы. — Брось монетку своему ведьмаку, смердяк!

— О боже, пожалуйста, прекрати, у тебя ужасный голос Геральта. Ты говоришь так, словно у тебя острый фарингит или что-то в этом роде. Не оскорбляй так Генри Кавилла. Кстати, о горячих мужчинах с серебристыми волосами, как поживает наш Спенсер?

Я закатываю глаза в ответ на оскорбление и пожимаю одним плечом, оглядываясь, чтобы увидеть Черча, растянувшегося на своей кровати, одетого как Фред Джонс из *Скуби-Ду*. Не буду врать, он выглядит чертовски сексуально с такими зачёсанными назад волосами, в синих джинсах и белой рубашке с оранжевым галстуком аскот. У ребят здесь есть тема, они одеваются как полный актёрский состав «подростков, разгадывающих тайны»: Рейнджер сыграет Дафну (не могу дождаться, когда увижу это лично), Спенсер — Велму (окей, тоже очень рада увидеть это преобразование), а близнецы — Шегги и Скуби. Я, как обычно, единственная белая ворона.

— Мы увидим его в гольфах до колен и оранжевой водолазке, если это поможет? — я начинаю, как раз перед тем, как открывается дверь, и поворачиваюсь, прихватив с собой телефон, чтобы похвастаться «этими назойливыми детьми». Смешок вырывается прежде, чем я успеваю его остановить, и я зажимаю рот рукой.

— Ни слова, — рычит Рейнджер, одетый в туфли на каблуках, розовые колготки и оранжевый парик. Его макияж, однако, чертовски безупречен. Много блеска вокруг век.

Спенсер выглядит ничуть не счастливее, на нём очки без линз, короткий каштановый парик и красная мини-юбка в складку. Тобиас одет в искусственную козлиную бородку и коричневые брюки-клёш, в то время как Мика выплывает в большом пушистом костюме Скуби-Ду.

Моего самообладания хватает лишь на мгновение, прежде чем я начинаю выть от смеха.

— Отдай мне его, — рычит Спенсер, выхватывая у меня телефон. — Это несправедливо: я должен был быть Дафной.

— Ты ни за что не сможешь ходить на каблуках, — рычит Рейнджер, хмурясь и оглядывая мой костюм, приподняв бровь. — Всё ещё думаю, что тебе следовало быть Скрэппи. — Я показываю ему язык, потому что, да ладно, всё равно никто не любит Скрэппи-Ду.

— Мы скучаем по тебе, братан, — говорит Спенсер, когда близнецы толпятся позади него, с энтузиазмом махая руками.

— Как поживает тот онлайн-сталкер, интернет-придурок? — спрашивают они, и на этот раз настала очередь Росса закатить глаза. Мы все были совершенно уверены, что его убьёт и превратит в абажур его онлайн-пассия, но, к счастью, похоже, что у них на самом деле завязался крепкий роман.

Я наблюдаю за лицом Росса, чтобы увидеть, отреагирует ли он как-нибудь на появление на экране Спенсера Харгроува, его бывшей пассии, но вместо этого его новый парень Эндрю подходит к нему сзади. Как только Эндрю появляется на экране, остальные из нас с таким же успехом могут стать невидимыми.

— Это фантастика, — говорит Росс, коротко оглядываясь на нас, в то время как его парень смущённо машет близнецам в ответ. — На самом деле, это настолько фантастично, что я собираюсь пойти и устроить небольшую вечеринку перед вечеринкой. Вы, ребята, развлекайтесь и будьте в безопасности, пока занимаетесь своим сыском. Если кто-нибудь из вас умрёт — даже этот уродливый коротышка с копной волос, — он отчётливо указывает в мою сторону, — это полностью разрушит мои планы на зимнее путешествие. Снег в Коннектикуте — это весело только тогда, когда на нём нет крови. *Пакедова-а-а-а.*

— *Пока-а-а,* — кричим мы все в ответ, махая руками, когда видео-чат обрывается, и Спенсер возвращает мне телефон. Я ничего не могу с собой поделаться — я протягиваю руку и обхватываю его задницу под этой короткой юбкой.

— Чёрт, — бормочу я, и он сверкает улыбкой, протягивая руку, чтобы потянуть за прядь моих длинных седых волос в парике.

— Всё ещё думаю, что из меня бы вышла Дафни погорячее, — говорит он, закатывая глаза, а затем щёлкает пальцами. — Ой! Пока я не забыл, Джек написал смс и сказал, что будет на вечеринке сегодня вечером.

— Отлично, — произносит Черч, вставая и проводя ладонями по белой рубашке. — Возможно, он сможет дать нам какое-то дополнительное представление о записях Дженики.

— Или объяснит, почему его не было там, чтобы забрать мою сестру, как он обещал, — огрызается Рейнджер, и Спенсер оцетинивается. Близнецы обмениваются взглядами, как будто боятся, что преданность Спенсера брату и Рейнджера сестре может привести к их столкновению. По какой-то причине я немного больше верю в парней, чем в это.

— Может быть, он сможет сказать нам, кто именно охотится за Шарлоттой? — размышляет Тобиас, почёсывая приклеенную козлиную бородку. — Потому что, как только мы узнаем, там уже без компромиссов. Я выбью дерьмо из некоторых сектантов.

— Это хороший вопрос, — говорит Спенсер, сильно хмурясь, выражение лица почти комичное из-за больших очков в чёрной оправе, сползающих с носа. — Что произойдёт, когда мы всё-таки узнаем, кто эти подонки? Будем ли мы бороться с ними? Сдадим их в ФБР? Убьём их?

— Убьём их?! — я задыхаюсь, скорчив гримасу, очень похожую на ту, что изображена на моём зонтике с эмодзи. — Мы никого не убьём.

— Если нам придётся убить, чтобы обезопасить тебя... — начинает Спенсер, пожимая одним плечом. Но выражение его бирюзовых глаз говорит о том, что ему не совсем нравится эта идея. Черч, с другой стороны, не выглядит так, будто у него вообще есть какие-то сомнения.

Я почти верю, что он убил *бы*, чтобы обезопасить меня.

— Давайте устроим вечеринку, — молвит Мика, снимая напряжение, приподнимая голову на своём костюме Скуби-Ду. — В конце концов, Шарлотта никогда раньше не видела церковь.

Церковь, по-видимому, является старой реликвией, которая раньше была соединена со школой этими сумасшедшими подземными туннелями. Она намного меньше церкви, которая раньше размещалась в главном здании Академии Адамсон, но всё равно впечатляет. Или, я чувствую, так могло бы быть, если бы это было нечто большее, чем груда обломков.

Здесь нет ни одной стоящей стены целиком, только лишь груды старого камня, покрытые подростками в костюмах. Ди-джей играет музыку со сцены неподалёку, и алкоголь льётся рекой.

— Если бы эта вечеринка не была такой потрясающей, мы бы вместо этого поехали в Нью-Йорк, — говорит Мика, останавливаясь на краю поляны, прямо под сенью деревьев. Лимузин отвёз нас в самую южную часть Натмега и высадил на оживлённой трассе, уже покрытой завсегдатаями вечеринок в костюмах для Хэллоуина. Очевидно, эта старая церковь не является большим секретом для местных жителей.

— Это то место, где вы все были в прошлом году? — спрашиваю я, и он кивает, хватая меня за руку одной из своих мохнатых лап и втягивает в столпотворение. Я нервничаю — не буду врать по этому поводу — но продолжаю говорить себе, что эти уроды из Братства не смогут заполучить меня в такой большой толпе.

Хотя... это не значит, что они не наблюдают.

Первое, что я замечаю, это то, что Марк здесь с Селеной, они потягивают пиво из бочонка, а она подбадривает его. Я не совсем уверена, кем они должны быть. *Полагаю*, Марк должен быть каким-нибудь знаменитым рэпером, в то время как Селена — своего рода поп-звезда.

Музыка состоит из современных хитов, которые я бы слушала, если бы была на вечеринке у Моника дома со всеми нашими старыми друзьями. Но здесь определённо есть преимущество в деньгах и привилегиях, которое я узнала по той вечеринке в нью-йоркском пентхаусе, на которую меня водили парни. Как бы мне ни нравилась моя новая жизнь с ребятами из Коннектикута, я не уверена, что когда-нибудь привыкну к этому.

Тут есть еда — очевидно, приготовленная на заказ — много напитков, наркотиков и звуковая система, которая стоит больше, чем машина моего отца. Как только толпа узнаёт, что это Спенсер в парике и очках, они приветствуют его, и он улыбается, выгружая сумку, принесённую с собой, на один из столов. Там достаточно марихуаны, чтобы отправить его в федеральную тюрьму.

— Хочешь потанцевать? — спрашивает Мика, бросая на меня похотливый взгляд из-под капюшона своего костюма, который заставляет меня улыбнуться.

— С пушистиком? — возражаю я, оглядывая его с ног до головы. — Я не знаю, чувак. Ты испытываешь свою удачу.

— Как насчёт того, что я пообещаю не предлагать тебе заняться сексом, пока на мне эта штука, и мы вместо этого немного потрёмся?

— Договорились. — Я беру Мику за руку и позволяю ему втянуть меня в потную, кружащуюся группу танцоров на старых, покосившихся и посеревших деревянных полах церкви. Есть несколько скамей, сдвинутых по обе стороны пространства и заполненных людьми, которые разговаривают, смеются и делают селфи. Большая часть обломков, включая разбитый витраж, собрана по углам разрушающегося строения.

После нескольких песен Тобиас вмешивается и занимает место Мики, улыбаясь мне поверх своей жиденькой козлиной бородки. Я слегка дёргаю её, смеясь, когда он кружит меня, наш единственный источник света — полная луна над деревьями и цветные прожекторы, скользящие по толпе. Интересно смотреть в глаза, которые имеют ту же форму и цвет, что и у Мики, но в то же время такие разные. Эта мысль заставляет меня улыбнуться, зная, что в человеке есть гораздо больше, чем то, что ты видишь снаружи.

— Приём заявлений в колледж должен состояться в ноябре, — шепчет Тобиас, наклоняясь так близко, что его рот оказывается достаточно близко к моему уху, чтобы я могла слышать его сквозь музыку. — Я заполнил анкету для университета Борнстеда, и знаешь что?

— Что? — шепчу я в ответ, дрожа, когда он игриво покусывает мочку моего уха.

— Спенсер тоже заполнил анкету. Даже несмотря на то, что он сказал, что колледж его не интересует. Я думаю, ты оказываешь на нас положительное влияние, Чак. — Я улыбаюсь, обвивая руками его шею, когда музыка переходит в более медленную, мягкую песню. Половина толпы стонет, потеет и улюлюкает, в то время как остальные расслабляются под мелодию, покачиваясь вместе. — Мы должны получить ответ в декабре. Тогда мы и сможем решить.

— Решить что? — спрашиваю я, поднимая глаза, моё сердце колотится как сумасшедшее. Колледж кажется таким далёким, но на самом деле я узнаю, приняли ли меня в течение месяца, примерно в это же время мне исполнится восемнадцать. И у нас уже почти два месяца как начался учебный год. Это немного пугает — думать о будущем и всех его неизвестностях.

— Поступаем ли мы все. Ты же знаешь, что мы всегда вроде как планировали держаться вместе, верно?

— Вообще-то, я этого не знала, — отвечаю я, глядя Тобиасу в глаза. В его взгляде есть спокойствие, за которое я хватаюсь и цепляюсь. Мне нравится, как он смотрит на меня, как будто он более чем счастлив заботиться и обо мне, и о Мике. У него отзывчивое сердце.

— Мы так и не решили, хотим ли мы сначала попутешествовать или пойти в колледж, но мне нравится идея о том, что мы все вместе поедem в Колорадо, а тебе?

— Я почти уверена, что это было бы воплощением мечты. — Я морщу брови, а затем перемещаю левую руку между нами, чтобы посмотреть на розовый бриллиант огранки Ашер, подаренный мне Черчем. — Но как бы всё это работало? Я... просто предполагаю, что в какой-то момент вы захотите, чтобы я сделала выбор?

— Выбор чего? — спрашивает Тобиас, но прежде, чем я успеваю ответить, вижу, как Спенсер машет нам рукой. Мы с Тобиасом обмениваемся взглядами, а затем уходим с танцпола, направляясь туда, где маленькая красная мини-юбка Спенсера с оборками со свистом исчезает за деревьями.

Мы следуем за ним на небольшую поляну, занятую несколькими горячими и плотными парами, от которых у меня краснеют щёки, если я смотрю на них слишком пристально. Хорошо. Ага. Не моё дело. Я переключаю внимание на парня с каштановыми волосами, прислонившегося к дереву, одетого точно так же, как он был, когда мы видели его в последний раз: мешковатая футболка, свободные джинсы, кроссовки.

— Привет, Джек, — говорит Спенсер, давая пять брату. — Ты не нарядился?

— Нет, я не останусь, — отвечает Джек, глядя мимо Спенсера на остальных из нас. Меня, в частности. Он переводит взгляд своих голубых глаз обратно на Спенса. — Я вроде как надеялся, что мы сможем поговорить наедине?

— Ни за что на свете, — говорит Рейнджер, такой же устрашающий, как всегда, даже в парике и лавандовых туфлях на каблуках. Он скрещивает мускулистые руки на груди и ждёт, должна добавить, довольно нетерпеливо, чтобы продолжить. — Ну? Теперь мы знаем всё о Братстве Священнослужителей, так что же ты можешь сказать нам такого, чего мы *не* знаем?

— Господи Иисусе, чувак, говори потише, — шипит Джек, оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что в любой момент на него выпрыгнет монстр. Если бы кто-то это сделал, я имею в виду, что мы соответствующим образом одеты. На мне костюм Ведьмака, и парни готовятся сорвать маску, чтобы злодей мог прокричать что-нибудь о вмешивающихся детях. — Кто тебе рассказал про это дерьмо? И нет ли у них, случайно, долбаного желания умереть?

— Лайонел Мерфи, — легко произносит Черч, внимательно наблюдая за Джеком. Маленькими шажками, верно?

— Мы видели недостающие страницы из дневника Дженики, — говорит Спенсер, и Джек просто приподнимает бровь. Я предполагаю, что он никогда не видел и не слышал об этом таинственном дневнике. — И, чувак, мне неприятно это говорить, но это действительно доказывает, что ты виноват.

— Я? — Джек задыхается, снова оглядываясь по сторонам. Я не вижу никого, кроме счастливых пар, занимающихся сексом на поляне. Боже, подростки такие противные, да? Всё это из-за гормонов и прочей хрени. Чёрт, ноги Спенсера прекрасно смотрятся в этих гольфах. Я закрываю лицо ладонью, но никто не обращает на меня никакого внимания. — Мы с Дженикой были друзьями.

— Да? Значит, ты продаёшь друзьям отпускаемые по рецепту лекарства и кокаин, и тебе наплевать, что это делает с их жизнями? — спрашивает Рейнджер, делая шаг вперёд.

Спенсер останавливает его, протягивая руку, и они обмениваются долгим изучающим взглядом, прежде чем Рейнджер, наконец, с рыком отступает назад.

— Но я её не убивал, если ты на это намекаешь. — Джек умоляюще смотрит на младшего брата. — Ты меня знаешь. Я бы не стал этого делать, я не смог бы причинить ей боль.

— Где ты был, когда должен был подвезти её в ту ночь, в ту ночь, когда она умерла? — осторожно спрашивает Спенсер, не сводя пристального взгляда с лица брата. Близнецы медленно обходят нашу маленькую группу кругами, расталкивая пьяных гуляк и оставляя нам достаточно места, чтобы поговорить наедине.

— Когда она не появилась и не отвечала на звонки, я пошёл её искать, — говорит Джек, и то, как у него перехватывает дыхание, как на лбу выступают капельки пота, сразу говорит мне о том, что мне не понравится эта часть истории. — Она всегда встречалась с Лайонелом на поляне со старыми статуями ангелов. Я пошёл туда, и ... Я увидел то, чего не хотел видеть, ясно?

— Например, что? — спрашивает Спенсер, голос становится твёрже. Должна признать, он тоже довольно устрашающий — даже в своём, хм, великолепном костюме Велмы. — Ты не можешь быть более виноватым, чем сейчас, так что выкладывай. Ты ведь об этом хотел со мной поговорить?

— Я пришёл предупредить тебя, идиот, — отвечает Джек, наклоняясь к лицу брата. — Как ты думаешь, какого чёрта я проделал весь тот путь сюда, чтобы забрать тебя в тот день? Ты когда-нибудь задумывался, кто запер тебя в той хижине и почему?

— Братство, — говорит Черч, но Джек игнорирует его. Спенсер прав: он не похож на злодея, но он определённо эгоист и точно трус. Единственный человек, о котором заботится Джек — это он сам, почти полная противоположность брату. Спенсер был готов переписать всё своё мировоззрение, чтобы убедиться, что я вписываюсь в него, а Джек даже не был готов изменить своё расписание, чтобы встретиться со Спенсером пораньше.

— Этот культ, они реальные, конечно. Я видел, как они вытащили Дженику на поляну за волосы, босую и одетую в её долбаную ночную рубашку. — Рейнджер напрягается от слов Джека, и я с удивлением понимаю, что всё это имеет смысл. Дженика написала эту записку Лайонелу в дневнике и вырвала страницу, как будто торопилась, решив порвать свой дневник вместо того, чтобы найти отдельный листок бумаги. И то, как она оборвала ту последнюю запись в дневнике на полуслове? Она могла писать в нём, когда услышала или увидела что-то, запаниковала, а потом... у неё даже не было возможности одеться, прежде чем они добрались до неё. — Они были в масках, но я узнал голос Рика. Я имею в виду, он всегда кричал на неё, толкал, хватал за шею.

Марк и Селена, спотыкаясь, выходят на поляну позади нас, целуясь и стаскивая одежду с друг друга. Я закатываю глаза, потому что, к сожалению, уже видела эту конкретную процедуру раньше, и она меня не впечатлила. Член Марка даже меньше, чем у Коди, который, хотите верьте, хотите нет, меньше любого из пяти парней в моём... э-э-э, гареме. Спенсер, как ни удивительно, самый крупный.

С другой стороны, я ещё толком не разглядела Черча...

— Что случилось, Джек? — спрашивает Спенсер, смягчая голос ровно настолько, чтобы выразить сочувствие, но не настолько, чтобы Джек подумал, что этот разговор близок к завершению.

— Они зажгли несколько свечей, пели какую-то странную чушь, а потом обмотали ей

верёвку вокруг шеи и подвесили на дереве.

Вся наша группа замолкает, наше коллективное дыхание задерживается, когда мы думаем об этом, о том, как Дженику тащат по мокрой лесной траве в ночной рубашке. Мои мысли возвращаются к тому ужасному моменту в лесу в лагере «Сумеречный сон». Это вполне могло быть моей последней ночью на земле.

— И ты просто позволил им это делать? — спрашивает Рейнджер, и его голос, как осколок льда, вонзается мне в сердце. Если бы я была Джеком, я бы бежала, и не от культа, а от младшего брата девочки, которую мне не удалось спасти.

— Если они обнаружат, что я знаю, они убьют меня, — шепчет Джек, в то время как близнецы стоят спиной к остальным, внимательно наблюдая за Селеной и Марком. Однако, судя по её стонам, у меня возникает мысль, что она, по крайней мере, частично имитирует оргазм. — Кроме того, что я должен был делать? В одиночку напасть на целую группу психов? Позвонить в полицию? Они *владеют* полицией Натмега. А также у Братства есть доступ ко всему кампусу через туннели. У них даже есть *церковь* под школой. Я обошёл весь этот кампус исследуя каждую мелочь. Поверьте мне, я знаю, я видел кое-что, чего никогда не смогу забыть.

— Это какое-то невероятное дерьмо, Джек, — молвит Спенсер, но он не кажется полностью убеждённым.

— В этом участвует половина школьного совета и добрая четверть персонала. Не верите мне? Отлично. Но я, чёрт возьми, *жил* в этой школе. Я знаю здесь каждый дюйм. Семьи, которые в этом замешаны, могущественны, и я не собирался втягивать наших в эту неразбериху. Прости, Рейнджер. — Джек смотрит на брата Дженики с лёгкой гримасой и вспышкой боли, а затем быстро переключает внимание на Черча. — Может быть, у Монтегю и есть ресурсы, чтобы справиться с этим дерьмом, но для меня оно того не стоило. Я бы предпочёл держаться от них подальше, спасибо.

Я проскальзываю за спину Спенсера, так что оказываюсь между ним и Рейнджером, а затем беру одну из их рук в свои, присоединяясь к ним и утешая обоих одним махом. Спенсеру, должно быть, нелегко видеть брата в таком свете, и я знаю, что Рейнджеру нелегко слышать всё это.

— Тогда зачем запирать меня в домике? — спрашивает Спенсер, и Джек бросает на него взгляд.

— Ты шутишь, да? Они охотятся за твоей грёбаной подружкой. Каждый посвящённый должен обмыть руки кровью, и это *должен* быть человек, выбранный культом. Никаких исключений. Она опасный человек, держись от неё подальше. Они заперли тебя там только для того, чтобы убрать с дороги, но не думай, что они не убьют и тебя тоже, если им это будет выгодно. Почти уверен, что единственный человек, к которому они боятся прикоснуться — это он. — Джек машет рукой в направлении Черча, а затем качает головой, засовывая руки в карманы и вытаскивая пакетик с таблетками. — Теперь возьми это и притворись, что мы встретились, чтобы поговорить о делах, и не говори, что я никогда не рисковал ради тебя.

Спенсер делает, как просит его брат, но его лицо бледное, губы плотно сжаты. Я могу сказать, что он зол. Трудно сказать, из-за чего он больше всего расстроен; мы вроде как со многим здесь сталкиваемся.

Джек обнимает брата, а затем исчезает в лесу, как будто его там никогда и не было. Спенсер быстро смотрит на таблетки, а затем засовывает их в карман.

— Вы, ребята, в опасности из-за меня, — говорю я, на мгновение задумываясь над словами Джека. Парням действительно было бы лучше, если бы я уехала навсегда, а?

— Ты стоишь этого, Чак-лет, — отвечает Спенсер, поднимая глаза и встречаясь со мной взглядом. Он переключает внимание на Рейнджера, и оба парня долгое время изучают друг друга. — Дженика того стоит.

Рейнджер кивает, и мы направляемся обратно на вечеринку, оставляя стонущих Селену и Марка в темноте позади нас.

Арчибальд Карсон игнорирует меня, и мне это не нравится.

Я имею в виду, что большинство семнадцати, почти восемнадцатилетних подростков *хотят*, чтобы их родители игнорировали их, но не после того, как им сказали, что да, они почти уверены, что кто-то хочет их убить. Папа что-то знает; мистер Мерфи что-то знает; мистер Дэйв что-то знает.

Натан, надоедливый и, казалось бы, бесполезный ночной сторож, в последнее время довольно часто ходит за мной по пятам по приказу отца. Это заставляет меня задуматься, стал ли он чуть менее жутким и в большей степени на нашей стороне, но поскольку я точно не могу подойти к нему и спросить, что он знает о таинственном культе, скрывающемся в подземных туннелях под школой, я смирилась с его присутствием.

— Нам больше не удаётся поговорить, — говорит Моника, откидываясь на спинку кровати с коротко подстриженными тёмными волосами и непринуждённым макияжем. Это большой поворот для неё, учитывая, что в прошлом она предпочла бы остаться дома и пропустить выходные с вечеринками, чем показаться с небольшим вздутием живота после месячных.

— Эм, я умоляла тебя поговорить со мной, когда только приехала сюда, а вы с Коди отшили меня, как ни в чём не бывало, — напоминаю я ей, накручивая прядь светлых волос на палец и понимая, что уже вернулась к своему акценту девушки из Долины.

Моника съёживается, но я не получаю никакого удовлетворения от её реакции. С моей стороны нечестно говорить, что я прощаю её, а потом продолжать вспоминать её загул с Коди. И честно? Она оказала мне услугу. Я бы предпочла *любого* из своих новых парней Коди в любой день, не говоря уже о *пяти* восхитительно богатых мудаках.

Подождите-ка.

Восхитительно богатый мудака? Это звучит чертовски мерзко, как... дырка в заднице, покрытая шоколадным соусом или чем-то в этом роде. Фу. Мерзость.

— Ты права, — отвечает она, вздыхая и на мгновение закрывая глаза. Я знаю, что она забыла Коди, и кажется счастливой, но я почти также уверена, что он нравился ей гораздо больше, чем когда-либо нравился мне. Его предательство ранит. — У меня нет права жаловаться, но я скучаю по тебе. После того, как ты уехала, всё перестало быть прежним, как будто волшебство исчезло, когда ты пропала.

Я фыркаю, и она приподнимает прелестную бровь с микроблейдингом, глядя на меня.

— О, пожалуйста. Единственное волшебство, которое я привношу с собой — это врождённый талант выводить людей из себя, привычка ляпать неподобающие вещи и одержимость романтикой. Я влюбилась *во всех* парней из Студенческого совета. — Кстати, о... сразу после того, как мы вернёмся с осенних каникул, настанет время операции. Неделя дебатов, за которыми последует день выборов.

Возможно, они больше не мальчики из Студенческого совета.

И чтобы кто-то вроде Астер Хейз стал президентом? Нет, спасибо. Черч — грёбаный принц этой школы. Чёрт возьми, он даже на рекламных брошюрах.

— Кстати, где твоя компания бойфрендов? — спрашивает Моника, когда я сажусь и вытягиваю руку над головой, используя другую, чтобы более или менее сфокусировать телефон на своём лице.

— Ну, двое из них отработывают приёмы боевых искусств в тренажёрном зале, ещё один из них запекает в духовке, в то время как его лучший друг занимается математикой рядом с ним, а последний ждёт прямо за приоткрытой дверью этой комнаты.

— Извините, что прерываю поток сплетен, — говорит Спенсер, заглядывая внутрь, а затем проходит в комнату, когда я жестом указываю в его сторону. — Если тебе нужно рассказать про меня всякую чушь, я пойму. Просто обязательно дай ей знать, что на самом деле у меня самый большой член из всех парней.

— Я ещё недостаточно рассмотрела Черча, чтобы знать наверняка, — выпаливаю я, а затем со стоном падаю обратно на подушки. — Ладно, я вешаю трубку. Ты пробуждаешь во мне шлюху.

— Внутри каждой девушки есть шлюха, которая только и ждёт, когда её освободят от пуританских оков нашего общества, основанного на скромности, которое стыдит женщин за то, что они получают естественное удовольствие и властвуют над собственным телом. Наслаждайся всеми этими членами, и мы скоро поговорим!

Она заканчивает разговор, и я, в бесконечной грации и самообладании, случайно роняю телефон прямо себе на лицо. Спенсер мгновенно оказывается рядом, поднимает меня и заключает в объятия, как будто я на самом деле страдаю гораздо сильнее, чем просто от уязвленной гордости.

— Ах, Чак-лет, у тебя идёт кровь, — говорит он, поднимая руку, чтобы краем рукава своего блейзера стереть немного крови. Я пытаюсь шлёпнуть его по руке в ответ, чтобы он не испачкал униформу, но он игнорирует меня и вытирает жидкость с моей верхней губы. — Теперь мне будет трудно поцеловать тебя, детка.

— Детка? — спрашиваю я, скептически приподнимая бровь в его направлении. Но его невозможно не любить, с его самоуверенной улыбкой, живыми глазами и серебристыми волосами. Его лицо немного более угловатое, как у близнецов, но у него более квадратная челюсть, как у Рейнджера. — Это что-то новенькое.

— Я тестирую дополнительные прозвища, просто чтобы у меня были забавные способы позвать тебя с другого конца комнаты. Малышка казалась довольно ручной, но, зная, как сильно ты любишь оскорбления вроде лица в гандоне, поросычьей задницы и ёршика для унитаза, я решил, что в следующий раз проявлю творческий подход. Я валяю дурака с *моим маленьким кусочком тоста с острым соусом* в знак уважения к твоему любимому блюду на завтрак.

О, он помнит, что я люблю поливать французские тосты острым соусом... Слишком чертовски мило.

— Если тебе хочется крикнуть: «*Эй, тост с острым соусом!*» пересекая переполненную комнату, тогда это твой выбор. Просто не жди, что я отвечу. — Спенсер ухмыляется и наклоняется, целуя каплю рубиново-красной крови в уголке моего рта. Я снова отталкиваю его, но он только смеётся и утыкается лицом мне в шею. — Разве ты не знаешь о таких вещах, как болезни и всё такое прочее? Не слизывай мою кровь, это отвратительно.

— Не будь такой драматичной. Какими болезнями ты могла бы заболеть? — он садится и оглядывает меня в белой рубашке на пуговицах и клетчатой юбке, как будто я самая красивая женщина, которую он когда-либо видел. — В конце концов, я лишил тебя девственности, и я чист как стёклышко.

— Угу. — Я смотрю на него, но выражение его лица нежное, и я знаю, что он просто шутит. — Знаешь, — тихо начинаю я, опуская взгляд на свои колени и на секунду забывая о

разбитой губе. — Я всегда хотела парня, который любил бы меня в бальном платье и с накрашенным лицом, и также сильно любил бы меня в спортивных штанах с прыщом на носу.

— Похожий на тот, что у тебя сейчас? — понимающе говорит Спенсер, и я не соглашаюсь с ним.

— У меня нет прыща! Что с тобой не так, Спенсер Харгроув? — он улыбается мне, а затем протягивает руку, чтобы откинуть назад прядь моих волос. После того разговора с Джеком на Хэллоуин я была уверена, что он замкнётся в себе. Спенсер всегда говорил, что ненавидит ложь больше всего на свете, и Джек явно лгал ему в течение многих лет. Но вместо того, чтобы взбеситься и убежать, он здесь, и он справляется с этим. Я горжусь им. — Я пытаюсь быть поэтичной и романтичной и...

— Я готовился отсосать тебе, Шарлотта Карсон. Я изучал все тонкости анального секса, и если говорили, что силиконовая смазка была лучше, чем на водной основе, то так оно и было. — Он делает паузу и улыбается мне так, что это разбивает моё грёбаное сердце и склеивает его обратно одним взглядом. — Если ты думаешь, что я не полюбил бы тебя в спортивных штанах и прыщах, то ты просто ничего не видишь перед собой.

— Полюбил меня, да? — спрашиваю я, и Спенсер приподнимает тёмную бровь. Моё сердце выпрыгивает из груди, когда я думаю о признании Рейнджера и задаюсь вопросом, могло ли мне так повезти, чтобы услышать эту фразу дважды.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, Чак. — Он снова пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного. Но это не так. Это большое дело. Я наклоняюсь вперёд, кладу одну руку ему на ноги, губы нежно приоткрываются в ожидании. — Чёрт, ты не можешь так на меня смотреть.

— Повтори это ещё раз, — говорю я ему, наклоняясь ещё дальше вперёд, зная, что верхние пуговицы на моей рубашке расстёгнуты, и что я сижу именно так, чтобы было максимальное декольте.

— Я не боюсь слова на букву «Л», — говорит он, сверкая лисьей ухмылкой в мою сторону, а затем протягивает руку и проводит пальцем по моему горлу. — Я люблю тебя, Чак-лет.

— Даже если из-за твоей любви ко мне тебя убьют? — спрашиваю я, останавливаясь и отводя взгляд в сторону, на один из кофейных постеров Черча. Часть меня задаётся вопросом, что произошло бы, если бы я сбежала, если бы культ в конце концов сдался. Если бы меня здесь не было, были бы парни в большей безопасности? Может быть, они могли бы просто нанять для меня частную охрану, и я могла бы переждать это время в Санта-Крузе? Эта мысль сокрушительна, но теперь, когда мы знаем, с чем имеем дело, я не могу не задаться этим вопросом.

С другой стороны, если семьи, стоящие за этим, состоят в союзе — или, по крайней мере — близки к власти и влиянию Монтегю, то я не думаю, что они отпустили бы меня так легко.

— Я лучше умру за любовь, чем буду жить, не зная, как это больно, — отвечает Спенсер, улыбаясь. — А теперь скажи, что ты любишь меня в ответ, и давай сделаем это до того, как появятся другие придурки.

— Я люблю тебя, Спенсер Харгроув, — говорю я, и я говорю это серьезно, правда. Дело в том, что я почти уверена, что люблю всех пятерых парней. Одинаково. Что же делать бедной девушке?

— Мой папа никогда меня не отпустит, — говорю я, сидя на кухонном столе в юбке и наслаждаясь сменой власти, которую ощущаю на этой кухне. Год назад я готовила пироги с заварным кремом, и меня не пустили в столовую, в то время как Росс хныкал и хихикал рядом со Спенсером. А теперь я сижу здесь, и меня балует орда влюблённых парней.

Я постукиваю скрещенными лодыжками по шкафчику и думаю, как много может изменить юбка. По сути, теперь я роковая женщина. Эти парни *принадлежат* мне.

— Слезь с этой грёбаной столешницы и доделай фруктовый пирог, — говорит Рейнджер, указывая на свежеспечённый корж, на котором практически нет фруктов. — И сделай это хорошо. Нам нужно улучшить нашу компанию в Инстаграме. Наши блюда — это мусор.

Закатив глаза, я соскальзываю со стойки, а затем пригибаюсь, как чёртов ниндзя, когда близнецы бросают в мою сторону два шоколадных печенья, как будто это метательные звездочки или что-то в этом роде.

— У тебя получается всё лучше и лучше, — говорят они в унисон, как будто удивлены этим. Дело в том, что это не должно их удивлять. Я очень усердно занималась в тренажёрном зале и делала всё возможное, чтобы запомнить всё, чему они меня учили. И как доказательство, у меня даже болят мышцы. — Как жаль.

— Нам *нравилось* тыкать тебя едой в лицо и спину, — замечает Тобиас, ставя локоть на стойку и подпирая подбородок рукой. — Это уже совсем не то, когда ты становишься такой крутой по отношению к нам и всё такое прочее.

Рейнджер хватает чистую лопатку из ящика рядом с плитой и шлёпает Тобиаса ею по заднице.

— Вставай и заканчивай свои слойки с кремом. Противостояние с Эверли в этом году обещает быть жестоким, и я намерен победить. Я не позволю ленивым бездельникам разрушить мои шансы — *особенно* после того, как узнал, что над Дженикой издевались в Эверли из-за какой-то секты.

— Может быть, ты хочешь снять этот фартук, раздеться догола и сам полить сливочные слойки каким-нибудь особенным соусом? — Тобиас усмехается собственной шутке, а затем бледнеет, когда Рейнджер бросает в его сторону грозный взгляд.

— *Возвращайся к работе, ты, маленький засранец*, — рычит он, и Тобиас убегает делать то, что ему говорят. Черч, с другой стороны, уже закончил свой тирамису и теперь сидит в одном из кресел, работая над своими заметками о Дженике.

— Кстати, о Либби и камне, — говорит Черч, поднимая янтарные глаза. На подлокотнике его кресла стоит маленький эспрессо, а рядом на тарелке лежит маффин с кофейными зёрнами, покрытыми шоколадной глазурью. — То, что она владеет им,

указывает на то, что она является членом Братства, — продолжает он, уставившись на экран своего айпада. — Что делает Селену нашим самым вероятным кандидатом на роль нападавшей женщины.

— Технически, да, но как насчёт Рейнджера? — спрашивает Спенсер, указывая на друга. Он всё ещё работает над заварными рогаликами, которые божественно пахнут. — Если это дерьмо, типа, передаётся по наследству всем в семье, как отец Рейнджера может быть его частью, когда Дженика и Рейнджер — нет?

— А это то, что мы собираемся выяснить во время осенних каникул, — отвечает Рейнджер, решив закончить покрывать глазурью трёхслойный розовый торт с помадными розочками, ожидающими, когда их на него нанесут. — Мы будем вынюхивать, копать и выслеживать, а потом, если дело дойдёт до худшего, я предъявлю его заднице доказательства.

— Как я уже сказала, мой папа никогда меня не отпустит, — повторяю я, возобновляя наш разговор об осенних каникулах. Мы с папой всегда проводим День благодарения вместе, так что вероятность того, что он отпустит меня из *страны* в недельную поездку, смехотворна. — Более того, у меня нет паспорта.

— Ты не будешь противостоять ему, — говорит Черч Рейнджеру, игнорируя меня и откладывая Айпад в сторону, когда он поднимается на ноги, чтобы помочь Мике с несколькими довольно хреново выглядящими макаронами. По крайней мере, я не единственная, у кого иногда возникают проблемы на кухне. Черч натягивает фартук на бёдра и многозначительно смотрит на Рейнджера. — Твоему отцу не привыкать к скандалам. Если он смог избавиться от Дженики, то наверняка избавился бы и от тебя тоже.

— Ага, за исключением того, что Дженика не была его биологическим ребёнком, — говорит Рейнджер, и я замолкаю. Почти уверена, что другие парни так же шокированы этим заявлением, как и я. Переключив своё внимание на Черча, я замечаю короткую вспышку боли в его глазах, прежде чем он закрывает их. — Ты знаешь, что моя мама сначала была замужем за братом моего отца, верно? Он погиб в авиакатастрофе, когда Дженике было лет пять, и мама в каком-то подобии помутнения рассудка, вызванного горем, вышла замуж за его младшего брата, который ей никогда по-настоящему не нравился.

— Значит, вы с Дженикой кузены и родные брат и сестра? — спрашивает Спенсер, и Рейнджер одаривает его взглядом, от которого может свернуться молоко. Он очень быстро поднимает руки в знак капитуляции.

— Не делай из этого ничего странного. Это не похоже на инцест или что-то в этом роде. Остынь. — Рейнджер возвращается к пирогу, сосредотачиваясь на том, чтобы намазать немного кружева глазури по краям. Он делает это снова, выплескивая все разочарования. Хотя, по-моему, это довольно полезная отдушина. — Я просто говорю, что мой отец — мелкий, жалкий засранец. Так, может быть поэтому он решил сдать Дженику с потрохами?

— Но не завербовать тебя в Братство? — спрашивает Мика, и в комнате снова становится тихо. Через мгновение Черч подходит к тому месту, где стою я, достаёт из кармана маленькую синюю книжечку и кладет её на стойку рядом со мной.

Когда я протягиваю руку, чтобы взять её, я вижу, что это паспорт — с моим именем и фотографией на внутренней стороне.

Мой глаз дёргается.

— Я так понимаю, что, когда ты попросил меня встать у белой стены в нашей комнате, чтобы ты мог сделать снимок головы для зарисовки на уроке рисования, ты навешал мне

лапши на уши.

— Кучу лапши, — соглашается Черч, быстро кивая. — Итак, собирай вещи: ты едешь с нами в Лондон, нравится это директору Карсону или нет.

Судя по тому, как папа смотрит на меня, я уверена, что теперь я это сделала. Это буквально последняя ниточка в наших отношениях, за которую дёргают, решающий удар, если хотите.

— Ты не поедешь в Лондон, — говорит он, глядя на меня так, словно я сошла с ума. — Остановиться в доме Эрика Уоррена? Ни в коем случае. — Моё лицо бледнеет, потому что я совершенно определённо ничего не говорила о доме Эрика Уоррена. После признания папы мы решили, что он знает по крайней мере *что-то* о культе, а это значит, что он также может знать о возможной причастности Эрика. Вместо этого мы сочинили какую-то ложь о том, что останемся на неделю в квартире родителей Черча в Гайд-парке — это один из районов Лондона, где живут богатые люди.

— Я никогда не выезжала за пределы страны, — умоляю я, складывая руки вместе, как будто мне снова шесть лет. Да, мы собираемся встретиться с Эриком Уорреном, урождённым Вудраффом (он сменил фамилию на фамилию матери после политического скандала) в рамках нашего расследования, но... это нечто большее. Для меня это шанс увидеть другую часть мира, место, куда я никогда не думала, что вообще смогу попасть. — Чёрт возьми, пока мы не переехали сюда, я никогда не выезжала за пределы Калифорнии. Для меня это шанс всей жизни.

Со вздохом папа откладывает очки в сторону, а затем потирает переносицу, откидываясь на спинку стула, как будто он сильно вымотался. И я подразумеваю не только этот день, похоже, он чувствует изнеможение до мозга костей.

— Шарлотта, неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы ты страдала? — спрашивает он, опуская руки на колени и изучая моё лицо.

— Эм, да?

— Шарлотта Фаррен, — стонет он с таким видом, словно предпочёл бы совершить долгую прогулку по пирсу, чем продолжать разговаривать со мной. — Эрик Уоррен — опасный человек, и тебе нечего делать, отправляясь в чужую страну с кучей парней, которых ты едва знаешь...

— Я знаю их больше года, — поправляю я, — и мы через многое прошли вместе. Мы чуть не погибли в тех туннелях; мы все вместе оплакивали Спенсера. Они отвезли меня в *Диснейленд*. Почему ты не можешь просто смириться с тем, что они есть в моей жизни и, вероятно, будут ещё очень, очень долго.

— Независимо от твоих отношений с этими мальчиками, я не допущу, чтобы ты встречалась с Эриком Уорреном.

— Потому что ты знаешь, что он связан с Братством Священнослужителей.

Тишина.

Воцарилась гробовая тишина.

Кстати, у папы такой вид, будто он хочет прямо сейчас воткнуть смертельное копьё мне в глаз.

— Где ты услышала это название? — спрашивает он, и я морщусь. Принесёт ли мне сейчас какую-нибудь пользу, если я выдам мистера Мерфи? Или я просто навлеку на него неприятности? Потому что я этого не хочу. Он хороший человек, даже если он трус. Он действительно заботился о Дженике, и он даже пытался защитить меня, по-своему.

— Сейчас это не имеет значения, — отвечаю я, когда папа встаёт и обходит стол, подёргивая бровью. Я отступаю, потому что на данный момент знаю, что я по уши в дерьме. — Дело в том, что я знаю это название. И я знаю, что *ты* подтвердил то, о чём я уже итак думала: кто-то пытается меня убить.

— Шарлотта, — говорит отец, но в его голосе уже не так много тепла. На секунду он выглядит всего лишь как измотанный мужчина средних лет, которому нужен отпуск. — Ты ещё ребенок.

— Молодая девушка, восемнадцать через месяц, — бормочу я, но он слушает меня не больше обычного.

— Это не твоя задача — искать ответы. Твоя задача — ходить в школу и слушать то, что тебе говорю я. Я ничего не выдумываю только для того, чтобы сделать твою жизнь невыносимой. Есть люди, которые занимаются этим, но эти люди — не ты. — Он кладёт руки мне на плечи и смотрит на меня, по-настоящему смотрит на меня. — Когда я пришёл в Адамсон, признаюсь, я был невежествен. Я не знал, что происходит, и, возможно, не хотел знать. Но ты закончишь школу в конце года, оставишь это место позади и начнёшь строить будущее. А до тех пор ты должна соблюдать мои правила. Неужели ты не веришь, что я сделаю всё, чтобы защитить тебя?

— Со мной ничего не случится в Лондоне, папа. Ребята будут там, и действительно, там должно быть безопаснее, чем здесь, верно?

— Эрик Уоррен — лидер этого «культа», который ты так любишь обсуждать, Шарлотта. Ты не поедешь к нему домой — на этом наша дискуссия заканчивается.

— Но...

— Но что?! — кричит он, и мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы понять, что я сейчас наблюдаю. Отец. Срывается. Становится фиолетовым. Теряет контроль. — Ты хочешь оказаться на конце петли, как Юджин Мазерс? Шарлотта, я пытаюсь защитить тебя!

Мои глаза наполняются слезами, но в тот момент я точно не знаю почему. Во мне бурлит так много эмоций, что, кажется, в них невозможно разобраться. Внутри меня бушует буря, с небольшим количеством дождя, с облаками, но и с солнечным светом тоже.

Папе не всё равно. Он просто не умеет это показывать. Он не отпустит меня в Лондон. Он *боится* за меня.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Это очень опасная организация с многовековой историей, влиянием и властью. Тебе нужно остаться здесь, в этом кампусе, где Йен и Натан смогут присмотреть за тобой.

— Йен и Натан? — спрашиваю я, бросая взгляд на отца. — Библиотекарь и дерьмовый охранник, от которого пахнет Маунтин Дью?

— Шарлотта, у меня мигрень, и мне нужно прилечь. Пожалуйста. Возвращайся в общежитие и оставайся в своей комнате. Учитывая твоё замечание за то, что ты ворвалась в мой дом, и то, что ты получила, когда отсутствовала в комнате во время обхода на Хэллоуин, ты забираешься на опасную территорию. — Папа не упоминает, что почти каждый ученик в школе получил выговор за нарушение комендантского часа на Хэллоуин, но таков его путь. — Здесь ты в большей безопасности. Если бы я знал то, что знаю сейчас, я бы никогда не отправил тебя в Калифорнию.

— Парни могут нанять для меня частную охрану, — начинаю я, но папа не слушает. У нас был момент, но этот момент закончился. Он уходит от меня, выходит за дверь кабинета, ненадолго останавливаясь, чтобы окинуть взглядом пятерых парней, стоящих на кухне.

— Сэр, — осторожно начинает Черч, но тот сияющий блеск, который раньше появлялся в глазах отца при виде лучшего ученика нашей школы, сменился стальным раздражением, известным любому подростку, у которого когда-либо был чрезмерно заботливый родитель. Именно это благонамеренное упрямство иногда бросает вызов логике и реальности. — Если вам неудобно из-за Эрика Уоррена, тогда, возможно, мы действительно могли бы остановиться у моих родителей.

— Сынок, — начинает папа, и тогда я понимаю, что он становится смертельно серьёзным. Слово «сынок» обычно слетает с уст директора Карсона только тогда, когда он в полном дисциплинарном режиме. Черч в беде. — Ты надел кольцо на палец моей дочери, не спросив моего разрешения — мы не друзья.

— Боже мой, ты такой бумер! — я задыхаюсь, возвращаясь к старым привычкам. Глубоко вздохнув, я устраиваюсь поудобнее и пытаюсь противостоять суровому взгляду, который мой отец только что бросил на меня. — Сейчас уже не 1605 год. Я не принадлежу тебе, и Черч не обязан тебя об этом спрашивать. Единственный человек, которого он должен был спросить, это я.

— Ну, а когда свадьба? — спрашивает папа, пробуя другую тактику и поворачиваясь ко мне. Близнецы, Спенсер и Рейнджер отступают назад, не зная, как вмешаться в эту словесную перепалку. По крайней мере, я знаю, что, если отец снова попытается схватить меня, они вмешаются. — Потому что, по крайней мере, когда всё это закончится, вы будете вынуждены признаться в своей лжи. — Он направляется к двери, проносясь мимо парней и направляется к лестнице, а я, спотыкаясь, следую за ним. — И, кстати, ты не можешь покинуть страну без паспорта.

— У меня есть паспорт, — признаюсь я, вытаскивая его из кармана, когда папа останавливается, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку. Он оглядывается через плечо со смесью беспомощности и страха. Более чем вероятно, он понимает, что Черч Монтегю достал мне паспорт, не посоветовавшись с ним. Каким-то образом это означает, что Черчу удалось самостоятельно раздобыть всю необходимую документацию. По общему признанию, меня это тоже в равной степени завораживает и пугает. — А что, если я останусь с Монтегю? Что, если... Я обещаю не встречаться с Эриком Уорреном и даже близко к нему не подходить?

Прежде чем Арчи успевает ответить, раздаётся стук в сетчатую дверь.

— Привет? Есть кто-нибудь дома? Всё в порядке, я захожу. Я вхожу.

Дверь широко распахивается, впуская великодушную женщину со светлыми волосами и голубыми глазами.

— Мама, — начинает Черч, быстро моргая в редкий момент удивления. — Что ты здесь делаешь?

— Хотела увидеть тебя, глупышка, — говорит она, запечатлевая лавандовый поцелуй на обеих щеках Черча и оставляя пятна от губной помады. Близнецы и Спенсер хихикают, пока она не обращает на них внимание, ероша волосы и целуя лица. Даже Рейнджер не является исключением. Даже я не исключение. — Моя будущая невестка! — говорит она со слезами на глазах, притягивая меня к себе для объятий, пахнущих цветами, а затем обхватывает ладонями моё лицо, чтобы поцеловать в обе щеки и лоб.

Маму Черча невозможно не заметить, эту сияющую женщину в белой широкополой шляпе от солнца, перчатках и платье, облегающем её гибкие формы. Она выделяется, как солнечный луч, в тёмной, порой унылой атмосфере Академии Адамсон.

— Миссис Монтегю, — говорит папа, бросая на меня грозный взгляд. Честно говоря, я понятия не имела, что она появится здесь сегодня. Я поднимаю ладони вверх и раскидываю их в извиняющемся жесте капитуляции. — Чем я могу вам помочь? Академия рекомендует родителям звонить, прежде чем заезжать в гости или на экскурсию.

— О, не будьте смешным, — молвит она, пренебрежительно взмахивая рукой в перчатке, на другой руке у неё перекинут чехол для одежды. — Я была в Натмеге, чтобы поработать над небольшим бизнес-проектом, и решила заехать сюда, чтобы сделать Шарлотте подарок. Правильно ли, я услышала разговор о том, чтобы остановиться у нас? Шарлотте всегда рады в нашей семье.

— Мама, ты подслушивала? — отчитывает её Черч, но она отмахивается от него.

— Дети, — начинает папа, делая ударение на этом ужасном слове так, как может только он, — обсуждали поездку в Лондон на осенних каникулах. Как вы можете себе представить...

— Лондон? О, да, у нас есть квартира в Гайд-парке. Звучит как прекрасный способ провести каникулы.

В этот момент я осознаю две вещи: мать Черча вне всяких похвал, и она также вне привилегий. Она не знает значения слова «нет».

— Хотя я не против того, чтобы Шарлотта однажды отправилась исследовать мир, сейчас просто неподходящее время, — объясняет Арчи, наконец поворачиваясь и спускаясь по оставшейся части лестницы, чтобы встать рядом с миссис Монтегю.

— Если вас беспокоит надзор, то мы с Дэвидом более чем счастливы поехать с ними. О Шарлотте хорошо позаботятся. А теперь посмотри, что я тебе принесла. — Она расстёгивает молнию на чехле для одежды и достаёт белое платье, демонстрируя его на обозрение всей комнате.

— Что... это такое? — спрашиваю я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок необузданных эмоций. Я прекрасно знаю, что это такое.

— Это твоё свадебное платье! — отвечает миссис Монтегю, перекидывая его через руку и протягивая мне. — Это то же платье, что я надела, когда мне было семнадцать лет. Она вздыхает и поднимает глаза к потолку, как будто уже погрузилась в яркие грёзы о Дэвиде Монтегю в молодости.

— Видеть платье до свадьбы — плохая примета для жениха, — говорит Черч, выглядя немного бледнее обычного. Элизабет Монтегю отмахивается от его опасений.

— Это просто смешно. Мы с твоим отцом вместе выбирали это платье. Мы сбежали с ним в Париж. — Она снова вздыхает и обмахивает лицо веером. — Как ты думаешь, вы двое, возможно, захотите пожениться в Лондоне? Мы могли бы арендовать аббатство!

— ... аббатство? — спрашиваю я, замечая, что Черч бросает на маму взгляд, похожий на тот, которым я смотрю на своего отца, когда он совсем выходит из себя. Просто его мама перегибает палку совершенно по-другому.

— Вестминстерское аббатство, — говорит она, *как ни в чём не бывало*. Я давлюсь собственной слюной, заставляя Спенсера тереть и похлопывать меня по спине, чтобы помочь прочистить горло.

— Я думала, там могут жениться только члены королевской семьи? — мне удаётся выбраться, в то время как папа стоит ошеломлённый и безмолвный возле лестницы.

— У нас есть высокопоставленные друзья, — говорит Элизабет, а потом хихикает, как будто в этом нет ничего особенного.

— Мама, это даже отдалённо нереалистичный вариант, — начинает Черч, но она успокаивает его, прищёлкнув языком.

— О, тише, Черч. Держи, дорогая. А ты как думаешь?

Она протягивает мне платье, и я благоговейно беру его, опуская взгляд на расшитый бисером лиф, а затем снова поднимаю взгляд на её лицо. Конечно, я встречаюсь с её сыном, но... Я также встречаюсь с четырьмя другими парнями.

«Какого чёрта я здесь делаю?!»

Элизабет выглядит такой взволнованной перспективой женитьбы сына на мне в этом платье; она верит в олдскульную любовь с первого взгляда. Что произойдёт, если из этого ничего не выйдет?

— Миссис Монтегю... — папа вздрагивает, глядя на неприличное платье так, словно предпочёл бы сжечь его, чем смотреть, как я выхожу в нём замуж.

— Примерь его, — подбадривает она, махая мне руками в перчатках, а затем протягивает руку, чтобы поправить шляпу.

— Ты не обязана, если не хочешь, — мягко говорит Черч. Я поднимаю на него взгляд, а затем перевожу его на остальных парней. Они все... пялятся на меня. Все уставились на меня. Кто-то пытается убить меня. Как я вообще тут оказалась?

— Конечно, она хочет, — произносит Элизабет, пока я ошеломлённо ковыляю в направлении ванной на первом этаже. Позади меня раздаются голоса, когда я проскальзываю в туалет и закрываю за собой дверь, прислоняясь к ней спиной. Я включаю вентилятор, чтобы не слышать, о чём они говорят.

— Что я делаю? — удивляюсь я, глядя вниз на, по общему признанию, красивый вырез в виде сердечка на платье. Конечно, оно белое, но, когда я поворачиваю его к свету, на мерцающей ткани появляется едва заметный розовый отблеск. Оно выглядит старинным, и не только как платье мамы Черча, но и как антиквариат. Если и её, и моё обручальные кольца были куплены в антикварном магазине, то и платье тоже?

Выскользнув из школьной формы, я натягиваю платье через голову и стою, уставившись на себя в зеркало в полный рост возле двери.

Платье приталено, с бретельками, которые начинаются широкими на плечах и сужаются к низу лифа. Вышивка бисером сверху изящная, переплетающаяся в цветочные мотивы, которые переплетаются спереди и по бокам, переходя к спинке и свободным лентам, скрепляющим корсетную спинку. В то время как лиф облегающий, юбка пышная, верхний слой из атласа поверх нескольких слоев тюля.

Смотреть на свое отражение — всё равно что смотреть на незнакомку.

Где девушка-серфингистка с бронзовой кожей? А как насчёт придурковатого парня в очках?

Вместо этого я ловлю себя на том, что смотрю на кого-то совершенно другого. И дело не только в платье? Это просто жизнь, догоняющая меня.

Я медленно открываю дверь и, шаркая, вхожу в прихожую.

Элизабет зажимает рот руками, в то время как мой папа приобретает оттенок красного, который ещё не был идентифицирован в природе. Он похож на чан с клюквенным соусом.

— Шарлотта, — выдыхает Спенсер, его челюсть сжимается, когда он оглядывает меня. — Ты прекрасна.

— Так мило, — бормочет Рейнджер, закрывая глаза от этого зрелища, его кожа слегка розовеет.

— Ты выглядишь... хорошо, Чак, — говорят близнецы, удивлённо моргая, как будто не совсем уверены, как реагировать.

Единственный, кто хранит молчание — это Черч.

— Ну что, сынок, разве тебе нечего сказать невесте? — мать отчитывает его, бросая на парня очень острый взгляд.

Его янтарные глаза прикованы к моему лицу, но мне трудно понять, о чём именно может думать Черч. Неужели он разочарован во мне? Похожа ли я на ту невесту, о которой он всегда мечтал? Почему я вдруг чувствую себя такой чертовски застенчивой? Медленно, осторожно он открывает рот, чтобы заговорить.

Я обрываю его.

— Мне... нужно кое-что взять, — говорю я, и Черч замолкает, с любопытством глядя на меня.

— Кое-что взять? — эхом отзывается Спенсер, когда я подхожу к двери и засовываю ноги в резиновые сапоги. — Что значит «кое-что взять»? Откуда?

— Просто... из своей комнаты, — говорю я, полностью осознавая, что не совсем ясно соображаю. Если вы когда-нибудь видели фильм «Предложение» с Райаном Рейнольдсом и Сандрой Буллок в главных ролях, вы поймёте. У них фиктивная помолвка, и она убегает. И она убегает, потому что... любит его. Ну, и она не хочет причинять боль его семье.

— Шарлотта Фаррен, — предупреждает папа, но я уже открываю сетчатую дверь и задираю юбки так высоко, как только могу. — Что, чёрт возьми, ты делаешь?

Я начинаю бежать по тропинке, ветер развеивает светлые локоны вокруг моего лица.

— Я Сандра Буллокаю! — кричу я, проносясь мимо группы других студентов, работающих над проектом по микологии — это модно говорить о грибах — и направляясь напрямик в общежитие. Сейчас полдень, и повсюду люди, так что меня не так уж сильно беспокоит этот дурацкий культ или их кровное посвящение.

Я не прекращаю бежать, пока не проскальзываю в свою комнату в общежитии и не прислоняюсь спиной к двери, чтобы закрыть её. Только она не закрывается полностью, потому что кто-то пробивается внутрь с другой стороны.

Я поворачиваюсь, и мои мокрые резиновые сапоги скользят по полу, сбивая меня с ног, когда Черч входит в комнату позади меня. Он закрывает и запирает дверь, глядя на меня, вопросительно приподняв бровь.

— Мисс Карсон, — произносит он почти как мягкое наказание, отчего я морщу нос. — Ты сбежала от меня.

— Я не сбежала от тебя, — слабо протестую я, отводя взгляд в сторону чудесно чистого пространства под моей кроватью. Никогда в жизни мне не удавалось содержать комнату в чистоте, но Черч убирает её за нас. Он говорит, что ему нравится это делать, и я не могу решить, то ли он врёт как дышит, то ли это действительно доставляет удовольствие его ОКР (обсессивно-компульсивный синдром) или что-то в этом роде. — Мне просто нужно было кое-что забрать.

Черч садится передо мной на корточки, и я неохотно отрываю взгляд от зоны, свободной от клочьев пыли, и возвращаюсь к его аристократическому лицу. Выдающиеся скулы, кожа как алебастр, рот, который может излучать солнечные лучи, но в то же время остёр, как нож. Моё сердце и так колотится как сумасшедшее после безумного спринта по кампусу, но теперь я чувствую, что могу потерять сознание.

— Ты пробежала весь этот путь сюда в свадебном платье и резиновых сапогах, чтобы

что-то забрать? — он задаёт вопрос, и я киваю. Слова не приходят на ум. Я не уверена, что и сказать. Я даже не уверена, что должна чувствовать. — Расскажи где.

— В ящике моей тумбочки, рядом с искусственным пенисом.

Черч улыбается и встаёт, обходя меня, чтобы выдвинуть ящик и достать оттуда маленькую деревянную коробочку. Она отделена от старых журнальных фотографий, просто какая-то реликвия с урока рисования в начальной школе. Но когда он открывает её, откинув крышку и заглянув внутрь, он увидит это: заколку для волос моей мамы, украшенную жемчугом и кружевами. Она надевала её на свою собственную свадьбу с моим отцом, когда была ещё подростком.

— Это? — спрашивает он, возвращаясь и присаживаясь на край моей кровати. Черч наклоняется вперёд и убирает несколько моих светлых локонов назад, используя заколку, чтобы удержать их на месте. — Расскажи мне об этой заколке, Шарлотта.

— Она принадлежала маме, — говорю я, глядя на свои пухлые колени. — Она надевала её, когда выходила замуж за моего отца.

— Ты проделала весь этот путь сюда, чтобы забрать её? — Черч снова уточняет, и я пожимаю плечами, мои чёрные резиновые сапоги торчат из-под пышных юбок. — Почему?

— Ты видел «Предложение»? — спрашиваю я, поворачиваясь в сторону, чтобы посмотреть на него. Он такой... безупречно выглядящий, одетый в накрахмаленный блейзер цвета шампанского и слаксы, с прямым галстуком и без единой складки на рубашке.

— Лишь один раз, — добавляет он, кладя локоть на колено и внимательно наблюдая за мной. — А что?

— У них тоже фиктивная помолвка, но в конце концов девушка убегает со свадьбы.

— И это то, что ты имела в виду, говоря о «Сандра Буллокаю»? — спрашивает Черч, и я киваю. Его улыбка становится немного шире. — Интересная идея превратить имя актрисы в глагол. Мне нравится ход твоих мыслей, Чак. — Он на мгновение замолкает, обдумывая моё объяснение. — Значит, тогда заколка была действительно несущественной. Ты *сбежала*.

— Я убегала, чтобы защитить тебя, — отвечаю я, скручивая ткань в руках. — Тебя и твою потрясающую маму, и твоего действительно хорошего папу, и всех твоих сестёр... — я на мгновение замолкаю, пытаюсь разобраться в своих чувствах. — И я действительно хотела заколку моей мамы. — Уголки моих губ опускаются, и я резко хмурюсь.

— Пойдём, — говорит Черч, вставая и протягивая мне руку. Я хватаюсь за него и позволяю ему поднять меня на ноги, отряхивая платье сзади. Надеюсь, я не слишком испачкала его. До сих пор мне даже в голову не приходило, что я могла серьёзно испачкать или порвать его по дороге сюда. — Присядь со мной. — Он тянет меня на кровать рядом с собой, держа мои руки в своих. Один из его больших пальцев лениво обводит поверхность кольца. — И это всё? Ты думаешь, что, сбежав, ты защитишь меня?

Я перевожу взгляд с кольца на его лицо, наблюдающее за мной без осуждения, лишь намёк на беспокойство мелькает в его глазах.

— Я не хочу выкладывать... всё это, — говорю я, указывая на свою грудь, чтобы показать странную смесь чувств, таящихся там.

— Почему бы и нет? — спрашивает он, переворачивая мои руки, а затем проводя большими пальцами по точкам пульса на моих запястьях. — Ты боишься задеть мои чувства? — я качаю головой, пожимаю плечами, а затем киваю — просто мешанина противоречивых жестов. — Ты веришь, что они действительно теперь у меня есть? Или я всё ещё возможный психопат, ожидающий своего часа?

Я фыркаю.

— Нет, я больше не думаю, что ты психопат. То, как ты горевал из-за Рейнджера в лесу... — я замолкаю, потому что никто из нас пока не хочет говорить о том дне. Может быть, когда-нибудь, но не сегодня. — Если бы я ушла, разве вы, парни, не были бы в большей безопасности? Если бы я ушла, то Братство оставило бы вас в покое. — Мгновение я изучаю лицо Черча в поисках подсказок.

— Если мы имеем дело с какой-либо из семей, которые я в настоящее время подозреваю, то из этого никуда не денешься. Я мог бы нанять для тебя частную службу безопасности, но полагаю, что Братство захотело бы свести концы с концами. Они пришли бы за тобой; ты никогда не чувствовала бы себя в безопасности и никогда по-настоящему не была бы одна.

— Но, по крайней мере, вы, ребята, не были бы в опасности, — бормочу я, удивляясь, почему моё глупое сердце не перестаёт биться так быстро. — И тогда нам не пришлось бы лгать твоей семье о том, что мы поженимся.

Черч отпускает мои руки и откидывается на кровать, его ладони лежат на одеяле, лодыжки скрещены.

— Ты очень заботишься о нашем благополучии, да? — спрашивает он, но я не знаю, как на это ответить. Да. Я беспокоюсь о них в миллион раз больше, чем о себе. — Ты боишься выходить замуж? Или, может быть, тебе просто не нравится идея брака?

— Мои родители поженились, когда моя мама была молодой. Мой отец был так влюблён в неё, что я думала, они будут вместе вечно. Даже когда они развелись, даже когда она уехала на реабилитацию. Он *всё ещё* любит её, но она больше не любит его.

Некоторое время мы сидим в тишине, прежде чем Черч встаёт и достаёт нам пару чашек кофе в стеклянных бутылочках из своего милого маленького мини-холодильника. Он протягивает одну мне, а затем садится всего на несколько дюймов ближе, чем был раньше.

— Может быть, я думала, что их развод меня не беспокоит, но это не так? — спрашиваю я, сморщив лицо. — Звучит довольно жалко, да? Расстраиваться из-за развода? Я имею в виду, что у половины населения разведённые родители. И действительно, считаю, что высокий уровень разводов — это хорошо — это означает, что люди больше не терпят оскорблений и дерьма от своих партнёров.

— Но? — спрашивает Черч, когда я отвинчиваю крышку со своего кофе и делаю глоток.

— Но, полагаю... если мои родители не справились с этим? С чего бы это удалось нам? Может быть, то, что я чувствую к вам, ребята, — это просто сумасшедшие подростковые штучки. Кроме того, это ещё одна проблема брака, верно? Я могу выйти замуж только за одного из вас.

Улыбка, появляющаяся на губах Черча, удивляет меня.

— Только если законно, но есть и другие способы сделать это. — Я в шоке моргаю, глядя на него в ответ, когда его лицо приобретает такое решительное выражение. — Не хочу показаться придурком, но, возможно, твои родители не заботились друг о друге так, как я забочусь о тебе.

Ого. Его заявление отнюдь не прозвучало как придурковатое, оно меня ошеломило. С таким же успехом он мог бы признаться, что ему кажется, будто мы предначертаны звёздами или что-то в этом роде. Мои ладони потеют, и я вытираю их о покрывало, чтобы не испачкать юбку.

— Я... — у меня не хватает слов, когда Черч поднимает голову, глаза его сияют. В его

взгляде есть уверенность, которую я не чувствую, но, возможно, мне следовало бы. Глядя на него, действительно кажется, что у него есть какой-то план.

— Мои родители всё ещё вместе, — утверждает он, снимая крышку со своей бутылочки и медленно потягивая кофе. То, как он облизывает горлышко бутылки, определённо наводит на размышления. Он поворачивается, чтобы посмотреть в мою сторону, его янтарные глаза скользят по мне в свадебном платье его матери. — И, возможно, в то время твой отец был всем, в чём нуждалась твоя мать — иногда «навсегда» означает «только сейчас». — Черч на мгновение замолкает и тихонько вздыхает. — Но я не хочу, чтобы эта помолвка причинила тебе столько боли. Я вернусь и скажу маме, что свадьба отменяется; ясно, что твой отец больше не отошлёт тебя.

— Но твоя мама проделала весь этот путь, чтобы отдать мне платье, — начинаю я, сжимая в кулаке юбки, изо всех сил пытаюсь понять, почему мне так не хочется отдавать его обратно.

— Я могу подождать и сказать ей позже, если ты так хочешь, — говорит Черч, наблюдая за мной со своим стоическим спокойствием. — И ты можешь оставить кольцо себе. Оно твоё, даже если ты захочешь продать его и оставить себе деньги.

— Ты выбрал его для меня? — спрашиваю я, и Черч кивает.

— В антикварном магазине, точно так же, как мой отец выбирал кольцо для моей матери. Вот куда я пошёл, когда исчез перед твоим нападением в Санта-Крузе. Близнецы сказали мне, что ты волнуешься из-за этого. — Моё лицо краснеет, и я пытаюсь что-то объяснить, но... ладно, это правда. Черч всегда была немного подозрительным, верно?

— Ты был в Натмеге? — спрашиваю я, и он кивает.

— Всего одну ночь — я никак не мог определиться, какое кольцо выбрать. А потом я отнёс его домой, чтобы показать родителям и попросить их благословения. — Он терпеливо сидит, ожидая, пока я снова соберусь с мыслями. — Я рад, что мы смогли вернуть тебя в Адамсон. Но всё изменилось. — Черч берёт меня за руку и осторожно сдвигает кольцо к кончику моего пальца.

— Подожди, — говорю я, отводя руку назад и поправляя кольцо. Я чувствую себя собственницей, прижимая его к груди.

Он снова улыбается мне.

— Оставь его себе. Но тебе больше не обязательно его носить.

Наши глаза встречаются, мои ищут подсказки в нём.

— Я действительно нравлюсь тебе, Черч? Имею в виду, я знаю, ты сказал, что это так на горячих источниках, но... ты не должен быть помолвлен с девушкой, которая тебе не нужна.

— Кто сказал, что я помолвлен с девушкой, которая мне не нужна? — отвечает он, ставя свой кофе на комод в изножье моей кровати и поворачиваясь обратно ко мне. Он берёт меня за подбородок длинными пальцами и изучает моё лицо. — Обычно я не делаю того, чего не хочу делать.

— Да, но это было просто для того, чтобы вернуть меня в Адамсон, верно?

— Так ли это? — отвечает он, отвечая на мой вопрос ещё одним своим собственным. Черч наклоняется вперёд и целует меня в губы, просто так, мягким касанием губ, похожим на прикосновение крыльев бабочки. — Мне нравится видеть тебя в платье моей матери, Шарлотты Фаррен Карсон.

Моё дыхание учащается, и я изо всех сил пытаюсь найти слова, чтобы ответить на это.

Черч снова прижимается губами к моим губам, и мои глаза закрываются сами по себе.

Медленно, словно боясь испортить момент, если будет двигаться слишком быстро, он снова целует меня. Точно так же, как в ту ночь во внутреннем дворике его родителей, я ловлю себя на том, что таю от его прикосновений, раскрываю губы для его языка. Мой кофейный напиток падает на пол и закатывается под кровать Черча, но никому из нас нет до этого дела.

Вместо этого я обнаруживаю, что откидываюсь на подушки, а его тело распростёрто над моим, гибкое, но мускулистое, пахнущее сиренью и розмарином. Его рот прижимается к моему, расслабляя меня и срывая с моих губ сладкие вздохи и звуки удовлетворения.

— Она не обязательно должна быть фиктивной, если только ты сама этого не хочешь, — шепчет он, его руки скользят вверх и под пышные юбки платья. Тёплые ладони ласкают мои обнажённые бёдра, когда он устраивается у меня между ног, целуя каждый уголок моего рта нежнейшими прикосновениями.

Он сдерживается. Я уверена в этом. Но почему? Мне даже в голову не приходит, что он может быть так же напуган, как и я, так же не уверен, но также влюблён.

Любовь.

В последнее время это слово часто всплывает, разве не так?

— Ты действительно женишься на мне? На странной, придурковатой бедной девочке, у которой мама — горничная, а папа — учитель?

— Ты знаешь мой секрет, — отвечает он, и на его лице появляется лёгкий намёк на печаль. — Моя биологическая мать тоже была горничной. Мы ничем не отличаемся, ты и я. — Длинные пальцы Черча дразнят пояс моих трусиков, заставляя меня резко втянуть воздух. Он так долго избегал прикоснуться ко мне, и теперь я понимаю почему. Каждое место, с которым соприкасается наша кожа, вызывает покалывание. Это похоже на то, как будто по моей коже пробегают маленькие разряды энергии. — Для меня было бы честью жениться на тебе, но только если ты тоже хочешь меня.

— Я хочу... — шепчу я, но то, как я замолкаю, заставляет его задуматься. Черч перестаёт целовать меня, заглядывая мне в лицо со сладкой смесью разочарования и тоски. — Но я хочу и их. — Мне почти больно говорить это, но я знаю, что должна. Каждый день мне доставляет беспокойство, когда я задаюсь вопросом, будет ли выдвинут ультиматум или вдруг истечёт срок действия нашего договора.

— Они моя семья, Шарлотта, — говорит Черч, опираясь на руки по обе стороны от меня. — Они никуда не денутся. — Он улыбается мне, а затем наклоняет голову, чтобы снова поцеловать меня. Однако на этот раз в этом есть что-то особенное. Это похоже на его личность: наполовину солнечный свет, наполовину железный контроль. Это часть того, кто он есть, часть того, чтобы быть Монтегю.

— В тумбочке есть презервативы, — шепчу я, и Черч кивает, его глаза прикрыты, когда он смотрит на меня. Мы снова целуемся, одна его рука поднимается и ложится на изгиб моей талии, другая скользит под трусики. Часть меня знает, что мы должны снять свадебное платье, но остальной части меня всё равно.

Черч водит пальцами одной руки по моей ключице, в то время как другой дразнит смущающее количество влаги у меня между ног. Мне тоже отчаянно хочется прикоснуться к нему, но, когда я опускаю руки к его брюкам, он хватает меня за запястье.

Не сводя с меня глаз, Черч садится и тянется к галстуку, осторожно развязывая его и снимая с себя. Затем парень берёт его и оборачивает вокруг одной из стоек в изголовье кровати, а затем вокруг моих запястий, завязывая таким образом, чтобы тёмно-синий шёлк

плотно облегал меня, но позволял коже дышать.

У него самого перехватывает дыхание, когда он садится на корточки и оглядывает меня, связанную школьным галстуком Академии Адамсон и одетую как его невеста. Солнечный свет струится через окно, окрашивая медовые волосы Черча в золотистый цвет, пока он изучает меня.

— Чего ты ждёшь? — спрашиваю я, обливаясь потом и изо всех сил стараясь не корчиться под ним. Но я отчаянно хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Отчаянно.

— Я наслаждаюсь моментом, — легко отвечает он, и его губы растягиваются в дьявольской ухмылке. — Если бы я был другим человеком, я бы, наверное, сделал фото. Может быть, даже снял видео?

— Не смей, — рычу я, но Черч только посмеивается.

— Я не буду. В конце концов, это лишь для того, чтобы я получал удовольствие. Если бы я заснял это, держу пари, один из этих придурков в какой-то момент завладел бы моим телефоном и увидел доказательства. — Черч наклоняется и целует меня в шею, заставляя меня поёжиться. — В целом, я не против поделиться, но некоторые вещи предназначены только для меня. Это одна из них.

— Ты правда высокомерная свинья, да? А ведь на секунду мне действительно показалось, что ты милый.

Ящик прикроватной тумбочки выдвигается, и оттуда достаются презервативы.

— Ты думала, я хороший? — спрашивает Черч, ухмыляясь. — Это твоя ошибка.

— Я действительно только что... согласилась... выйти за тебя замуж или что-то в этом роде? — спрашиваю я, но он не отвечает словами, вместо этого используя своё тело, чтобы заполнить пробелы. Он глубоко целует меня, прикосновение его губ прорывается сквозь всю эту чушь и проникает прямо в мою душу.

Я никогда не ожидала, что мне понравится в Академии Адамсон; я определённо не ожидала, что мне понравится Студенческий совет.

И всё же приезд сюда — это лучшее, что когда-либо случалось со мной.

Черч удовлетворённо вздыхает и расстёгивает брюки, открывая мне твёрдую длину своего члена. Я вижу его не в первый раз — горячие источники, помните? — но теперь, когда мы одни, теперь, когда наши намерения прояснились, всё как-то по-другому.

Он надевает презерватив, а затем просовывает руку мне под платье, чтобы снять трусики, засовывая их в карман своего блейзера, прежде чем снять его и отбросить в сторону.

— Я не могу поверить, что мы делаем это, — бормочу я, когда Черч задирает белые юбки вокруг моих бёдер, проводит языком по моей шее, а затем прижимается губами к моему бьющемуся пульсу.

— Почему это? — спрашивает он, глядя на меня сверху вниз.

— Потому что весь прошлый год я даже не была уверена, нравлюсь ли я тебе.

— У всех нас есть свои секреты, Чак, — шепчет он, как раз перед тем, как скользнуть в меня, поддерживая себя одной рукой, а другой касаясь моего лица. Он ни на секунду не перестаёт смотреть мне в глаза, даже когда его тело движется внутри моего, вызывая слёзы удовольствия в уголках моих глаз. Я пытаюсь встретиться с ним взглядом, но он такой напряжённый, что в конце концов я отворачиваюсь. Он поворачивает меня обратно к себе, проводя большим пальцем по моей нижней губе и заставляя меня дрожать.

Когда он целует меня снова, мои глаза закрываются сами по себе, и он оставляет их в

покое, проводя губами вниз по моей шее и побуждая меня приподнять грудь навстречу прикосновению его губ.

Это медленно и мучительно, но наилучшим из возможных способов, как медленно разжигают огонь, а затем оставляют гореть. И я горю.

— Черч, — стону я, пытаюсь опустить руки по швам. Но я в ловушке, и не только физически. Моё сердце тоже в ловушке, застряло прямо здесь, в Академии Адамсон.

Я просто надеюсь, что это не превратится в буквальное утверждение.

Моё тело предаёт меня, мышцы напрягаются, удовольствие волной захлёстывает меня.

Черч прерывает мой вздох поцелуем, берёт за подбородок рукой, овладевая мной нежным нажатием пальцев. Он отодвигается назад, а затем, с ещё одной озорной улыбкой, исчезает под моими юбками. Меня всё ещё трясет, и я ещё не совсем пришла в себя, но я хочу большего. Я жажду этого.

Или, может быть, я просто страстно желаю его?

Пальцы Черча обхватывают мои бедра, удерживая меня на месте и давая мне урок алфавита своим языком.

Кажется, для него не составляет никакого труда доставлять мне множественные оргазмы.

Промокшая от пота, я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, когда он выныривает, чтобы глотнуть воздуха, глаза темнеют от неистового жара, охватившего нашу комнату.

— Ты делал это раньше, да? — спрашиваю я, моё тело дрожит, когда он поднимается ко мне, небрежно облакачиваясь локтем на кровать и подпирая голову рукой.

— На самом деле, не так уж много. Две девушки, по одному разу каждая. У тебя больше опыта, чем у меня.

— Но... у тебя правда хорошо получается, — выдыхаю я, тяжело дыша, мои руки горят, но этот жгучий жар внизу живота горит ещё сильнее.

— Я слишком много читаю, — говорит Черч, указывая на стопку манги на ночном столике. — Много *хентай*, — шепчет он, прижимаясь губами к моему лбу. Кстати, хентай — это японское порно. — Случайные романы. Знаешь, какой мой любимый жанр?

— Я вот-вот это узнаю? — я смотрю на него, всё ещё тяжело дышащая, всё ещё связанная.

— Хулиганская романтика, — отвечает он с улыбкой. — Мне нравится видеть, как плохие парни в конце концов искупают свою вину.

— И кто здесь плохой парень? — спрашиваю я, приподнимая бровь, когда Черч садится и наклоняется надо мной, чтобы взять одну из книг, открывая на странице, которая была аккуратно отмечена закладкой.

— Ты. Ты хулиган, Чак Карсон. Ты опрокинула мой проект в воду, а потом отказалась извиниться. Когда мы попросили тебя помочь исправить твою ошибку, ты повела себя так, словно мы были неправы. Итак, в этом сценарии ты хулиган, пытающийся вернуть моё доверие, потому что ты безумно влюблена в меня.

— Это то, что здесь происходит? — спрашиваю я, но мой голос слишком затуманен из-за двойного оргазма; сейчас я не очень-то похожа на хулигана. Больше похожа на девочку, которая просто пытается понять, как стать взрослой.

— *«Он использует член, язык и пальцы, чтобы доставлять мне удовольствие снова и снова, пока я не почувствую, что разрываюсь на части. А потом я позволила ему снова*

соединить меня со своим телом. Вот тогда-то я и поняла, что принадлежу ему — целиком и бесповоротно». — Черч перестаёт читать и позволяет обложке закрыться, рассеянно перелистывая страницы.

— Значит, ты хочешь принадлежать мне, целиком и бесповоротно? — спрашиваю я, и в мой голос возвращается немного сарказма. Хах! Выкуси, Черч, большое старое доминирующее каноэ для придурков. — Меня это устраивает.

— Нет, Шарлотта Карсон. Может, ты и задира, но я босс. — Он улыбается и закидывает левую ногу на мою, перемещаясь между моими бёдрами и хватая меня за задницу, чтобы поправить мои бёдра. — Мы воссоздадим каждую сцену в этой книге, начиная с этой. Герой связывает героиню после их свадьбы и берёт ее нежно и медленно. Он не беспокоится о собственном удовольствии, пока она не задрожит. — Черч поворачивает голову в сторону и оглядывает меня. — Это должно сработать.

Он накрывает моё тело своим, осторожно входя в меня дюйм за дюймом, так медленно, что кажется, будто мы никогда полностью не соединимся.

— Моя маленькая калифорнийская девочка, — шепчет он мне в губы, двигаясь внутри меня, пока я снова не кончаю, а затем, используя дрожь моего тела, достигает своей собственной кульминации.

После этого Черч развязывает меня, оставляя распущенный галстук на моём запястье, и целует меня до тех пор, пока солнце не садится низко в небе.

— Мы только что осквернили свадебное платье твоей матери, — шепчу я ему в губы.

— Да, — говорит он, и наши лбы плотно прижимаются друг к другу. — Да, мы это сделали.

Когда Черч сказал мне, что поездка на самолёте его семьи выставит первый класс на посмешище, он не шутил. Самолёт, на который мы в конечном итоге садимся, находится в частном аэропорту, недалеко от Натмега, и внутри он настолько наворочен, что по сравнению с ним дом моего отца в Адамсоне выглядит как свалка.

— Грёбанные богачи, — бормочу я, когда Тобиас тычет меня в спину и побуждает зайти внутрь того, что по сути является модной маленькой обеденной зоной. Вокруг обеденного стола и прямо напротив длинной стойки с настенным телевизором над ней расположены четыре кресла — похожие на обычные самолётные, но обтянутые кожей.

— Верно, иногда я забываю, что ты крестьянка, — поддразнивает Тобиас, когда я останавливаюсь, чтобы пихнуть его локтем в бок. Мой отец, каким бы ужасным он ни был, не сравнится с Монтегю. Я еду в Лондон, даже если он этого не хочет. — Бедные люди ведь нечасто путешествуют?

Мой глаз дёргается, когда я бросаю уничтожающий взгляд на высокую, худощавую фигуру Тобиаса МакКарти.

— Путешествия требуют денег, а миллиардеры тратят всё это впустую и не платят справедливую заработную плату, так каков, по-вашему, ответ на этот вопрос?

— Садись, Чак, и расслабься, — говорит Мика, обходя меня сзади и плюхаясь на одно из мест вокруг обеденного стола. Я занимаю место напротив него, и Спенсер садится рядом со мной. Рейнджер, Тобиас и Черч, с другой стороны, занимают диваны в узкой «гостиной».

Я всё ещё прихожу в себя от позора, который испытала на днях, ну знаете, когда остальные застали нас с Черчем в обнимку в мятом свадебном платье. Я бы с таким же успехом осталась здесь.

«Пять на пять, верно, Спенс?» — думаю я, пристёгивая ремень безопасности и постукивая пальцами по поверхности стола. Мы вроде как ждём Элизабет и Дэвида, которых застучали целующимися на улице. По-видимому, такое часто случается, когда Монтегю теряются друг в друге.

— Шампанское? — спрашивает стюардесса, и я бросаю взгляд в сторону Черча. Он слегка пожимает плечом.

— Мои родители, скорее всего, большую часть полёта будут сидеть за своими ноутбуками или смотреть друг другу в глаза; им всё равно, пьёшь ты или нет.

Тогда я беру немного шампанского и чокаюсь бокалами с Микой и Спенсером.

— Мы улетаем из страны, и прощай, сумасшедший культ, — бормочу я себе под нос, откидывая голову назад и делая большой глоток. Я обещала папе, что не пойду в дом Эрика Уоррена, и я намерена сдержать это обещание.

Но Рейнджер пойдёт.

Остальные останутся здесь и присмотрят за мной.

Это игра в кости, но попробовать стоит, верно?

По крайней мере, я получаю путёвку в Лондон.

— Всегда ли бедные люди носят грязные, неподходящие друг другу носки с сандалиями на частных самолётах стоимостью в несколько миллионов долларов? — спрашивает Мика, когда Спенсер улыбается. Им нравится объединяться, чтобы придирается ко мне. Я пинаю его по голени под столом, и он корчит мне рожу.

— Они не грязные! Они просто... обесцвечены от частого использования, ясно? Боже. Отдай мне должное.

— Э-э-э, а сандалии с разными носками — типа так круто носить в Лондоне зимой? — спрашивает Спенсер, и я бросаю на него взгляд. — Пожалуйста, только не говори мне, что ты одета в то грязное мужское нижнее бельё, которое тебе так нравится.

— Оно никогда не было грязными, — ворчу я, тыча его в руку, когда Монтегю наконец садятся в самолёт. Элизабет проносится, как ураганный ветер, с её присутствием приходится считаться. Я опускаю взгляд на кольцо, а затем снова поднимаю на неё, и тяжесть спадает с моей груди.

Я никогда не представляла свою жизнь такой, какой она стала, но... Мне нравится, в каком направлении всё развивается.

Мне нравится быть помолвленной с Черчем и печь гольшом с Рейнджером, смотреть гей-порно со Спенсером (мы правда сделали это лишь однажды), участвовать в гонках с Микой, заниматься боевыми искусствами с Тобиасом.

— Готовы? — спрашивает Элизабет, ещё раз целуя Черча в лоб, прежде чем сесть на своё место.

Стюардессы садятся, пристёгивают ремни безопасности, и мы готовимся к взлёту.

— Ты выглядишь как с Западного побережья, — шепчет Рейнджер мне, Тобиасу и Мике. Может, я и ношу сандалии с носками, но они отлично сочетаются с большими пышными жилетами без рукавов с мехом вокруг вырезов и шортами. — Чертовски холодно, туман, моросит дождь. Вы, ребята, просто смешны.

— Но гид сказал, что он никогда не слышал, чтобы кто-то называл Вестминстерское аббатство «крутым местом», верно? Это уже что-то! — сейчас я в хорошем настроении, потягиваю чай на вынос и наслаждаюсь относительной тишиной сельской местности, пока мы поднимаемся по извилистому холму к Хайгейтскому кладбищу. Сегодня у нас будет частная экскурсия, и я очень взволнована.

— О, это уже в порядке вещей, — произносит Рейнджер, закатывая глаза. Хотя он не может этого отрицать: ему нравится моя бестолковость, он это *признал*.

Мы обошли все туристические достопримечательности — Музей естественной истории и Британский музей — одни из моих любимых, — но я рада ненадолго спрятаться от толпы и передохнуть.

— Не могу поверить, что мы проделали весь этот путь сюда, чтобы увидеть кучу мёртвых людей, — говорит Спенсер, вращая чёрным зонтом над нашими головами, когда мы приближаемся к паре открытых ворот, по одному с каждой стороны дороги. Та часть кладбища, с которой мы начинаем, открыта только для экскурсий, в то время как другая

сторона открыта для публики. Как бы то ни было, они оба одинаково жуткие, погружённые в туман и совершенно похожие на фильмы ужасов по внешнему виду.

— Менее интересно, чем мёртвые люди, — молвит Мика, когда мы переходим улицу, и Черч расспрашивает женщину в сувенирном магазине о нашей экскурсии. — Камни, лежащие поверх земли там, где похоронены мёртвые люди. Скукотища.

— Это было единственное из моего списка, так что притормози, придурок, — говорит Рейнджер, засовывая руки в карманы своих чёрных брюк-карго и изучая кирпичную арку над нашими головами. — Мне нравится такое дерьмо.

— Нет, ты *хочешь*, чтобы тебе нравилось такое дерьмо, — произносит Спенсер, поворачивая свой телефон и показывая видео, на котором щенки бордер-колли пасут утят. — Но на самом деле, вот твоя вещь, чувак. Просто прими это. — Рейнджер убирает телефон от лица и притворяется, что ему это неинтересно, но в его глазах появляется огонек, который он просто не может скрыть.

— Сюда, друзья мои, — зовёт Черч, жестом приглашая нас выйти из сувенирного магазина в центральный внутренний двор, где ждёт наш гид. Старик представляется, а затем заводит речь о кладбище. Тем временем мой взгляд уже блуждает по поросшему деревьями холму позади него, надгробия выглядывают из тени.

Мою шею покалывает от беспокойства, и я оглядываюсь по сторонам, ожидая увидеть тех уродов в лисьих масках, поджидающих меня рядом с мавзолеем. Когда я осматриваю местность, там никого и ничего нет, но это ощущение довольно стойкое, пока мы поднимаемся на холм, останавливаясь возле некоторых могил, чтобы послушать истории о них.

Поначалу я настроена довольно скептически, но чем дальше мы углубляемся в экскурсию и кладбище, тем больше я начинаю в это погружаться. На кладбище есть участок под названием Египетский проспект, который выглядит как декорация к приключенческому фильму. По словам гида, в здешних гробницах обитает редкий вид пауков, которым для процветания требуется полная темнота.

— Но не волнуйтесь, — говорит он со смехом и машет рукой, — они не могут выйти днём, так что вы в полной безопасности. — Я иду по тёмному коридору, по обе стороны которого стоят могилы, и обхватываю себя руками.

— Это так чертовски жутко, — бормочу я, когда близнецы подкрадываются ко мне сзади. Один из них оттягивает мой воротник назад, а другой опускает что-то с ножками мне на спину. С криком я начинаю срывать с себя толстовку и размахивать ею, в то время как Рейнджер ругается себе под нос, а Спенсер подходит и хватается за руки.

— Эй, эй, эй, Чак-лет, — шепчет он, пока парни МакКарти смеются надо мной. Я не могу их точно разглядеть, потому что моя толстовка натянута мне на лицо, но Спенсер не даёт мне снять её до конца, снова одёргивая. — На этот раз это просто пластиковый паук.

— На этот раз, — стону я, расслабляясь от облегчения, а затем замечаю довольно прохладный ветерок, обдувающий мой живот. — Мой лифчик виден, да? — спрашиваю я, думая о сцене из *«Дрянных Девчонок»*, где учительница пытается стянуть с себя свитер, а в итоге поднимает вместе с ним и рубашку. Да, именно это сейчас со мной и происходит. — Тот, что с прозрачными кружевами и бантиками?

— Он самый, — отвечает Спенсер, поправляя толстовку на место, а затем быстро целует меня в губы, пока близнецы дают друг другу пять и продолжают подниматься по тропинке.

— Я убью этих ублюдков, — бормочу я, прищуривая глаза и продолжая следовать за ними, в этот действительно крутой круг мавзолеев, который раньше окружал гигантский кедр. Очевидно, он перевернулся во время недавнего шторма, но всё равно чертовски впечатляет.

В конце концов, мы оказываемся в катакомбах, вдыхая прохладный, затхлый воздух, в то время как наш гид использует фонарик, чтобы показать нам окрестности.

— Сюда, — говорит он, подпрыгивая на месте, подводя нас к очень необычному гробу и начиная рассказывать о жизни и временах хирурга, который там похоронен. Пока он говорит, у меня снова возникает это чувство, я кладу руку себе на затылок и оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, не выглядывает ли из тени какое-нибудь животное или что-то в этом роде.

Но там ничего нет, совсем ничего.

Моё дыхание чуть учащается, и Спенсер замечает это. Он такой внимательный. Держу пари, однажды он стал бы хорошим отцом.

Я замираю, как олень, попавший в свет фар.

— Ты в порядке? — шепчет он, стараясь не прерывать восторженную речь нашего гида.

— У меня не будет детей, пока мне не исполнится тридцать, — выпаливаю я, и Спенсер бросает на меня самый странный взгляд, какой только известен мужчине, прежде чем разразиться смехом.

— Ох, Чак-лет, — говорит он, сгибаясь пополам от смеха, когда остальные оглядываются, чтобы посмотреть, из-за чего весь сыр-бор.

Моя случайная катастрофа с высказыванием на какое-то время усыпляет мою бдительность, заставляя забыть об этом жутком чувстве.

Какая ошибка.

Мы продолжаем нашу экскурсию по галерее с кирпичными сводами, а затем возвращаемся ко входу. Я стою в конце группы со Спенсером, пытаюсь избежать его поддразниваний по поводу всех детей, которых он собирается мне подарить, когда слышу позади себя звук поношенной обуви.

Чья-то рука зажимает мне рот, и меня выдёргивают обратно в темноту. Железные ворота передо мной захлопывают два человека в толстовках, и пока один из них задвигает засов на двери, другой поворачивается ко мне, и я вижу лисью маску под его капюшоном.

— Чак! — Спенсер кричит, когда другие парни оборачиваются и видят, как меня тащат сквозь темноту. Наш бедный гид выглядит так, словно у него вот-вот случится сердечный приступ.

Человек, держащий меня, тащит меня за угол, в тень, в то время как двое других приближаются, каждый берёт меня под ногу, как они делали это раньше, во время инцидента в День Святого Валентина. Меня втаскивают в спальню, я брыкаюсь и кричу, уткнувшись в тёплую, потную ладонь.

Они идут быстро, со всех ног несутся по затенённой дорожке.

«Они следовали за нами всю дорогу сюда, весь путь в другую страну».

Я имею в виду, я знала, что они могли и будут следовать за мной, но это? Это следующий уровень.

В конце коридора есть дверь, которая ведёт к лестнице и снова в лес. Я вижу всё это как в тумане, когда три психа взбегают по каменной лестнице и скрываются за деревьями.

Мной овладевает паника, но я изо всех сил пытаюсь справиться с ней, воскрешая

воспоминания о тренировках с близнецами. Я не ниндзя, поверьте мне, но я придумываю план на лету. Человек, держащий мою верхнюю половину тела, должен зажимать мне рот одной рукой, чтобы я не кричала, так что они удерживают только одну мою руку.

Другой рукой я опускаю кулак вниз и попадаю нападавшему прямо в промежность.

К счастью, на этот раз меня держит какой-то чувак, и мой удар попадает в цель. Мужчина ненадолго спотыкается, всего лишь на мгновение, но этого достаточно, чтобы поступательный импульс двух других подтолкнул мои ноги к груди, дав мне достаточно силы для удара.

Они спотыкаются и останавливаются, переплетя руки и ноги на земле, когда крики парней, зовущих меня, разносятся по лесу.

— Это настолько не моя работа, — рычит один из парней в толстовке, и это определённо мужской голос, но я его не узнаю. Поверьте мне: я достаточно часто слышала раздражающие колкости Марка, чтобы знать, как бы он звучал.

— Просто разберитесь с этим, — отвечает шепчущий женский голос, когда парни снова пытаются окликнуть меня. Но в ту секунду, когда ладонь соскальзывает с моего рта, я кричу. И, может быть, это всё из-за оргазмов, которые я испытывала в последнее время, но, клянусь, я заметно усилила свой крик.

Звук эхом разносится по кладбищу, когда нападавший перемещает свою руку с моей руки обратно ко рту. К сожалению, группа быстро восстанавливает контроль, и мы снова спешим.

Сейчас мы выходим через открытые боковые ворота, где нас ждёт лимузин с открытой дверцей и работающим на холостом ходу двигателем. Если я сяду в эту машину, и она рванет с места, я покойница. Никаких «если», «и» или «но» по этому поводу.

Они заталкивают меня внутрь, и я впадаю в панику при виде другого человека в маске лисы, но на этом человеке нет толстовки с капюшоном: он одет в мантию. Я выбрасываю левую ногу и бью его прямо в лицо, сбивая маску ровно настолько, чтобы я могла увидеть нахмуренный рот человека. При повторном ударе его губы покрываются кровью, прежде чем он хватается меня за лодыжку.

Нападающий в лисьей маске позади меня с ворчанием отскакивает назад, и я вижу, что парни наконец-то догнали меня.

— Езжай, — командует мужчина с разбитыми губами, отпихивая меня в сторону и дотягиваясь к двери. Но если он думал, что меня будет легко подчинить, то он ошибается. Я не супергерой, но я немного задиристая.

«Чёрт, мне действительно следовало быть Скраппи-Ду на Хэллоуин, а?»

Я прыгаю мужчине на спину, когда он пытается закрыть дверь, сбивая его на пол машины, в то время как шины лимузина визжат по тротуару, и он начинает трогаться с места.

Однако прямо там, за дверью, стоит человек. Повинуясь порыву, я протягиваю руку, молясь, чтобы это был кто-нибудь из парней, а не один из придурков из Братства. Мои пальцы обхватывают пальцы Тобиаса, и он выдёргивает меня как раз в тот момент, когда лимузин действительно набирает скорость и исчезает за холмом.

Двое из трёх нападавших на меня бегут в противоположных направлениях, третий чуть отстаёт. Спенсер хватается за заднюю часть толстовки парня, но ткань выскальзывает у него из пальцев, и засранец бросается бежать.

— Рейнджер! — кричит он, а затем появляется он сам, выскакивает из парадного входа

и со всей силы врезается в парня. Они вдвоём кувыркаются по тротуару на мощёную булыжником улицу и останавливаются, а Рейнджер оказывается сверху. Он даже не колеблясь наносит удар мужчине сбоку по голове, который издаёт трескучий звук. Я слышу его даже отсюда.

Чёрт.

Мои друзья такие же безжалостны, как и мои враги, верно?

Рейнджер не перестаёт бить парня, пока тот не замирает.

— Ладно, хватит, — говорят близнецы, оттаскивая друга, в то время как Черч кладёт руку мне на щеку.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и я киваю, прежде чем он отворачивается и направляется к поверженному мужчине, низко наклоняясь к лицу парня, когда Спенсер хватается за руку. Я переплетаю свои пальцы с его, и мы подходим ближе.

Когда маска снимается, я обнаруживаю, что... немного менее шокирована, чем следовало бы.

— Привет, Марк, — произносит Черч, и то, как эти слова слетают с его губ... Я бы испугалась, если бы была Марком, чёрт возьми, Грендэмом.

— Отвали от меня нахрен! — Марк кричит, но мы сейчас не в Адамсоне, и здесь нет директора, который мог бы его спасти. Однако, если мы быстро не покончим с этим, будет много зевак. Сегодня тихий, морозящий день, но это не совсем город-призрак.

— Отвалить от тебя? — спрашивает Рейнджер, и его голос, этот сгусток тьмы, заставляет меня вздрогнуть. — Ты только что напал на нашу девушку, и ты хочешь, чтобы я *отвалил от тебя нахрен?*

— Это был розыгрыш, — усмехается Марк, как будто у него здесь высокие моральные принципы. Я помню тот день, когда мы зашли в его комнату, чтобы проверить потолок; он сказал мне, могу добавить, довольно легко, что Юджин был в Канкуне. Но если он вовлечён в секту, то наверняка знал, что его лучший друг мёртв. И всё же ложь далась ему так легко, как будто это ничего не значило. — Вы не имеете права удерживать меня здесь. Я начну кричать, чувак.

— Почему ты в Лондоне, гоняешься за Шарлоттой, мистер Грендэм? — спрашивает Черч, кружа вокруг с убийством в глазах. Он достаточно умён, чтобы не упоминать о культе. Потому что, если мы это сделаем, тогда они поймут, что мы знаем об их существовании. Часть меня чувствует облегчение, как будто, возможно, я вижу конец этого кошмара.

«Но что ты планируешь сделать с Марком? Убить его? Связать его и бросить в подвал, пока мы не разберёмся с остальной частью этой тайны?»

Я понимаю, что мы здесь ничего не добились — за исключением, знаете ли, того, что

предотвратили моё похищение.

— Я сказал, *отвали от меня!* — Марк кричит как раз в тот момент, когда из-за угла выходит пара школьниц и останавливается, увидев открывшуюся перед ними сцену. Справедливости ради, у Марка из головы течёт *кровь*, а Рейнджер *господствует* им так, словно вполне может задушить его до смерти.

Не видя выбора в этом вопросе, Рейнджер встаёт с хмурым видом, крепко стискивая зубы и сжимая руки в кулаки.

— Мы знали, что ты виновен, — хором говорят близнецы, стоя по обе стороны от меня и Спенсера, готовые вмешаться, если понадобится. Они обмениваются взглядами, а затем кивают, поворачиваясь обратно и указывают на Марка. — Ты убил Юджина.

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь? — спрашивает Марк, спотыкаясь о тротуар и вытирая кровь с губы. Он достаёт телефон и набирает номер, прикладывая его к уху, когда раздаётся звонок, и настороженно наблюдает за нами.

Мы буквально поймали его с поличным, и прямо сейчас мы *ничего* не можем с этим поделать.

Это серьёзная чёртова пытка.

— Да, приезжай за мной. Я всё ещё на кладбище. — Он вешает трубку, а мы вшестером стоим и наблюдаем за ним, как за монстром, которым он и является. — Что? Перестаньте, блядь, пялиться на меня. Извините, что вы, блядь, не понимаете шуток.

— Ты убил лучшего друга, — говорит Спенсер, его бирюзовые глаза сужаются. — Или ты знаешь, кто это сделал.

— Серьёзно, заткнись к чёртовой матери, — огрызается Марк, и я вижу, что парни делают это нарочно, чтобы подзадорить его. — Мы пришли сюда только потому, что вы — уроды, и ваша девка — уродка, и вы никому в этой грёбаной академии не нравитесь.

— Никто не поверит, что вы последовали за нами сюда, чтобы разыграть шутку, — произносит Черч, но Марк уже отворачивается и марширует вниз по склону. — Кстати, кто были твои друзья? Мы бы хотели знать, кто ещё участвовал в этой маленькой шутке.

Подъезжает такси, и Марк садится, без лишних слов скользит на заднее сиденье и захлопывает за собой дверцу.

— Я не удивлён, — говорит Черч, оглядываясь на меня, Спенсера и близнецов. — Но я заинтригован. Что именно означает этот шаг?

— Что у них поджимают сроки? — предлагаю я, тяжело дыша, адреналин наконец-то покидает мои конечности. Это было близко, ближе, чем в прошлый раз. Что будет дальше? Я боюсь это выяснять.

— Давайте посмотрим, согласуются ли атаки с чем-то конкретным, — говорит Черч, когда Рейнджер смотрит на холм позади нас, слегка прищурив глаза.

— И кто, чёрт возьми, по-твоему, был в том лимузине? — удивляется Спенсер, притягивая меня ближе, и небо разверзается потоком ледяного дождя.

«Квартира» Монтегю (это что-то вроде кондоминиума для нас, муриканцев) — это огромный мини-особняк, расположенный внутри гладких белых стен какого-то причудливого здания в районе под названием Гайд-Парк. Я мало что знаю о Лондоне, но слышала, что он довольно шикарный.

Я чуть не подавилась газировкой, когда впервые зашла сюда на прошлой неделе.

— Мой папа будет здесь через полчаса, — произносит Рейнджер, проверяя телефон, а затем чертыхаясь себе под нос. Последние четыре дня он жил у Черча вместе со всеми нами, но его отец только что вернулся в город из деловой поездки и сегодня заберёт Рейнджера.

Я не единственная, у кого есть сомнения по поводу того, что он поедет туда.

Черч в отчаянии отводит взгляд; он пытался отговорить друга от этого, но Вудрафф — человек упрямый.

— Ты уверен, что не умрёшь там? — спрашивает Спенсер, упирая руки в бока и оглядывая Рейнджера, резко нахмурившись. — Твой отец на самом деле *состоит* в этом культе, без сомнения. Дженика боялась его.

— Именно, — огрызается Рейнджер, запуская пальцы в свои чёрные волосы. — И она мертва. Так что я должен поехать, хотя бы для того, чтобы выяснить, что с ней случилось.

— Есть и другие способы, — мягко говорит Черч, подходя и садясь рядом с Рейнджером. — Мы исследуем туннели, когда вернёмся, найдём их скрытую церковь. Если Джек смог рыскать повсюду и не быть пойманным, мы с этим разберёмся.

— И ты предполагаешь, что найдёшь там что-нибудь стоящее, — начинает Тобиас, и Мика заканчивает мысль за них.

— Зачем твоему отцу хранить при себе что-то компрометирующее? Это бессмысленно.

— Я планирую поговорить с ним, — отвечает Рейнджер, поднимая голову, его лазурные глаза горят. — Я буду осторожен с этим, но да, я собираюсь задать несколько трудных вопросов.

Черч тяжело вздыхает.

— Ты невозможен, — говорит он, когда Рейнджер встаёт и импульсивно направляется на кухню, выкладывая на прилавок кое-какие продукты первой необходимости. Похоже, он выбрал классический рецепт брауни. — Скажи мне, чего ты ожидаешь этим добиться.

Рейнджер оглядывается в поисках фартука и, наконец, находит его в шкафу в дальнем конце комнаты. Это один из тех белых фартуков для французской горничной, и он выглядит *потрясающе*, когда надевает его, погружаясь в приготовление брауни, пока мы все наблюдаем и ждём его ответа.

— Может быть, я и не ожидаю, что у меня что-нибудь получится, — признаётся он, размешивая тесто резкими, быстрыми движениями. — Я просто хочу посмотреть ему в глаза и узнать, что он это сделал. Я хочу посмотреть, на что это похоже.

— Поверь мне, — говорит Спенсер, и мне интересно, думает ли он о Джеке или о ком-то другом. — Ты не захочешь видеть того, кого любил, после того, как узнаешь правду. Это слишком больно. Отпусти его.

— Я никогда не любил этого человека, — произносит Рейнджер, но это явная ложь. Раздаётся звонок в дверь, и он отодвигает брауни в сторону, хлопает рукой по духовке, чтобы установить температуру, проносится мимо и направляется к входной двери. — Не передержите эти чёртовы пирожные. Я ожидаю, что из этого теста получится густая, сливочная годнота.

Он распахивает дверь, а я подхожу ближе, чтобы посмотреть, как выглядит Эрик Уоррен, любопытство придаёт мне храбрости.

Мужчина выглядит точь-в-точь как на фотографии в социальных сетях, каким мог бы стать Рейнджер через тридцать лет, но с недоброй жилкой, которой нет ни у его сына, ни у покойной дочери. Она тоже очень похожа на него, и я должна заставить себя вспомнить, что технически она была его племянницей.

— Эрик, — говорит Рейнджер, когда его отец оглядывает его с недовольным блеском в глазах.

— Привет, Рейнджер, — осторожно отвечает мужчина, его взгляд на короткое мгновение скользит по остальным из нас. И тут я замечаю это — его разбитую нижнюю губу. Мой взгляд расширяется, но я явно не единственная, кто это видит.

У Эрика такая же травма, какую я нанесла мужчине в лимузине.

Плечи Рейнджера напрягаются, а его губы поджимаются.

— Как ты? — спрашивает Эрик, но не похоже, что его это особенно волнует. Больше похоже на то, что у него нет души.

— Всё в порядке, папа, — отвечает Рейнджер, отбрасывая фартук в сторону и выходит за дверь.

Скажем так, следующие несколько ночей я не очень хорошо сплю.

Вывеска Академии Адамсон для парней лежит на траве у края дороги, а вместо неё устанавливается новая, на которой просто написано *Академия Адамсон*.

— Когда они должны появиться? — спрашивает Спенсер, пристально глядя на дорогу и нахмурившись. Поскольку сегодня первый день четверти, пришло время представить ученикам моих новых одноклассниц. Папа специально выбрал меня для этой задачи, и, как бы мне ни хотелось отказаться от этого, я чувствую, что немного в долгу перед ним.

Когда я вернулась из Лондона, я не знала, что ему сказать, поэтому вообще ничего не сказала. *Действительно* ли ему нужно знать о нападении? Или Марке? Я тоже не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— Скоро, — отвечаю я, проверяя телефон и вздыхая. Мой взгляд падает на Рейнджера, стоящего, одна рука на груди, взгляд устремлён в лес. Он, конечно, не нашёл никаких доказательств причастности отца к Братству, но разбитой губы было достаточно, чтобы подтвердить, что он, на самом деле, *всё ещё* работает с ними. — Знаем ли мы, как планируем поступить с выборами в Студенческий совет? У нас все ещё нет плана.

— Мы не победим, — хором говорят близнецы, театрально опуская плечи. — Зачем волноваться? — они поднимают руки вверх и разводят их в стороны, фактически сдаваясь. — Кроме того, — продолжает Тобиас, мягко улыбаясь мне, в то время как ветер треплет его волосы вокруг лица. — У нас есть более важные вещи, о которых стоит беспокоиться: такие, как ты.

— Вы не можете так просто отказаться от Студенческого совета, — говорю я, зная, что это много значит для них. — Мы можем что-нибудь придумать.

От звука машины, подъезжающей по замёрзшей гравийной дорожке, моя и без того холодная кожа покрывается гусиной. На земле лежит снег, и здесь всё время чертовски холодно. Клянусь вам, я мерзлячка, и мне нужны целых два шарфа и три куртки, чтобы не замёрзнуть.

Как только машина припаркована, девушки вылезают, и я приветствую их лёгким взмахом руки. Позже будет собрание, но папа хотел дать им возможность начать утро с обычной рутины.

— Привет, Шарлотта, — говорит Астер, лучезарно улыбаясь и глядя на нас с Рейнджером. — Черч, я надеюсь, ты знаешь, что у твоей девушки есть кое-кто на стороне.

— Мы полиамурная группа, спасибо, что заметили, — отвечает он, но с таким же успехом это могли быть слова *«пошла ты и лошадь, на которой ты приехала»*. — Это не похоже на то, что ты затеяла, шныряя вокруг и трахаясь с Марком за спиной Селены.

Шутка срывается, и лицо Астер вспыхивает, прежде чем она обходит нас, хрустя снегом, а за ней следуют две другие студентки по обмену из Эверли.

— Это было... довольно грубо, — говорю я, когда близнецы ухмыляются.

— Мы ещё положили презервативы в её шкафчик. — Каждый из них хватается меня за руку и поворачивает к главному зданию.

— Мы подумали, что она может решить, что Селена положила их туда, — добавляет Тобиас.

— О, и ещё, мы её ненавидим, — добавляет Мика, когда мы проходим через двойные широкие двери в передней части школы. — Ну знаешь, за то, что выступает против нас,

когда выпускной год должен быть проще простого.

— Честно говоря, между культом и выборами я в бешенстве, — добавляет Спенсер, ухмыляясь. — Так как же нам её обезвредить? И что, чёрт возьми, нам делать с Марком?

— Часть меня считает, что мы должны попытаться выиграть выборы честным путём, — начинает Черч, поднимая взгляд на изогнутые каменные потолки над нами. — Остальная часть меня знает, что если Марк связан с Братством, то я скорее умру, чем отдам ему школу.

— Итак, давай сделаем это по-нашему, — говорит Спенсер, доставая телефон из кармана. — У меня есть идея.

Показывать девочкам окрестности в понедельник — не совсем приятная задача, особенно с учётом того, что один из моих парней отчитал Астер за роман с парнем Селены, двое других моих парней набили её шкафчик гондонами, а серебристо-волосый активно строит против неё козни за кулисами.

Пятый и последний парень решает подождать до заседания нашего Кулинарного клуба во вторник, чтобы позлить её.

— Ты не войдёшь ко мне на кухню, — говорит Рейнджер, стоя в дверях класса в фартуке и скрестив руки на груди. Его губа приподнята в оскале, когда он смотрит сверху вниз на учителя домоводства мистера Йохансена. Технически, мистер Йохансен должен быть нашим вспомогательным сотрудником, но я видела, что он приходил на наши собрания только мимоходом. По крайней мере, он ставит нам всем высокие оценки — даже я получила пятёрку за оба семестра в прошлом году.

— Мистер Вудрафф, — ругается мистер Йохансен, протягивая руку, чтобы поправить очки. — Я потрясён вашим поведением. Кулинарный клуб не принадлежит ни вам, ни Студенческому совету, как бы вам этого ни хотелось. А теперь отойдите в сторону и сделайте так, чтобы Астер чувствовала себя здесь как дома.

На его челюсти подёргивается мускул, Рейнджер отходит в сторону и впускает Астер Хейз в комнату. Она сияет, рыжие волосы вьющимися локонами обрамляют её лицо. У неё даже есть лёгкая россыпь веснушек на носике-пуговке. Думать о ней как об убийце... трудно.

— Мне это не нравится, — бормочет Спенсер, следя глазами за её перемещением по классу. Мистер Йохансен быстро извиняется и исчезает в коридоре, чтобы почитать свои эротические романы. Он всегда оставляет свой Kindle включённым и всегда на сомнительной сцене сомнительного характера. Старый извращенец.

— Мне тоже, — уклоняюсь я, когда Астер разворачивается, держа перед собой сумку с книгами и сияя, как сумасшедшая.

— Я была в пекарском клубе в Эверли, — объясняет она, оглядывая комнату под наши

взгляды, хмурые брови и — в случае близнецов — высунутые языки. — Это в некотором роде моя тема. Большое вам спасибо за то, что пригласили меня.

— Ты же знаешь, что ты нам не нравишься, — говорит Спенсер, когда Рейнджер начинает бурлить от гнева. — Так какого чёрта ты здесь делаешь?

— Я знаю, что, должно быть, тяжело иметь настоящую конкуренцию на выборах, но разве не в этом суть политики? Жёсткая конкуренция, честность и неподкупность? — зелёные глаза Астер осматривают класс, останавливаясь на нашем уютном уголке для чтения с разложенными по алфавиту кулинарными книгами (моя работа), сверкающих столешницах и полностью укомплектованных холодильнике и кладовой. Это наш дом вдали от дома, понимаете? Присутствие её здесь ощущается как нарушение.

— Э-э, ты вообще следишь за американской политикой? Потому что это в значительной степени противоположно тому, как это работает. — Спенсер закатывает глаза и обменивается долгим изучающим взглядом с близнецами. Конечно, они замышляют что-то недоброе, но также есть очень большая вероятность, что Астер Хейз виновна, так что... справедливость есть справедливость.

— Что мы сегодня готовим? — спрашивает она, подходя к шкафчикам и просматривая их. Когда девушка направляется к тому, в котором фартуки, я встаю перед ней и прерываю её.

— Это личный шкаф, — говорю я, в то время как Рейнджер напряжённо наблюдает за мной из-за её спины.

— Этот класс для всех, — утверждает она, всё ещё улыбаясь мне. — Но, если ты не хочешь, чтобы я туда заглядывала, я не буду. Я бы предпочла, чтобы мы не ссорились. Я здесь для того, чтобы быть частью этого клуба.

— Конечно же, — говорит Спенсер, но это его не убеждает. Никого из нас.

Вместо наших обычных шуток и игр в комнате царит тишина, пока каждый из нас работает над своими собственными рецептами. Иногда мы работаем индивидуально, в других случаях создаём что-то вместе. Но с Астер здесь каждый остаётся на своей полосе.

— Похоже, она из тех, кто мог бы доложить о нас, если бы мы, скажем, разбили яйцо у неё на спине, — шепчет Тобиас, глядя на неё через всю комнату. Я заметила, как Рейнджер съёжился, когда она начала делать изменения в рецепте из одной из старых кулинарных книг. — Знаешь, это одна из тех черт, которые нам так в тебе нравились, Чак.

— Разбивать яйца у меня на спине? — спрашиваю я, думая о пластиковом пауке с кладбища и прищуривая глаза.

— Нет, глупышка, тот факт, что из-за тебя мы не были наказаны за то, что вели себя как придурки. — Мика погружает миксер в миску, а я ухмыляюсь.

— Придурок. Это что-то новенькое, но мне нравится.

Думая об этом, я перемешиваю полезную смесь для бананово-шоколадно-овсяных блинчиков. Мне никогда по-настоящему не приходило в голову, что я могла бы привлечь парней к ответственности за то, что они со мной делали. Это просто не по мне. В конце концов, всю жизнь моим отцом был директор школы, и поверьте мне, беготня к нему и доносы никогда не приносили мне ничего хорошего.

Иногда нам приходится сталкиваться с собственными проблемами. И иногда эти проблемы превращаются в благословение.

Ближе к концу дня Спенсер заканчивает кексы и начинает намазывать на них лисьи мордочки красной глазурью. Он ставит поднос на столик, где работает Астер, но, хотя она

поднимает глаза, никакой реакции нет.

— Если бы я не думал, что из-за этого меня могут убить, я бы нарисовал тот уродливый символ на всех них, — говорит он, наблюдая, как маленькая, низенькая девочка выкладывает ежевику на верхушку своего торта.

Поэтому, на остаток дня мы оставляем Астер в покое.

Но она не останется здесь и не разрушит наш Кулинарный клуб до конца года.

Ни за что на свете.

Дебаты в Студенческий совет проводятся в большом зрительном зале в задней части главного здания, в этом душном старом театре с таким количеством неоклассических элементов в архитектуре, что можно задушить лошадь. Поскольку на самом деле я не состою в Студенческом совете — должность помощника назначается членами и не выставляется на выборы, — я сижу в первом ряду, чтобы понаблюдать за дебатами, а не на сцене с парнями.

Сомнительно, что кто-то стал бы появляться на подобных мероприятиях без специального разрешения, но, конечно, когда Арчибальд Карсон добивается своего, все неизбежно становится скучным. Вся школа в сборе, парни ссутулились и стонут на своих местах.

— Мило, что ты пришла, — говорит отец, останавливаясь рядом с моим местом и глядя на меня сверху вниз так, словно я самое большое разочарование в его жизни. — Я почти забыл, что ты учишься в этой школе.

— Это на твоей совести, — язвительно отвечаю я, скрещивая руки на свободной от повязок груди и пожимая плечами. — Ты же сам сказал, что больше не хочешь относиться ко мне как к дочери.

— Это не то, что я сказал, — выпаливает он, а затем вздыхает, останавливаясь, чтобы провести рукой по редющим волосам. — Ты неверно истолковываешь мои слова в своих корыстных целях, это довольно ребяческое поведение, особенно для женщины, которая помолвлена и планирует выйти замуж.

Я закатываю глаза, но папа этого не замечает, подходит к ступенькам сбоку сцены и поднимается вверх, чтобы занять место на подиуме. Когда он достаёт из портфеля айпад, чтобы просмотреть записи речи (кстати, айпад с обложкой *Щенячьего патруля*), Астер и её друзья появляются из-за занавеса, занимая свои места на противоположной стороне сцены от парней.

Теоретически, все знают, что позиция каждого Студенческого совета индивидуальна, что нет никаких партийных платформ или чего-то подобного. Но только теоретически. Либо Черч победит — а вместе с ним и другие ребята, — либо победят Астер и её друзья.

По тому, как оживляется зал и все взгляды устремляются на трёх новеньких девушек в

хорошо отглаженных юбках и галстуках, у меня возникает ощущение, что голоса склоняются в пользу Астер.

Вздыхнув, я откидываюсь на спинку сиденья и борюсь с желанием прокрутить страницу в телефоне. Однако больно смотреть, как мои мальчики дают все правильные ответы, в то время как Марк и его тупоголовый сосед по комнате — по-видимому, его зовут Гарет — валяют дурака.

Должен же быть какой-то способ надрать им задницы, верно?

После дебатов все расходятся по очереди, и залы наполняются сплетнями. Люди определённо смотрят на нас по-другому, чем раньше. «Только Студенческий Совет, придурки», — похоже, уже не имеет такого веса, как раньше.

— Ты сказал, что у тебя есть план, — шепчу я Спенсеру, пока мы наблюдаем за Марком с другого конца коридора, прислонившимся к своему шкафчику и бесстыдно флиртующим с Астер. Он даже не пытается это скрывать. То есть, как он мог не знать, что всё это дойдёт до Селены? Может быть, ему просто всё равно? — Но ты всё равно не хочешь сказать мне, что это.

— Увидишь, — отвечает Спенсер, но его глаза сияют, когда он наблюдает за нашими соперниками, купающимися в лучах обожающей их толпы. Он смотрит на меня и приподнимает бровь. — Что? Это сюрприз! Я всё ещё работаю над этим. Мне нужна помощь отца, и у нас не такие уж хорошие отношения, так что... я как бы делаю ставку на его чувство вины, чтобы всё получилось.

— Чувство вины за что? — спрашиваю я, и Спенсер слегка морщится.

— Он бросил мою маму, чтобы уехать жить в Париж со своей любовницей и другим ребёнком, такой королевский кусок дерьма. — Он смотрит прямо на меня, а затем кладёт руку на стену над моей головой, глядя мне в лицо со всей должной серьёзностью. — Вот почему я не люблю ложь, Чак. Он солгал мне, и брату, и моей маме. И знаешь, что он сделал потом? Он *вернулся*, и моя мама приняла его обратно, и знаешь что? Он всё ещё лжёт о том дерьме, которым занимается, и ей всё равно. Даже Джеку всё равно. — Он замолкает на мгновение, всё ещё наблюдая за мной напряжённым взглядом. — Но мне нет.

— Конечно, нет, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко. — Ты испытываешь сильные чувства

Спенсер на мгновение задумывается, а затем улыбается.

— Да, наверное, так и есть? — произносит он, останавливаясь, когда к нам осторожно приближается студент. — Если ты пытаешься что-то купить у меня прямо сейчас, то этого не произойдёт. Не раньше, чем мы победим на выборах.

— Дешевка! — кричит Марк, хихикая, как будто мы не поймали его при попытке похитить меня в Лондоне. Что за фрукт. Кажется, он думает, что он неприкосновенен, но я знаю лучше. Это всего лишь вопрос времени, когда он получит своё. Я не знаю, что ребята планируют с этим делать, но они не собираются так просто всё оставлять.

Ни малейшего шанса на то, что это произойдёт.

К пятнице по школе разносятся сплетни, в которых я никак не могу разобраться. В основном потому, что я никому не нравлюсь. Отчасти я виню в этом парней. Они были очень заботливы, но, учитывая, что за мной охотится культ убийц, я не думаю, что это так уж плохо.

— Что происходит? — шепчу я, пока Спенсер ведёт меня по коридору, сжимая в правой руке мяч для снятия стресса. Я не буду врать: это сперматозоидный стресс-мяч. Ну то есть, он похож на гигантский белый сперматозоид. Их бесплатно раздавали на уроках ОБЖ, и все думали, что они забавные. Я продолжаю видеть повсюду белые спермовидные шарики от стресса.

— Увидишь, — говорит Спенсер, ухмыляясь и поглядывая на меня. — Черч — не единственный, кто может строить козни и использовать свое положение.

— Что это значит? — спрашиваю я, когда мы направляемся в сторону зрительного зала, чтобы отдать свои голоса. Они будут подсчитаны волонтерами из персонала Академии Адамсон, включая моего отца, мистера Мерфи и мистера Дэйва, и победители будут объявлены на специальной церемонии в конце дня.

Честно говоря, я не очень-то надеюсь, но никто из парней, похоже, не обеспокоен, так что я старалась, чтобы и меня это не волновало.

— Ты реально жёсткий, Харгроув, — говорит парень в униформе младших классов, посылая нас, когда проходит мимо.

Теперь мне *действительно* любопытно узнать, что происходит.

— Давай-давай, — отвечает Спенсер, поворачиваясь и мягко подталкивая меня в одну из декоративных ниш, которые тянутся вдоль стен школы. Это такая большая каменная арка, в которой могут спрятаться два человека... Я имею в виду, что, если кто-нибудь пройдёт мимо и оглянется, тебе крышка, но здесь, по крайней мере, есть хоть какое-то уединение. Мы протестировали шесть или семь из них, ну, в исследовательских целях. И, очевидно, на данный момент вы знаете, что под исследовательскими целями я подразумеваю сеансы поцелуев. — Разве тебе не нравится немного таинственности в жизни?

— А тебе нравится? — возражаю я, позволяя сумке упасть на каменный пол, чтобы я могла обнять Спенсера за шею. Он наклоняется надо мной так, как мне нравится, одна его рука у меня над головой, его губы изогнуты в дикой усмешке. — Потому что в прошлый раз, когда я удивила тебя, сказав, что мой член на самом деле вагина, ты взбесился. — Он закатывает глаза, глядя на меня, но с этим он не может поспорить, не так ли?

— Но это не ложь, просто сюрприз.

— Сюрприз, который принесёт нам победу на выборах? — уточняю я, и ухмылка возвращается.

— Как только мы это сделаем, мы обрушим ужас на Марка и всех его друзей-идиотов.

О, и эта цыпочка Астер тоже. То ли она спит с подонком, то ли она сама подонок, я не знаю, но она мне не нравится.

— Что ты планируешь сделать? — спрашиваю я, когда Спенсер засовывает спермошарик для снятия стресса мне в карман, и я корчу гримасу.

— Имеешь в виду, помимо поцелуев с тобой? — он делает вид, что уточняет, проводя пальцами левой руки по всей длине моей челюсти. Парень обхватывает мой затылок, а затем перемещает другую руку в противоположную сторону, удерживая меня неподвижно и поглаживая большими пальцами моё горло. — Мы сможем делать с ними всевозможные забавные вещи. Передвигать их шкафчики, изменить расписание занятий на следующий семестр, поменять местами их комнаты в общежитии. Никогда не стоит недооценивать силу мелкого дерьма. Марк уже похож на уродливый прыщ, готовый вот-вот лопнуть. Если мы будем тыкать и подталкивать, он развалится на части, и мы сможем его достать.

— И, взяв его... — я вздрагиваю, когда Спенсер смеётся, низко и гортанно, заставляя мои пальцы на ногах поджиматься. Кстати, мужчина не должен так хорошо пахнуть. Из-за этого мне чертовски трудно сосредоточиться.

— Похороним его на глубине шести футов, глубокой ночью, на старом кладбище у железнодорожных путей, — шепчет Спенсер, а затем смеётся, отодвигаясь от меня. Я хватаю его за пиджак и притягиваю к себе, целуя в губы и приоткрывая губы для его языка. Несколько минут спустя мы приходим в себя, чтобы отдышаться, и он ухмыляется. — Твой рот — хороший мотиватор, Чак-лет, ты знаешь это?

— Итак, план с Марком...?

— Мы сообщим о нём властям *за пределами* Натмега. Чёрт, мы и тем властям сообщим об этом. Для этого, знаешь ли, *существует* вертикаль власти.

— Разве его сверхбогатая семья не позаботится об этом так же, как твоя заботится о Джеке?

— Между нами пятью, — говорит он, когда студенты проходят мимо небольшими группами, перешептываясь о выборах. — Мы позаботимся об этом. Но сначала нам нужно как можно больше доказательств, — Спенсер наклоняется ближе, одна из его рук скользит вниз по моему боку и обхватывает мою задницу через юбку. Он резко выдыхает, как будто изо всех сил сдерживается прямо сейчас. — Ты же знаешь, что я неравнодушен к школьной форме, верно?

— Ты никогда об этом не говорил, но я могла бы догадаться. — Я улыбаюсь ему в ответ. — Ты фантазировал о том, как трахнешь меня в ней, да?

— Трахну, займусь любовью, выебу, всё это... Всё вместе.

Он утыкается носом мне в шею, и у меня слабеют колени.

— Нам правда нужно пойти в аудиторию, чтобы проголосовать, — шепчу я, зная, что остальные придут искать нас, если мы не появимся в ближайшее время. Мистер Мерфи проходит мимо нас, мои глаза на мгновение встречаются с его через плечо Спенсера, но он знает, что лучше не останавливаться и ничего не говорить.

— Что, если мы просто... сделаем это по-быстрому? — спрашивает он, проводя языком по нижней губе, и я невольно имитирую это движение.

— Куда нам следует пойти? — шепчу я в ответ, полностью наслаждаясь конспиративным характером момента. Моё сердце скачет галопом, как табун диких лошадей, гривы развеваются на ветру, тихое ржание... Фу. Что? Фу-у-у. Нет, это совсем не поэтично и не круто звучит. Что, чёрт возьми, со мной не так?

— Пойти? — спрашивает Спенс, покрывая поцелуями мою шею, в то время как его руки скользят под мою юбку, ладони скользят вверх по моим обнажённым бёдрам. — Нам не нужно никуда идти. Я хочу сделать это прямо здесь, чёрт возьми, где любой мог бы пройти мимо и увидеть.

— Ты что, спятил?! — я задыхаюсь, когда его пальцы мнут мягкую плоть моей задницы. — За нами охотится культ, помнишь?

— Тогда нам лучше поторопиться, а?

Он поднимает меня и прижимает к стене своим телом, мои руки автоматически обвивают его шею, пальцы зарываются в его серебристые волосы. Наши губы сливаются в горячем, отчаянном поцелуе, когда он прижимается ко мне эрекцией. Мои губы приоткрываются в сладкой капитуляции перед его языком, и я уже могу сказать по тяжести своих конечностей и трепету ресниц на щеках, что отдаюсь ему.

— Я так сильно хочу сделать это без презерватива прямо сейчас, — рычит он, одна его рука скользит между нами, чтобы расстегнуть брюки. Мои глаза закрыты, пульс стучит у меня в голове. У меня отсутствуют силы сказать нет, но, по крайней мере, он это делает. — Но я этого не сделаю.

— Потому что Рейнджер убьёт тебя, если ты сделаешь это снова, — шепчу я, и Спенсер стонет, освобождаясь, а затем достаёт презерватив из кармана блейзера. На днях я отчитала его за то, что он всё время таскал их с собой, но потом всё-таки положила несколько штук в свою сумку для книг, на всякий случай.

Подростки — настоящие шлюхи.

Спенсер надевает презерватив, позволяя обёртке упасть на пол, а затем ждёт, пока я двумя пальцами сдвину трусики в сторону.

Его глаза встречаются с моими, когда он приближается к моей дырочке и проникает глубже, заполняя меня и вдавливая моё тело в каменную стену своим весом. Удовольствие мгновенное и интенсивное, высвобождающее в моё тело поток гормонов, которые заставляют меня чувствовать себя одновременно тяжёлой и невесомой.

Наши губы снова находят друг друга, ища и заявляя права, когда он находит подходящий ритм, вдавливая меня в нишу бешеными толчками. Стена не дает мне отодвигаться, поэтому каждое движение полностью погружает его в меня, у меня перехватывает дыхание. Крик застревает у меня в горле, но я сдерживаю его.

Половина удовольствия — это риск быть пойманным, но также... в этой школе мало людей, из-за которых я бы не запаниковала, что нас вот так поймали.

— О, Чак, — стонет Спенсер, посасывая мою нижнюю губу. — Мне так чертовски хорошо в тебе.

Его руки обхватывают мою задницу, легко приподнимая, когда он двигается, моя плиссированная юбка задирается вокруг бёдер. Может быть, странно находить школьную форму такой эротичной, но... Я всё время фантазирую о парнях в форме, когда прикасаюсь к себе. Что, знаете ли, происходит чуть чаще теперь, когда мы с Черчем наконец-то сделали это. Я не так уж боюсь, что он услышит меня с другого конца комнаты.

— Ещё, Спенсер, ещё, — бормочу я, когда он прижимает наши тела друг к другу, движения его таза трут мой клитор таким образом, что я думаю, что, возможно, действительно смогу кончить во время этого маленького быстрого секса.

Мои руки царапают его спину, ногти впиваются в ткань его блейзера цвета шампанского, когда наши губы соприкасаются в огне и отчаянном, первобытном жаре,

заглушая наши стоны и ворчание остальной школы.

— Я хочу, чтобы ты кончил со мной, — шепчу я, притягивая его ближе, наше дыхание смешивается, когда мы смотрим друг другу в глаза. Моё тело сжимается вокруг него само по себе, оргазм прокатывается по мне яркой, ослепляющей волной. Ещё один поцелуй Спенсера прерывает мои стоны удовольствия, когда он входит в меня снова и снова, кончая всего через несколько мгновений.

Мы остаёмся там, тяжело дыша, ровно настолько, чтобы услышать негромкие хлопки нескольких ладоней.

— Bravo, — говорят близнецы, появляясь в нише за широкими плечами Спенсера. — Это было фантастическое выступление.

— *О, Чак,* — передразнивает Мика, складывая руки вместе и хлопая ресницами. — *Мне так чертовски хорошо в тебе.*

— Я нахуй задушу вас, — рычит Спенсер, протискиваясь между нами с презервативом, едва умудряясь вытащить его и снять, не уронив меня.

— Вы оба слишком глупы, чтобы жить? — спрашивает Рейнджер, но я вижу, как бешено бьётся пульс у него на горле. Ему понравилось то, что он увидел, это точно. — За Чаком ведётся активная охота, и вы подумали, что перепихнуться по-быстрому в коридоре было хорошей идеей? Вы знаете, какими уязвимыми и забывчивыми вы двое только что выглядели? Мы стояли здесь всё это время, а вы даже не заметили.

— *Ещё, Спенсер, ещё,* — умоляет Тобиас высоким и дрожащим голосом.

— Я так не говорю! — я раздражаюсь на него, изо всех сил пытаюсь поправить мои мокрые трусики и задравшую юбку. Спенсер завязывает презерватив и оглядывается в поисках мусорного бака.

Волшебным образом появляется отец, словно призванный разрушить мою грёбаную жизнь, и Спенсер вынужден засунуть использованный презерватив в карман блейзера, гримасничая при этом.

— Что здесь происходит? Вы должны быть сейчас в зрительном зале. Или вы относитесь к этим выборам не так серьёзно, как следовало бы? — отец смотрит на меня и Спенсера с подозрительным блеском в голубых глазах.

— Уверю вас, сэр, — начинает Черч, как всегда, беря себя в руки — черта, за которую я *безмерно* благодарна. Я просто не отношусь к типу лидеров. — Мы *очень* серьёзно относимся к своим обязанностям. — Он прикладывает руку к груди, и, клянусь богом, облака над школой расступаются, пропуская три великолепных солнечных луча сквозь витражи над нашими головами и обрисовывая его нимбом. — Студенческий совет — это сердце Академии Адамсон, престижного и хорошо управляемого учебного заведения с лучшим персоналом в стране. Сегодня, когда мы победим на выборах, я обещаю вам, что мы начнём внедрять позитивные изменения на студенческом уровне.

— Неудивительно, что он во всех рекламных проспектах, — ворчу я, когда папа прищуривает глаза.

— Раньше вы мне нравились, мистер Монтегю, но сейчас вы испытываете свою удачу. А *теперь* ведите своих опоздавших в аудиторию.

— Как пожелаете, — отвечает Черч, но сказано это таким образом, что это невозможно воспринять иначе, как искреннее. Однако почему-то я думаю, что Черч делает это нарочно, просто чтобы быть ещё более ироничным. Папа уходит, и Спенсер ждёт, пока он завернёт за угол, прежде чем скорчить гримасу и подбежать к одному из мусорных баков, чтобы

выбросить презерватив.

— Теперь у меня внутри весь карман мокрый, — говорит он, и моё лицо вспыхивает от адского смущения.

— Что с тобой не так?! — рявкаю я на него, хватая за рукав и слегка подталкивая. — Не говори такого.

— *Я хочу, чтобы ты кончил со мной*, — хором хихикают близнецы, и я зажимаю уши руками, отгоняя их поддразнивания. Однако, чего я не могу скрыть, так это своей улыбки.

Особенно когда позже в тот же день будут сделаны объявления, и мои мальчики выиграют выборы.

Очко в пользу Чака и её вечной команды, и пошёл ты, Марк. Хрен вам.

Я почти забыла, каким пугающе длинным был стол в комнате Студенческого совета, учитывая, что теперь я встречаюсь с каждым парнем по другую его сторону. Но когда я впервые вошла сюда, размахивая своим новым назначением для шкафчика, я нервничала.

Комната задумана как устрашающая, тускло освещенная, с бежевыми шторами до пола на окнах. Потолки здесь по меньшей мере двадцать футов высотой, книжные шкафы вдоль стен не менее впечатляющие. На стенах — железные бра, по обе стороны дверей — два декоративных кресла, а позади парней — пара изогнутых лестниц из блестящего дерева с латунными вставками. С каждой стороны всего около десяти ступенек, ведущих на второй уровень, и небольшая дорожка, огибающая комнату.

Это действительно чересчур для ученического совета средней школы, но, эй, богатые люди постоянно совершают ужасно нелепые и отвратительно чрезмерные поступки. Я читала об одном политике, который утверждает, что он сторонник маленьких ребят, у которых в доме (во всяком случае, в одном из его домов) есть лифты из чистого золота, золотые горшки для растений и золотые потолки. Серьезная тревога — гандонский мудак.

Поговорим об излишних стараниях; никакое количество денег не сделает этого парня крутым.

— Вы не можете этого сделать! — кричит Марк, указывая парням на своё новое назначение в раздевалке — как можно дальше от моего в кампусе Академии Адамсон. — Этот шкафчик был у меня с первого курса.

Я стою в стороне, сжимая в руках айпад совета и стараясь не наслаждаться болью Марка.

С другой стороны, он действительно пытался похитить меня на кладбище, так что, думаю, у меня есть основания чувствовать себя немного самодовольной по этому поводу.

— Мы правда можем и сделали это, — говорит Черч, сидя на своём троне прямо за блестящей вывеской *Президент*. У всех остальных парней на лицах такие томные, самодовольные ухмылки, которые примерно в сто раз хуже, чем те, что были на их лицах, когда я впервые ворвалась сюда, жалуясь на свой шкафчик. — Мы также только что получили от директора разрешение на перенос твоих рабочих обязанностей из курятника и сада на кухню.

— Значит, ты просто подлизываешься к своему папочке и получаешь всё, что хочешь, да? — спрашивает Марк, насмехаясь надо мной. Что я нахожу ироничным в его заявлении, так это то, что мой отец ни хрена не делает для меня, когда я подлизываюсь. А отец Марка купил ему частный самолёт на шестнадцатилетие (парни рассказали мне об этом). Так что если кто-то и получает привилегии от папы, то это не я.

— На самом деле, директор Карсон, при всей своей бесконечной мудрости, заметил назревающее между нами напряжение и подумал, что будет лучше, если мы не будем взаимодействовать. Ты будешь мыть посуду и помогать подавать еду три дня в неделю. — Черч постукивает пальцами по поверхности стола, явно готовый закончить этот разговор.

— Я не ебанный помощник! — Марк рычит, и моя кровь начинает закипать. Мысли о маме проносятся в мозгу, и я делаю решительный шаг вперёд.

— Ты прав, ты мне не помощник. Ты менее значительный, чем остатки мясного рулета, которые ты будешь соскребать со сковородок на школьной кухне. Любой из тех людей,

которые там работают, лучше тебя, ты избалованный, гнилой маленький сопляк.

Марк направляется ко мне, но все пятеро парней одновременно встают, и он останавливается, полностью осознавая, на что они способны.

— Мы также изменили твою должность в общежитии, — продолжает Черч, в то время как Мика, исполняющий обязанности секретаря совета, что-то записывает на листке бумаги и протягивает его мне. Я передаю Марку нотариально заверенный бланк о распределении в общежитии, и он таращится на него, разинув рот.

— Ты селишь меня с тем неудачником-ботаником с первого семестра? — говорит он в полном ужасе, как будто это самое худшее, что с ним когда-либо случалось. Он поднимает взгляд, и я на мгновение удивляюсь, как я могла считать его хотя бы отдалённо красивым. Конечно, я думаю, что пыталась быть милой, когда сказала, что он мог бы быть таким, если бы у него не был такой отвратительный характер. На самом деле он чем-то напоминает мне скунса или ласку, только у него меньше ума и сердца, чем у любого из животных, проявляющих себя в наихудших обстоятельствах.

— Ты пытался убить нашу девушку, — говорит Спенсер, медленно опускаясь обратно в кресло и расслабляясь в нём, как будто он хозяин этого места. — Не думай, что мы забыли об этом.

— Всё это из-за какого-то розыгрыша? — Марк усмехается, возвращая своей походке самоуверенную развязность, когда приближается к столу. — Монтегю, возможно, и обладают некоторым влиянием, но мой папа играет в гольф с ПСША.

«ПСША звучит как название модного спрея для туалетной комнаты», — думаю я с лёгким смешком. Только я не такая тупая, как Марк, поэтому знаю, что это означает *Президент Соединённых Штатов Америки*.

— И что? — спрашивает Черч, склонив голову набок. — Какое это имеет отношение к твоей попытке похитить Шарлотту с лондонского кладбища? Кстати, что случилось с той лисьей маской? — Черч показывает рукой на своё лицо. — И кто были твои друзья? Может быть, если ты назовёшь их имена, мы могли бы пересмотреть распределение комнат в общежитии?

— Мой отец узнает об этом, — говорит Марк, указывая листом бумаги, а затем разворачивается на каблуках и вылетает за дверь.

Я спешу за ним и запираю дверь главного офиса после того, как он уходит, просто чтобы у нас была возможность побыть наедине перед следующей встречей.

— Прошла уже неделя, а ты до сих пор не рассказал мне, как тебе удалось всё это проверить, — говорю я, возвращаясь в комнату и прислоняясь к одной из массивных деревянных дверей, отделяющих эту зону от офиса. — Знаешь, у меня скоро день рождения, так что...

— О, удар ниже пояса, — произносит Спенсер, встряхивая рукой, как будто я дала ему пощёчину. — Проходи, присаживайся. — Он хлопывает себя по колену, и я закатываю глаза. Но потом я всё равно подхожу и сажусь к нему на колени, потому что я глупо, безумно, по уши, вся в блеске, влюблена в этого парня. — Ты ведь знаешь, что мой отец владеет фармацевтической компанией, верно?

— Ага? — я уклоняюсь, надеясь и молясь, чтобы его отец не был одним из тех типов, которые, типа, утраивают цену на EpiPens (*прим. — шприц-ручки с адреналином, которые используются для экстренной терапии опасных для жизни аллергических реакций*) без всякой причины, кроме чистой прибыли. Но мы можем вернуться к этому позже. Я думаю,

может быть, это и хорошо, что я встречаюсь с этими парнями, так что я могу научить их контролировать свои мужские и классовые привилегии, а? Или, может быть... может быть, они мне просто нравятся?

— Ну, ты знаешь, как я отказывался продавать травку всем подряд? Чтобы заставить их всех проголосовать за нас?

— Ты имеешь в виду шантажировал их, чтобы они проголосовали за нас, — поправляют близнецы, но Спенсер игнорирует их, явно гордясь собственными закулисными интригами.

— Хорошо, да, — говорю я, прищуривая глаза и задаваясь вопросом, к чему это ведёт.

— Ну, я оказал давление на своего отца, чтобы он поговорил с некоторыми врачами, которые популярны среди высшего класса Нью-Йорка, с теми, кто полагается на его щедрость в поставках большого количества таблеток. Они отменили рецепты родителям половины детей, которые ходят в эту школу.

Мои брови поднимаются вверх.

— Чёрт, чувак, это жёстко.

— Если нет «нас» в Студенческом совете, то больше нет знаменитых врачей с сомнительной моралью. — Спенсер пожимает плечами. — И я даже не чувствую себя виноватым из-за этого. А почему должен? Большинство из них похожи на Марка и его семью, которые всё время, чёрт возьми, давят на всех своим весом изо всех сил. Это вполне заслуженный урок.

— Как тебе удалось уговорить отца согласиться на это? — спрашиваю я, замечая, что Рейнджер резко отводит взгляд при упоминании слова *отец*. Он виновен, это мы знаем наверняка, и как бы он ни говорил, что ему наплевать на него, это все равно причиняет боль. Я вижу это в его сапфировых глазах, когда он иногда смотрит в небо.

— Я сказал ему, что больше никогда его не увижу. Я всё равно ненавижу его ложь, и находиться рядом с ним — тяжёлое задание. Но думаю, он, должно быть, в какой-то степени заботится обо мне, потому что согласился на это. — Спенсер пожимает плечами, также напуская на себя немного бесцеремонный вид. Однажды я собираюсь сломить этих парней и докопаться до корней их эмоций. И знаете что? Я надеюсь, что они сделают то же самое и для меня.

— Должна признать, я впечатлена твоей схемой, — отвечаю я, наклоняясь для поцелуя, в то время как Рейнджер ворчит себе под нос.

— У нас встречи одна за другой весь день, — отчитывает он, но я думаю, что он просто ревнует и тоже хочет поцелуя. Я дарю один губам Спенсера, отстраняясь, прежде чем он втянет меня в свою огненную сущность, а затем пробегаю вдоль стола, чтобы поцеловать каждого парня в губы.

— О, это было весело, — говорю я, ударяясь спиной о дверь и распахивая её, влетаю в офис, а затем делаю тройной удар кулаком вверх и счастливый танец там, где никто не может видеть.

— Ты оставила дверь открытой, — говорит Черч, и моё лицо бледнеет, когда я оглядываюсь назад и вижу, что она не закрылась должным образом, и все только что видели, как я веду себя как полная идиотка.

Это... здорово. Просто великолепно.

Когда Астер Хейз стучит в дверь, и я открываю её, моё лицо становится цвета клубнично-свекольного джема, который готовят на кухне по пятницам.

Она улыбается мне, но выражение её глаз не совсем соответствует действительности.

«Психопатка», — думаю я, но даже если это неправда, Астер что-то замышляет. Я просто знаю это.

— Она даже не взбесилась из-за всего этого, — говорю я, пока мы с близнецами разбираемся в сложном процессе приготовления пюре из цветной капусты. Я даже не представляю, как это может быть полезно на данный момент; мы должны добавить в него немного сливочного масла, чтобы придать ему хоть какой-то вкус. Это как... безвкусный брокколи-альбинос, который при варке и протирании превращается в безвкусную белую кашу. — Ну, нормальный человек пришёл бы в ярость. Даже использованный-тампон Марк Грендэм, был раздражён. Она выводит меня из себя.

Астер Хейз принимала каждое наказание, назначенное Студенческим советом, с изяществом и уравновешенностью, что, по понятным причинам, выводило меня из себя. Никто не бывает настолько спокоен, если ему нечего скрывать.

— Так, может быть, виновата она, а не Селена? — предлагает Спенсер, поднимая взгляд от тарелки с запеканкой в своих руках в сторону двери класса. Мы бронировали класс после занятий каждый вторник и четверг, просто чтобы посмотреть, не сможем ли мы побыть немного наедине до того, как появится Астер. Несмотря на наказания, установленные Студенческим советом, и несмотря на тот факт, что мы постоянно относились к ней холодно, она, похоже, не в состоянии понять намёк. — Или, что, если мы ошибаемся и нападавших больше, чем одна девушка? — он собирается поставить блюдо в духовку, когда Черч поднимает голову от своей домашней работы и смотрит на друга так, словно тот только что сообщил ему откровение. — Знаете, в этом был бы смысл, потому что, *клянусь*, я видел, как Селена уходила с вечеринки в честь Дня Святого Валентина с той странной синеволосой девушкой, с которой переспал Рейнджер. А потом эта девушка оказывается без сознания, не помня о том, что произошло? Это какое-то сомнительное дерьмо.

Мой рот сжимается в тонкую линию, когда Рейнджер бросает на Спенсера чувственный взгляд.

— Кеша. — Только это одно слово, с оттенком лёгкого извиняющегося сожаления, когда он смотрит на меня. Однако мне не нужно, чтобы он или кто-либо другой сожалел о людях, с которыми они спали в прошлом; я просто хочу, чтобы в будущем они спали только со мной. С другой стороны, я слишком наслаждаюсь его вниманием, чтобы что-то сказать, ловлю этот сапфировый взгляд и удерживаю его. — Ты видел, как они уходили вместе, и до сих пор не подумал упомянуть об этом?

— Ну, я был пиздец под кайфом и немного пьян, и всё, что я действительно могу вспомнить, — это голубые глаза Чака. Признаюсь, та ночь повергла меня в серьёзное замешательство. Я подумывал о том, чтобы отсосать его член и даже проглотить, — он

собирался проглотить... для меня? Визжащая реплика. — А потом я встретил эту великолепную девушку, к которой почувствовал непреодолимое влечение...

— Ты собирался изменить Чаку с Шарлоттой? — я ахаю, и Спенсер бросает на меня дерзкий взгляд.

— Ты делаешь это с близнецами, не так ли? Может быть, я мог бы справиться с парой двоюродных брата и сестры?

— Ладно, хватит, — говорит Рейнджер, когда Тобиас и Мика хохочут, используя силиконовый скребок в своих руках, чтобы сделать жест в направлении Спенсера. — Ты видел, как Кеша уходил с Селеной?

— Почти уверен. А Астер всё ещё была внутри, танцуя с Россом. Просто хочу сказать, что у нас могли быть две нападавшие девушки, и, возможно, они не всегда присутствуют обе одновременно? — Спенсер ставит запеканку в духовку, а Черч поднимается с любимого стула, постукивая стилусом по губам.

— Это могло бы многое объяснить. Соедини Марка, Гарета, Селену и Астер вместе... Подумай об этом. Родословные совпадают, в дневнике Дженики есть упоминание о Либби, и каждый из них дал нам по крайней мере какую-то причину подозревать их. — Он делает паузу и кладёт ладони на столешницу. — Единственное, что не имеет смысла, — это твой отец. — Черч поднимает один палец. — Владельцы бизнеса в Натмеге. Как они соединены друг с другом?

— Ты забываешь о самой большой проблеме с этой теорией о четырёх нападающих, — произносит Тобиас, и близнецы обмениваются взглядами. — Нам не хватает ещё одного тела, — добавляют они вместе, и глаза Черча сужаются в задумчивости.

— Может быть, есть кто-то ещё, за кем они следили здесь или в Эверли? — предлагаю я, и затем мы все замираем, когда открывается дверь и входит Астер Хейз, улыбаясь своей удручающе идеальной улыбкой.

— Я что-нибудь пропустила? — спрашивает она, снимая один из своих новых фартуков с крючка возле двери и надевая его. Она носит простые белые вещи и никогда их не отбеливает; я могу сказать, что это приводит в бешенство и Черча, и Рейнджера.

— Мы как раз собирались приготовить запеканку с четырьмя видами сыра, — говорю я, пытаюсь выдавить из себя улыбку, а затем толкаю кулинарную книгу через остров.

Теперь, когда Спенсер заговорил об этом, я не могу перестать задаваться вопросом: есть ли в этом кампусе ещё одна жертва, о которой мы не знаем?

Хуже если...

Тот, о котором мы не узнаем, пока не станет слишком поздно...

Главная улица Натмега — не совсем прогулочная как у нас дома, но мне нравится

приезжать сюда по выходным. Все владельцы магазинов — даже те, кому не нравится семья Черча, — милые. Наверное, помогает то, что все ребята при деньгах, и всякий раз, когда я говорю, что мне что-то нравится, они покупают это для меня.

— Вам не нужно покупать мою привязанность, понимаете? — говорю я, сидя с парнями в их любимой кабинке у переднего окна. Я играю металлической соломинкой в шоколадном коктейле и притворяюсь, что не нарочно избегаю смотреть на электронное письмо в своём почтовом ящике, в котором говорится: «*Важное сообщение из Борнстедского университета*». Кстати, я не единственная, кому оно пришло. Пришло всем нам.

— Нам не нужно, но нам нравится, — отвечает Мика, пожимая плечами. — И ты правда бедна, так что я полагаю, что любая мелочь помогает.

— О, набей себе морду, — ворчу я, оглядываясь и наблюдая, как Меринда перебегает от столика к столику.

«*Это место так же в минусе, как антикварный магазин?*» — я удивляюсь, оглядываясь назад на Черча. Он сказал, что когда-нибудь расскажет мне эту историю, но я её до сих пор не услышала.

— И перестань так сильно переживать из-за этого дурацкого университета, — говорит Спенсер, ставя локти на стол и подпирая подбородок руками. — Ты же знаешь, что мы никуда без тебя не пойдём, Чак.

— Я не хочу вас удерживать, ребята, из-за того, что я прогуливала первые два года в старшей школе. Это несправедливо.

— Ты в полной мере осознаёшь, насколько мы богаты? — спрашивает Тобиас, но не так, будто хвастается, а просто констатирует простой факт. — Если и есть что-то значимое, что можно купить за наши привилегии, так это образование для тебя.

— Мы всегда планировали остаться вместе после окончания средней школы в любом случае, — произносит Рейнджер со вздохом и закатыванием глаз, как будто он не может поверить, что когда-либо подписывался на что-то такое глупое. Конечно, всё это прикрытие. Он любит этих ребят так же сильно, как и я. Только... Я не думаю, что он хочет сосать их члены. Это единственная разница между нами. — Мы как бы обсуждали идею о путешествии в первую очередь, но учёба тоже важна. Так что открой это чёртово электронное письмо и перестань изводить себя.

— Может быть, мне нужен фартук, чтобы мой зад обдувал приятный ветерок, и поднос с разноцветными кексами?

— Когда мы вернёмся в Адамсон, я голышом испеку несколько лавандово-ванильных кексов. Я также более чем счастлив снова перегнуть тебя через стол и выебать из тебя всё дерьмо. — Рейнджер постукивает по экрану моего телефона ногтем, покрашенным синим лаком, пока Черч потягивает кофе, а другие парни стонут. — Но только если ты откроешь это чёртово электронное письмо и избавишь нас всех от страданий.

— На самом деле, меня больше заинтересовала история Натмега и Монтегю...

— Мы все поступили, — говорят близнецы, перебивая меня и замирая с вилками на полпути ко рту, на зубцах каждой из которых блестит кусочек вишнёвого пирога. — Мы уже посоветовались с нашей мамой.

— Мы поступили?! — кричу я, вскакивая так внезапно, что вываливаю весь шоколадно-молочный коктейль Черчу на колени. Я зажимаю рот руками, но он едва реагирует, делая ещё один глоток кофе, прежде чем осторожно поставить кружку на стол. — Черч, мне так, так, так, так жаль...

— Не стоит, моя милая маленькая невеста, — говорит он, поднимая на меня глаза, прежде чем ухмыльнуться. Рейнджер и Мика соскальзывают со скамейки, Черч следует за ними, разбрызгивая повсюду молочный коктейль. — Приносим свои извинения, Меринда.

— Не проблема, — отвечает она, пока я борюсь между желанием сойти с ума и желанием помочь прибраться.

— Я справлюсь, — говорит Рейнджер, забирая тряпку у Меринды и качая мне головой. — Просто сделай это. Сходи с ума, или кричи, или что там тебе нужно сделать.

— Это правда? — спрашиваю я, и мои глаза наполняются слезами. Я вот-вот разревусь и начну повсюду пускать сопли. Это такое слово? Сопли? Потому что это действительно звучит так, как будто к этому часто привыкли бы... — Мы поступили в Борнстеда, да? Все мы?

— Мы зачислены, — говорит Тобиас со смехом, когда я поднимаю руки над головой и закрываю лицо руками, внутренне крича, потому что кричать посреди переполненной закусочной считается невежливым. Я изо всех сил сжимаю кулаки, а затем поворачиваюсь, чтобы дать Спенсеру крепкую пятёрку. — И знаешь что? Твоё обучение оплачено.

— Я ещё не подавала заявку ни на какие студенческие ссуды, — молвлю я, и четверо парней, всё ещё сидящих за столом, бросают на меня взгляды. — Что? Я имею в виду только потому, что мы встречаемся, я не ожидаю, что вы...

— Мы оплатим его, — хором говорят близнецы, откусывая по кусочку от своего пирога, а затем складывают вилки крестиком, эффективно обрывая меня от того, что я собиралась сказать. — Не спорь с нами. Это случится.

— Ты действительно думаешь, что я буду сидеть и смотреть, как ты вот так набираешь студенческие ссуды? — спрашивает Спенсер, глядя на меня. — За какого мудака ты меня принимаешь?

— Мне нужна минутка, — говорю я, сдерживая слёзы, проскальзываю под стол и выползаю с другой стороны, мои ботинки скрипят по полу, когда я выбегаю на улицу и прижимаюсь спиной к нагретой солнцем стене рядом с входной дверью. — Да! — мой голос эхом разносится по улице, и несколько человек оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. Хотя мне всё равно. Единственное, что меня сейчас волнует, — это наслаждаться этим моментом. Трудно сказать, за какие ниточки ребята дёргали за кулисами — потому что университет Борнстеда является очень конкурентоспособным университетом, — но я действительно усердно работала, чтобы всё изменить. Сейчас у меня пятёрки по всем предметам. Такое случилось со мной впервые в жизни.

Я исполняю маленькую нелепую джигу на радость ребятам, а затем распахиваю двери закусочной, моя грудь раздувается от гордости.

— Я будущая студентка университета, — говорю я случайным студентам Адамсона возле двери. Я не знаю, кто они такие, но то, как они бормочут себе под нос: «*Лакей из Студенческого совета*», — показывает, что они знают, кто я такая. Когда все четверо парней за моим столом поворачиваются, чтобы посмотреть на них, студенты очень быстро меняют тон.

— Иди проверь своего парня, залитого молочным коктейлем, студентка университета, — говорит Рейнджер, и я бросаюсь в туалет для мужчин, толкаю дверь и обнаруживаю Черча, который влажной тряпкой счищает шоколад со своей промежности.

— Тебе нужна помощь с этим? — спрашиваю я, но, когда протягиваю руку, чтобы забрать её у него, Черч лишь наклоняется и крепко целует меня в губы.

— Пожалуйста, не надо. У меня встанет, и тогда мы закончим тем, что займёмся этим в этом самом туалете, и Меринда никогда нам этого не простит.

Мои щёки вспыхивают.

Прошлой ночью мы с Черчем, возможно, снова занялись этим в нашей комнате, а может, и нет. Это стало чем-то вроде игры — пытаться перестать стонать и двигаться, когда Натан заглядывал на вечернюю проверку. Почти уверена, что он знал, что мы делаем, но пошёл он к чёрту. Он такой же подозрительный и неразговорчивый, как этот засранец-библиотекарь.

— Твои родители... их не волнует, приносят ли здешние магазины какую-либо прибыль, не так ли? — спрашиваю я, и Черч с улыбкой поднимает голову, бросая тряпку в раковину. Его брюки цвета шампанского промокли в промежности, и это выглядит так, будто он описался, но поскольку это всё моя вина, я решаю ничего не говорить.

— Их это не волнует.

— Потому что... — я веду, жестом предлагая ему продолжать рассказ.

— Потому что они оба сами по себе миллиардеры? — предлагает он, и я бросаю на него взгляд. — Потому что они встретились и полюбили друг друга в Натмеге, Чак. Моя мать училась в Эверли, а отец — в Адамсоне. Они продолжали встречаться на всех студенческих мероприятиях — вечеринке в честь Хэллоуина, танцах в День святого Валентина, конкурсе выпечки. Этот город — место действия их истории любви; они хотят, чтобы он сохранился.

— Это и есть причина, по которой они хотят владеть всем? — я задыхаюсь, и Черч вздыхает, как будто его родители — самые нелепые люди на планете.

— Да, в этом-то и суть. Они позволяют владельцам магазинов управлять своими магазинами так, как они делали это всегда, они платят им справедливую зарплату, и их не волнует, что магазин находится в минусе. Вот почему я никогда не просил их вернуть закусочную Меринде. Я знаю, что это место не приносило никаких денег до того, как мы его купили.

— А справедливая зарплата... — я начинаю, и Черч ухмыляется.

— Меринда водит «Бимер», Чак, — говорит он, и я фыркаю. Неужели я настолько очевидна? Я имею в виду, что социально-экономическое неравенство действительно беспокоит меня, но дело не в этом. Фу. Я только что сказала «социально-экономическое» у себя в голове? Я бы даже не смогла произнести это слово по буквам в Санта-Крузе, не говоря уже о том, чтобы использовать его в самостоятельной мысли.

— Ну, чёрт возьми, может быть, другие владельцы магазинов хотят продать свои заведения, но не могут.

— Из-за туннелей, — соглашается Черч. — Братство не хочет, чтобы мои родители завладели этими зданиями, просто на всякий случай.

— Так это значит, что там действительно должно быть что-то, что стоит спрятать, да? — спрашиваю я, и Черч кивает, всего один раз, но блеск в его глазах... он немного пугает меня до чёртиков.

Ни за что на свете мой будущий муж не спустится в эти туннели, с другими моими будущими мужьями или без них.

Только через мой труп.

Ой. Ой. Ой.

Плохая метафора.

Через моё живое тело.

Они не полезут в эти грёбаные туннели, только через моё всё ещё живое тело.
Ни за что.

Приближаются зимние каникулы, а с ними и мой восемнадцатый день рождения. Все парни уже отпраздновали своё восемнадцатилетие, но никто из них особенно не стремился раздуть из мухи слона. Мы вместе готовили и пекли, устраивали маленькие вечеринки со свечами в столовой Кулинарного клуба. И я приготовила маленькие, но продуманные подарки для каждого парня. Спенсер, Рейнджер, Тобиас и Мика занимались сексом в свои дни рождения, но бедняга Черч этого не сделал, поскольку тогда мы ещё не дошли до той стадии наших отношений.

Однако в следующем году он получит всё.

— С днём рождения, Шарлотта, — говорит папа тем утром за завтраком. Он попросил меня подняться к завтраку — только меня, — чтобы мы могли поговорить. Он даже приготовил французские тосты и яичницу-болтунью, добавив к кленовому сиропу бутылочки острого соуса и кетчупа. Мой подарок — красивая рамка с моим письмом о приёме в университет Борнстеда внутри, напечатанным на картоне, слова выбиты тёмно-синим тиснением. Да, это определённо подарок от настоящего директора.

— Спасибо, — говорю я, улыбаясь, а затем кладу вилку рядом с тарелкой. — Уверена, никто из нас не думал, что я доживу до этого дня, да? — я шучу, и папино лицо бледнеет до ужасного пепельного оттенка. — Просто имела в виду, я думала, ты можешь убить меня... образно говоря. Кроме того, я виновата, мне не следовало шутить со смертью, когда культ разгуливает на свободе.

— Шарлотта, — рывкает отец, бросая взгляд на дверь. Честно говоря, у него есть причина нервничать.

Прошлой ночью я села и составила список всех незначительных, но жутких инцидентов, которые смогла вспомнить за прошлый год.

- 1. В тот день окно над раковиной было открыто, и я услышал шорох в кустах.*
- 2. Большая тёмная фигура на Хэллоуин — мистер Мерфи настаивает, что это был не он.*
- 3. Восковая свеча в женском общежитии и пропавшая фотография Дженики.*
- 4. Странные звуки в листве за пределами общежития для девочек.*
- 5. Скрипучий звук шагов на верхнем этаже общежития для девочек — хотя это легко мог быть Рейнджер.*

Совершенно очевидно, что посвящённые Братства преследовали меня в течение довольно долгого времени.

Папа резко выдыхает, протягивая руку, чтобы потереть виски. Он, кажется, осознаёт, что делает, кладёт руки на колени и заставляет себя улыбнуться мне.

— Твоя мать тоже прислала кое-какие подарки. Я положил их наверху, на твою кровать.

— Круто, спасибо, — говорю я, гадая, как долго мне придётся здесь сидеть, прежде чем я смогу позвонить парням, чтобы они пришли за мной. Дело не в том, что я не хочу проводить время с папой, просто... мы любим друг друга, но нам нечего сказать друг другу, если в этом есть смысл. — Ты... будешь не против увидеть её с Йеном там на Рождество?

Завтра мы садимся в самолёт до Калифорнии, чтобы навестить моих маму и тётю. И

Монику тоже. Но мама уже обронила около трёх тысяч тонких намёков на то, что Йен будет у неё дома на Рождество. Я просто надеюсь, что папа переживёт, увидев их вместе.

— Йен Дэйв — хороший человек, — произносит он с таким видом, словно ему действительно доставило бы удовольствие набить морду библиотекарю.

— Он и Натан, верно? — спрашиваю я, склонив голову набок, как будто, возможно, я смогу понять своего отца, если посмотрю на него под новым углом. — Кажется, ты доверяешь им обоим, но я действительно изо всех сил пытаюсь понять почему.

— Я не вправе отвечать на твои вопросы, Шарлотта. Ты знаешь, что я бы сделал это, если бы мог.

Я не утруждаю себя спором с ним. Он импульсивный приверженец правил. Это не делает его плохим парнем, но в то же время кажется таким удушающим жить так жёстко. Я не хочу жить поверхностной жизнью, как моя тётя Элиза, но я также не хочу жить в коробке, как мой отец.

— Ты, по крайней мере, позволишь мне полетать на самолёте Монтегю, верно?

— Шарлотта, я не одобряю такого рода излишества. В наших билетах эконом-класса нет ничего плохого.

«В билетах эконом-класса нет ничего плохого, за исключением сведённых судорогой коленей и людей в вонючих носках, которые снимают обувь, кричащих младенцев и людей, которые бьют вас по лицу, когда откидывают спинку сиденья. Но конечно же. Окей, бумер».

— Тогда ладно. — Я встаю, достаю телефон из заднего кармана и трясу им для пущей убедительности. — Я собираюсь позвонить ребятам, чтобы они пришли и забрали меня.

Прежде чем выйти на крыльцо, чтобы позвонить, я останавливаюсь рядом с папиным креслом и обнимаю его за шею, мимолётно сжимая. Ни у кого из парней нет таких проблем с проявлением чувств, как у меня. Я думаю, что начинаю учиться у них. Это нормально — время от времени обнимать или говорить, что *я люблю тебя*. Эти вещи не делают тебя слабым или уязвимым, они делают тебя сильнее.

— У Арчи добрые намерения, но он совсем меня не понимает, — говорю я ребятам, когда мы возвращаемся в общежитие, а ветерок дует с морозным обещанием нового снега. — Полагаю, это особенность большинства родителей, да?

— К сожалению, моя мама понимает меня слишком хорошо, — отвечает Черч, глядя на несколько крошечных снежинок, которые падают с серого неба. Шея у него обмотана толстым шарфом, всё остальное тело закутано в шерстяное пальто. — Она хочет, чтобы я купил дом недалеко от Борнстеда, чтобы мы могли там жить. — Он очень многозначительно смотрит в мою сторону. — Или ты предпочла бы жить в общежитии?

Я смотрю на него так, словно у него выросли антенны.

— Твоя мама хочет, чтобы ты купил — я полагаю — абсурдно дорогое жильё... или же мы можем жить в крошечных общих комнатах в общежитии, которые, вероятно, имеют гендерную специфику, строго бинарны и заполнены мебелью из Икеа?

Черч смеётся, а Спенсер ухмыляется и бросает на него взгляд, говорящий *я же тебе говорил*.

Мы толкаем дверь в общежитие для парней, массивная ёлка в углу, украшена гирляндами и блестящими стеклянными украшениями. К счастью, большинство студентов уезжают на каникулы завтра, так что здание не так пусто, как могло бы быть. Я просто рада, что ребята собираются присоединиться ко мне в Калифорнии хотя бы на часть отпуска. У

каждого из них есть отдельные планы встретиться со своими семьями в какой-то момент в течение двухнедельного периода, но со мной всегда будет по крайней мере один человек.

Потому что... культовые проблемы.

Не потому, что я безумно в них влюблена или что-то в этом роде.

— Неужели будем только я и Черч... — начинаю я, стараясь не быть неблагодарной, но отчаянно надеюсь, что другие парни тоже будут жить с нами. Я всё ещё не совсем уверена, что происходит со всеми нами, но мне нравится то, что у нас есть. Это наша собственная маленькая семья в процессе становления.

— Ты с ума сошла? — спрашивают близнецы с обеих сторон группы. Меня всегда поражает, как они способны говорить в унисон, даже находясь довольно далеко друг от друга. — Мы тоже будем там.

— Мы будем там, — соглашается Рейнджер, останавливаясь у подножия лестницы и бросая взгляд на Спенсера. — Не беспокойся об этом. — Он оглядывается на меня, пока я стою, положив руку на перила, ожидая увидеть, что они задумали. — Прямо сейчас нам нужно кое-что сделать, но мы вернёмся. Мика. — Он присоединяется к ним, и они втроём отходят от Черча, Тобиаса и меня.

Моё сердце сразу же начинает бешено колотиться, и мне приходится сморщить лицо, чтобы сдержать волнение.

Они точно планируют какую-то хрень в честь моего дня рождения.

Я просто знаю это.

Они все уже сказали мне «с днём рождения», и я получила несколько случайных подарков: например, набор модных подушек от Черча, туфли на высоком каблуке, которые выглядят как пирожные от Рейнджера (магазин обувной выпечки — моя новая навязчивая идея), новый ноутбук от Спенсера и стопку, по общему признанию, милой одежды от близнецов.

Но дело не в этом.

Я могла бы сказать, что эти подарки были скорее развлечением, чем чем-либо другим.

— Не испорти этот сюрприз, — говорит Тобиас, предупреждая указывая на меня, его губы изгибаются в улыбке. — Мы усердно работали над ним.

— Сюрприз, какой сюрприз? — спрашиваю я, взбегая по лестнице в свою комнату, прежде чем он успевает ответить.

Потому что я знаю их слишком хорошо, и я знаю, что что бы они не сделали, это будет прекрасно.

— Шарлотта, проснись, — говорит Тобиас, мягко трясая меня за плечо. Когда я разлепляю отяжелевшие веки, первое, что я вижу, — это его улыбку, обращённую ко мне.

— Который сейчас час? — спрашиваю я, бросая взгляд на окно над моей кроватью. На улице темно, но это ничего не значит. В Коннектикуте сейчас зима. Чёрт, сейчас, наверное, около трёх долбанных часов дня.

— Почти шесть, — отвечает мне Тобиас, присаживаясь на край кровати рядом со мной. Должно быть, я так разволновалась, ожидая увидеть, что планируют ребята, что вымотала сама себя; я даже не помню, как заснула. Зевнув, я сажусь, вытягивая руки над головой. Тобиас наблюдает за мной, его внимание милое и нежное, выражение его лица смягчает резкие черты. — Ты готова, Чак Микропенис?

— К чему? — спрашиваю я, когда он встаёт и протягивает мне руку, чтобы я взяла её. Часть моих волос прилипла к щеке из-за слюны. Если моё желание на день рождения исполняется, значит, я неподобающе одета. Покрытое слюнями лицо и романтические мероприятия по случаю дня рождения точно не идут рука об руку. — Могу я причесаться, быстро накраситься и сменить платье? — спрашиваю я, но Тобиас только смеётся и тянет меня в коридор. Я замечаю, что дверь на чердак открыта, деревянная лестница опущена на этаж над нами, где раньше была моя старая комната.

— Не волнуйся: сегодня мы проверили и перепроверили этот чердак. Ты будешь в безопасности. — Он обхватывает мою руку своей и тянет меня вверх по лестнице, затем ждёт, положив руки по обе стороны лестницы, пока я взбираюсь наверх.

Здесь куча хлама, но ничего интересного, как в антикварном магазине. Вместо стеклянных клоунов и потайных дверей книжных шкафов здесь много старых кроватных рам, матрасов и сломанных стульев. Праздник зевоты.

— Выход на крышу находится здесь, — говорит Тобиас, показывая мне на последний лестничный пролёт. По мере того, как я поднимаюсь на каждую ступеньку, мой вид на небо за открытой дверью становится всё лучше и лучше, пока я не оказываюсь на крыше, окружённая звёздами.

— Вау. — Слово вырывается шёпотом, когда Тобиас присоединяется ко мне, ведёт за угол на ту часть крыши, которая выходит на лес за школой.

Остальные ребята уже там, одеты в тёплую одежду и ждут на куче одеял, расстеленных на трёх разных матрасах. Должно быть, они стащили их с чердака, чтобы мы могли на них полежать.

«Наблюдение за звёздами», — думаю я, даже не спрашивая об этом. Я мимоходом упомянула близнецам, что хотела бы сделать что-то подобное, и вот мы здесь.

Они прислушались.

Это значит для меня больше, чем я могу выразить словами. У меня перехватывает горло, и слёзы наворачиваются в уголках глаз, когда Мика подходит со связкой свитеров, шарфов и варежек, укутывая меня от холода.

— Раньше ты была такой задирой, Чак, — поддразнивает он, натягивая шляпу мне на голову. Пока небо чистое, но я вижу, как надвигаются тучи и угрожают накрыть школу. У нас будет полная задница снега, да?

— Я всё ещё задир, — ворчу я, оглядывая разбросанные свечи, охлаждающееся в ведёрке шампанское и поднос с клубникой в шоколаде на старом прикроватном столике. Есть даже белые фонари, подвешенные от флагштока к приподнятой части крыши, где находится выход. Они явно вложили в это много труда.

— Что произойдёт, если Братство узнает, что мы здесь? — спрашиваю я, представляя, как кучка культивистов в мантиях высыпает из двери на крышу, окружая нас. Они могли бы

вышвырнуть меня со здания, покончить со мной раз и навсегда.

Тобиас пинком закрывает дверь и дёргает за ручку, чтобы показать мне, что она заперта. Затем он поднимает связку ключей.

— Все они открывают дверь на крышу. Мы забрали их почти у каждого сотрудника кампуса, включая твоего отца, Эдди, даже Натана. И не волнуйся: мы сказали директору, что будем здесь с тобой сегодня вечером. Ему, похоже, это не понравилось, но он согласился.

— Он... согласился? — спрашиваю я, удивлённо моргая, когда поворачиваюсь обратно к Спенсеру, Черчу и Рейнджеру.

— Он так и сделал, — подтверждает Тобиас, когда близнецы осторожно берут меня за локти и подводят к своим потрясающим матрасам. Похоже, потребуется по меньшей мере три кровати королевского размера, чтобы разместить нас всех на ночёвку. Не то чтобы я думала, что все парни будут спать со мной в одной большой кровати.

«Пока нет», — хихикает мой разум и немедленно начинает строить планы. Хэштег Цель, я права?

— Присаживайся, Чак-лет, — говорит Спенсер, похлопывая по месту рядом с собой. Счастливая, я заползаю на матрас и ложусь на спину, положив голову на одну из покрытых мехом подушек Черча, устремив взгляд в темное небо над нами. Звёзды здесь такие яркие, что я даже вижу кружащееся сияние Млечного Пути.

Спенс укрывает меня одеялом, а затем ложится рядом. Рейнджер заползает с другой стороны от меня, Черч рядом с ним, а близнецы по другую сторону от Спенсера.

Некоторое время мы все просто лежали в тишине, глядя в небо.

— Это одна из самых крутых вещей, которые я когда-либо делала, — шепчу я, не желая нарушать тихое совершенство момента. Я даже не злюсь, когда вдалеке ухает одна из этих глупых сов.

— Я не уверен, что когда-либо раньше смотрел на звёзды, — говорит Мика задумчивым голосом. Он колеблется всего мгновение, прежде чем добавить: — С днём рождения, Чак.

— С днём рождения, — добавляет Черч, садясь и беря бутылку шампанского за горлышко. Он откупоривает пробку — очень вероятно, что папа не знает об этой части плана — и затем наливает каждому из нас по бокалу. — За Чака, — говорит он, и мы все поднимаем наши бокалы, чокаясь ими.

Я приветствую небо, а затем допиваю свой напиток, возвращая бокал Черчу, чтобы прижаться к боку Спенсера.

— У нас много еды, если ты голодна, — произносит Рейнджер, всё ещё сидя и держа бокал с шампанским в одной руке. — Мы приготовили пир для целой армии. — Он кивает подбородком в сторону стола, уставленного серебряными подносами, которыми, кажется, всегда пользуются поставщики провизии, с маленькими язычками пламени внизу, чтобы еда оставалась тёплой.

Чёрт.

Они действительно вложили в это много труда?

Мой пульс отбивает возбуждённый ритм, когда Спенсер обнимает меня за талию.

— Хорошо, потому что я могу съесть за целую армию.

— Просто дай мне знать, если захочешь эту грёбаную клубнику, — добавляет Рейнджер, тыча большим пальцем в сторону подноса. — Потому что я скормлю её тебе — лично.

— О, ты хочешь покормить меня? — я шучу, а Спенсер хихикает подо мной. — Это твоя новая фишка?

— Отвали, Карсон. — Рейнджер отставляет бокал в сторону и раскуривает косяк. Сначала он передаёт его Мике, отчего в неподвижный воздух поднимается белая струйка дыма. — Держу пари, если мы заберёмся достаточно высоко, то сможем остаться здесь на всю ночь и обсуждать экзистенциальные теории о звёздах.

— Или другие вещи, — предполагает Тобиас, как будто у них у всех на уме есть определённая тема, которую они планировали затронуть. Сразу же раздаются тревожные сигналы, и я начинаю задаваться вопросом, не связано ли это с нашими отношениями.

Я сажусь, случайно толкнув Спенсера локтем в бок и заставив его застонать.

— Какие еще вещи? — спрашиваю я, надеясь, что это не слишком похоже на бред сумасшедшего.

Несколько парней обмениваются взглядами, когда Спенсер опирается на локти, заправляя сине-зелёный шарф под подбородок.

Он сказал мне, что не против того, чтобы я встречалась с близнецами, потому что он был уверен, что я выберу его, что они не представляют угрозы. Всё это время мне казалось, что он надеялся, что в какой-то момент я выберу его. Так, может быть, именно поэтому мы здесь? В конце концов, для меня было нереально ожидать, что они будут жить вместе вечно, верно?

— Мы хотели поговорить с тобой о твоей помолвке с Черчем, — начинает Тобиас, но он улыбается мне, небрежно опираясь одним коленом на матрас, его дыхание туманится в холодном воздухе. — Это больше не подделка, она реальна, так что нам нужно выяснить, куда мы идём со всем этим.

Мои глаза расширяются, но я не перебиваю; я хочу услышать, что они хотят сказать.

— Ты знаешь, что мы с Тобиасом всегда планировали завести общую девушку или, однажды, жену. — Мика наливает себе ещё один бокал шампанского, а затем залпом осушает его. — Но мы не хотели делиться ни с кем другим.

— Я вообще не хотел делиться, — говорит Рейнджер, поглядывая на Черча. — Но всё складывается не так.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я, изо всех сил стараясь унять бешено колотящееся сердце. Если это превратится из самого лучшего дня рождения в самый худший, клянусь, я сброшу один из этих матрасов с крыши на деревья.

«Удачи тебе вытащить его из-под навеса, Эдди».

— Мы все согласны с тем, что нам нравится, как у нас идут дела, — говорит Черч, а затем ухмыляется. — Это прозвучало чертовски клинично. Я имею в виду, что ты нам всем нравишься, и, похоже, это не меняется.

— Мы решили, что, поскольку мы всё равно учимся в одном колледже, нам следует просто... прийти к взаимному соглашению, — продолжает Тобиас, взъерошивая волосы, как будто он обеспокоен тем, что может всё испортить.

— Мы не хотим, чтобы ты встречалась с кем-либо за пределами этого круга, — продолжает Спенсер, наконец-то выпрямляясь и наблюдая за мной бирюзовыми глазами. Он боролся с ревностью больше всех на свете, так что мне любопытно посмотреть, к чему приведет этот разговор. — Но мы тоже не будем встречаться ни с кем другим. Только мы и ты.

— Как долго? — спрашиваю я, и взгляд Спенсера смягчается.

— Столько, сколько ты захочешь. Мы всегда будем друзьями, Чак-лет, — отвечает он, указывая на других парней. — Мы всегда будем семьёй, включая тебя. Если романтика

просуществует вечно, то нас это устраивает. Если нет, мы можем всё переставить и разобраться с этим, когда придёт время.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашиваю я, оглядываясь на Рейнджера.

— Мы говорим, что нам нравится наша команда такой, какая она есть, так что давай придерживаться этого. Никаких других парней, никаких других девушек, только мы. — Он бросает на меня взгляд, а затем вздыхает, воруя косяк у Мики, когда тот передаёт его Спенсеру. — Мы говорим, что, если ничего не изменится, мы хотим сделать это своей фишкой.

— Мы не собираемся давить на тебя или просто ждать, пока ты сделаешь выбор. Мы здесь надолго. — Спенсер выдыхает, а затем протягивает руку, чтобы коснуться моего лица рукой в перчатке. — Это самая большая часть твоего подарка на день рождения, Чак. Мы берём на себя обязательства по этому поводу. — Он постукивает по кольцу, которое подарил мне Черч. — Все мы и ты, до тех пор, пока мы все будем рядом.

— Ты не ревнуешь? — мне удаётся шептать, постепенно теряя способность к человеческой речи. Я сражена наповал. В тупике. Измельчённая в порошок. Раздавленная. Разбрызганная. Но самым лучшим из возможных способов. Это всё, чего я хочу, чтобы у нас... было вот так. Сейчас и навсегда. Если что-то изменится, мы разберёмся с этим, но пока, по крайней мере, это реально.

Спенсер пожимает плечами, но затем улыбается мне настоящей, неподдельной улыбкой.

— Может быть, немного, но я полагаю, что это нормально, верно? Если бы я не ревновал, был бы я вообще человеком? Я хочу сказать, что это не имеет отношения к делу. Я делаю это для тебя. — Он делает паузу и на мгновение задумывается, прежде чем поправиться. — С тобой.

— С тобой, — соглашается Черч, а затем наливает ещё по бокалу шампанского. Парни чокаются своими бокалами с моими во второй раз. — Пока смерть не разлучит нас, — произносит Черч тост, и мы все бормочем это в ответ. Что именно это значит, я не уверена. Надеюсь, до конца года это заявление не станет таким буквальным.

Это всё, что я успеваю сделать, прежде чем мои глаза наполняются слезами, и мне приходится запихивать в рот клубнику в шоколаде, чтобы сдержать смехотворный девчачий плач. Не то чтобы в девчачьем плаче было что-то плохое. Я просто... не хочу плакать прямо сейчас, я хочу улыбаться.

Я хочу быть счастливой.

— Пока мы не забыли, — говорит Тобиас, поднимаясь со своего места и хватая розовую коробку из-за стола с едой. Она перевязана белой лентой и украшена букетом розовых, фиолетовых и красных цветов. Когда я открываю открытку сверху, там просто написано *«Любезно предоставлено Студенческим советом»*.

— Что это? — спрашиваю я, и Мика бросает на меня тяжёлый взгляд.

— Чак, открой. — Он улыбается, когда я развязываю ленту и снимаю крышку.

Внутри великолепное розовое платье с белым кружевом на плечах. Тобиас достаёт его для меня и встаёт, чтобы я могла видеть его всю великолепную длину.

— Мы сшили его на заказ, — произносит Черч, глядя на меня, а не на платье. — На этот раз это была групповая работа. Я знаю, что могу быть настойчивым в таких вещах.

— Оно чертовски великолепно, — отвечаю я, вставая и дотрагиваясь пальцами до нежного кружева, пышной юбки и лифа с рюшами. — Для чего оно?

— Это не просто подарок на твой день рождения, это твоё... — Рейнджер замолкает и стискивает зубы, как будто ему больно. — Боже, это слово слишком глупое, чтобы я мог его произнести. Я не могу этого сделать. Кто-нибудь другой попробует это сделать.

— Приглашение на бал, — говорят близнецы в унисон, и я улыбаюсь, обвивая руками шею Тобиаса, а затем точно так же обнимаю каждого из остальных парней. — Итак, ты пойдёшь с нами на выпускной?

— Я принимаю его. Да, во всех отношениях, — отвечаю я им, переполненная энергией и волнением, помогая Тобиасу положить платье обратно в коробку. — Есть ли шанс, что я также смогу собрать группу, уютно устроившуюся под звёздами?

— А... уютно? — спрашивает Мика, склонив голову набок.

— Обнимашки, идиот, — говорит Тобиас, укладывая близнеца на матрас. — И, конечно, ты можешь. Вот для чего мы принесли сюда всё это барахло.

Он заползает с другой стороны от Спенсера, Рейнджер — с дальнего конца. Я посередине, Мика справа от меня, а Черч с другой стороны от него.

Мы по очереди передаём косяк туда-сюда, Млечный Путь сверкает в небе, как картина.

Я только что получила концовку с обратным гаремом?

Да, да, я думаю, что только что это сделала.

Я просто надеюсь, что это действительно счастливый конец моей истории, а не эпизод в фильме ужасов, действие которого ведёт к катастрофе.

От марихуаны нас всех немного клонит в сон, но после нескольких часов курения, дремоты и разговоров о звёздах (и инопланетянах, много разговоров об инопланетянах) мы заставляем свои задницы подняться и немного поесть. Потому что если и есть одно чувство, которое может взять под контроль сонливость, когда ты под кайфом, так это то чувство, которое ты испытываешь, когда знаешь, что у тебя есть что перекусить.

— Несправедливо, что всё становится намного вкуснее, когда ты под кайфом, — стону я, прижимаясь спиной к Тобиасу, пока мы кутаемся в одеяла и пытаемся прикинуть, как долго будет идти снег, прежде чем погода прогонит нас с крыши обратно в тепло общежития.

— Это абсолютно справедливо, — стонет Мика, падая обратно на матрас. — Я с нетерпением жду этой части кайфа. В противном случае, я не уверен, что стал бы вообще курить.

Мы съедаем большую часть еды, быстро превращаясь в толстое белое снежное покрывало, которое вскоре покрывает крышу. Большую часть вещей мы просто оставляем там, чтобы забрать позже, но каждый берёт по подушке, и мы возвращаемся внутрь.

Дверь на чердак, к счастью, всё ещё открыта, и нам всем удаётся спуститься по

лестнице и убрать её, прежде чем Рейнджер закрывает за нами люк.

— Закуски в номер? — предлагает он, пожимая плечами, и я ухмыляюсь.

— Совершенно, определённо. Я ненавижу быть под кайфом без постоянного доступа к еде. Типа, мы только что поели, но я снова буду готова есть через десять минут. — Я беру Рейнджера за руку, и мы спускаемся вниз, остальные четверо парней следуют за нами. Мы даже не успели завернуть за угол, ведущий на кухню, как услышали звук шагов, за которым последовал хлопок двери.

Раздаётся крик и хрюканье, как будто за пределами кухни происходит какая-то драка. Близнецы обмениваются взглядами, а затем уходят, останавливаясь возле боковой двери и наблюдая за очень странной сценой.

Это Натан, ночной сторож, умиряет Эдди, уборщика.

У Эдди какое-то оружие — я думаю, нож, — которое Натан ловко вырывает из его хватки, разворачивая Эдди, а затем заламывая ему руку за спину, прежде чем полностью повалить его на землю. Натан явно обучен боевым искусствам, помимо того небольшого занятия каратэ, которое было обнаружено при проверке биографии, проведённой Рейнджером.

Мужчины спорят, но я не слышу, о чём они говорят.

Что я действительно замечаю, так это пару серебряных наручников, которые достаёт Натан, надевает на Эдди, а затем ведёт его по дорожке в направлении главного здания.

— Либо эта трава безумно крепкая, либо мы только что увидели что-то интересное.

— О, это не травка, — говорит мне Черч, глядя вслед мужчинам, когда они исчезают за поворотом тропинки. — Но, похоже, Натан только что арестовал Эдди. Разве Джек не говорил что-то о том, что часть сотрудников вовлечена в дела Братства?

— Ты думаешь, мы только что обнаружили одного из них? — спрашивает Спенсер, но даже Черч пока недостаточно уверен, чтобы ответить на этот вопрос.

Я взлетаю до небес, когда вхожу в милый маленький домик в пригороде, где остановилась моя мама. И это метафора, а не буквальная интерпретация полёта, которым я только что летела из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Стюардесса пролила напиток папе на рубашку, что я восприняла как кармическую справедливость. Вместо этого мы оба могли бы лететь на самолёте Монтегю...

— Шарлотта! — говорит мама в красном платье и белом фартуке поверх него, появляясь в выложенном плиткой холле. Она раскрывает объятия, и я ставлю свои сумки на пол, чтобы обнять её. Папа топчется позади, как будто не уверен, что ему здесь комфортно. Он настаивал на том, чтобы остановиться в отеле, но мама пообещала, что у неё дома будет достаточно места, и он уступил.

Она всегда имела на него такое влияние. Раньше я ревновала, но больше нет. Неважно, какие у вас отношения — платонические, фамильярные или романтические, — но некоторые люди просто подходят друг другу лучше, чем другие. Мама и папа общаются, но, по-видимому, не в романтическом смысле. Мы с папой, например, совсем не ладим, но мы всё равно любим друг друга.

Жизнь сложна.

— И напомни-ка мне, кто из твоих многочисленных бойфрендов этот? — спрашивает Элоиза с девчачьим хихиканьем, которое заставляет меня закатить глаза. Если бы она говорила серьёзно, я бы разозлилась, но она просто совершенно явно не понимает моих отношений со Студенческим советом. Хотя это круто. Она не обязана это понимать, она просто должна это уважать.

Я улыбаюсь и поддерживаю своё приподнятое настроение. В конце концов, она держала себя в чистоте и трезвости после того инцидента на Рождество в прошлом году. Я не могла просить ни о чём большем.

— Это Тобиас, — отвечаю я, когда Мика обходит его, это головокружительные копии красивых мальчиков. — И его брат Мика.

— О, да, *близнецы*, — шепчет мама слишком громко, чтобы слышали все в комнате. Она также говорит это очень многозначительно, что заставляет меня пожалеть, что папа стоит всего в двух футах позади меня.

— Остальные заняты семейными делами, но они будут здесь в канун Рождества.

— Я с нетерпением жду этого, — говорит она, а затем протягивает руку, указывая на коридор позади себя. — Позвольте мне показать вам всем, куда положить ваши вещи.

— Здесь намного лучше, чем в той дыре, где жила твоя мама, когда мы видели её в последний раз, — шепчет Мика, когда мы идём по коридору, а папа плетётся за нами. — Как она смогла себе это позволить?

— Мне тоже это интересно, — начинаю я, заглядывая в комнаты, мимо которых мы проходим. Одна из них похожа на кабинет, но выдвижная кровать убрана и явно приготовлена для гостей. Следующая — ванная комната, а та, что в конце, — огромная гостевая спальня с кроватью королевского размера.

— Здесь обычно останавливаются родители Йена, когда приезжают в город, но я подумала, что раз у Шарлотты так много парней...

— Извини, — произносит папа, перебивая её и поправляя очки на носу, чтобы ещё

больше усилить свой фирменный взгляд. — Ты сказала, родители Йена? Это его дом? Потому что увидеть его мельком во время отпуска и остаться в его доме — это две совершенно разные вещи.

— Арчи, — начинает мама, когда мистер Дэйв появляется в дверях позади папы.

— Всё в порядке? — спрашивает он, тёмные глаза бегло осматривают нас, прежде чем он улыбается. Похоже, его лицо тает, улыбка такая чертовски вымученная. Сварливый мистер Дэйв явно просто цепляется за своё здравомыслие ради мамы.

— Ну, вообще-то, Йен, — начинает папа, поглядывая в сторону нашего учителя. — Я бы с таким же успехом взял Шарлотту и остановился в отеле. Мне сказали, что ты будешь здесь на каникулах, а не то, что Элоиза на самом деле переехала к тебе.

— Подожди, ты школьный библиотекарь, работающий в Коннектикуте, и у тебя есть дом в Лос-Анджелесе? — спрашиваю я, обмениваясь взглядом с близнецами. — Потому что для меня это просто не имеет особого смысла.

— Это дом моих родителей; я снимаю его у них, пока они путешествуют. Да, я попросил Элоизу переехать сюда. Разве ты не видел, где она жила раньше? То место было небезопасно.

— А ты то знаешь всё о том, как обезопасить людей, — язвительно замечает папа, и его лицо медленно меняет цвет. Я перевожу взгляд с него на мистера Дэйва, задаваясь вопросом, из-за чего вся эта напряжённость. Из-за мамы, конечно, но есть и кое-что ещё.

Прикусив губу, я вспоминаю стычку, свидетелями которой мы стали, между Натаном, ночным сторожем, и Эдди, уборщиком. Мало того, что Натан тайный задира, так ещё и Эдди, должно быть, работает на Братство. Теперь многое обретает смысл: залатанная дыра в потолке Марка, отключение электричества на Хэллоуин и дверь в туннели, оставленная открытой в кабинете персонала, которая должна была быть заперта.

Что за кусок дерьма.

— Я покажу тебе твою комнату, — быстро говорит мама, подходя и беря папу за руку.

— Предполагается, что Шарлотта будет спать здесь с этими... *мальчиками*? — спрашивает папа, превращая слово «мальчики» в оскорбление.

— Ей восемнадцать, и она помолвлена с... ну, с одним из них, — возражает мама, её лицо морщится, когда она пытается взять ситуацию под контроль. Одно кольцо — пять парней. Всё в порядке, просто не думайте об этом слишком долго. — Очевидно, что они собираются заняться сексом, так зачем устраивать истерику по этому поводу?

— Очевидно?! — папа задыхается, но он уже знает, что это происходит. — Нет, не тогда, когда я сплю прямо по соседству, они не будут этого делать.

— Не психуй: между нашими комнатами есть ванная, — шучу я, и близнецы смеются, но папа ничего этого не замечает. Он вырывает свой локоть из маминых рук и исчезает в коридоре, оставляя нас наедине с мистером Дэйвом.

— Ты объяснишь, почему Натан может вывести из строя человека, как тренированный боец ММА? — спрашивает Тобиас, принимая мою обычную роль выпаливающего почти абсурдно прямые вопросы. Я стою рядом с ним в знак солидарности, пока Мика ставит наши сумки на скамейку в изножье кровати. — Или почему вы с директором доверяете ему ключи от всех комнат в общежитии?

— Мы с Натаном коллеги, — просто отвечает мистер Дэйв, сердито глядя на нас теперь, когда мама вышла из комнаты.

— Да, ни хрена ж себе. Вы оба работаете в Адамсоне, — говорит Мика, странно глядя

на нашего учителя.

— Мы коллеги в некотором роде, — поправляет мистер Дэйв, а затем качает головой. — Мне не следовало даже этого вам говорить.

— Говорить нам о чём? — я умоляю, ненавидя то, что мы так близки к разгадке этой тайны, и в то же время так далеки от неё. — Ты коп или что-то в этом роде?

— Или что-то в этом роде. — Это всё, что он, кажется, готов предложить, когда поворачивается и исчезает в коридоре, я в отчаянии опускаюсь на край кровати.

— Не волнуйся, Чак, — молвит Тобиас, кладя руку мне на макушку. — Мы все только что признались тебе в нашей вечной любви и преданности. Ты не должна грустить.

— Мне не грустно. — Я поднимаю глаза и убеждаюсь, что он видит по моему лицу, что я говорю правду. — Как я могу грустить, когда вы, ребята, присматриваете за мной? К чёрту культ. Я просто не могу дождаться, когда всё это закончится.

— Это ненадолго, — говорит Тобиас, кивая и выдыхая. Он поднимает взгляд и смотрит через всю кровать туда, где стоит Мика. — Дайте Черчу немного времени разобраться во всём, и он как всегда сделает это. Мы всего лишь грубая сила в полиции, а не мозги.

— Не обесценивайте себя. Вы вспомнили о моём дне рождения, когда я столкнулась с вами на набережной в прошлом году. Вы спасли мой отстойный день и превратили его в один из моих лучших. Черч хорош в тайнах, но это не делает его лучше вас. Вы все разноцветные полосы в моей радуге.

— Полосы в твоей радуге? — эхом отзывается Мика, а затем хватается меня подмышки и тащит на кровать, прижимая к матрасу руками по обе стороны от моего лица. — Вот это милая фразочка. Я мог бы к такому привыкнуть.

— Скажи это ещё раз, Чак, — соглашается Тобиас, ложась рядом со мной и проводя пальцами по моей ключице. — Если ты это сделаешь, мы, возможно, дадим тебе что-нибудь такое, что тебе действительно понравится и что твой папа по-настоящему возненавидит.

— Вы пытаетесь подкупить меня сексом? — шепчу я, притворяясь шокированной.

— Да, почти, — соглашаются они в унисон, и я визжу, когда Тобиас хватается меня и притягивает к себе, оставляя Мику подбежать к двери и пинком закрыть её.

Замок защёлкивается, и мы приступаем к делу.

— Со списком пропавших ежегодников из библиотеки, — начинает Черч, опуская взгляд на айпад в своей руке. — Спенсер и я смогли выяснить имена студентов академии Адамсон или Эверли, которые пропали без вести, покончили с собой или были убиты. Нет никакой очевидной закономерности, никакой корреляции между каждым инцидентом, кроме того, что они происходят раз в несколько лет.

— Ладно, значит, ничего такого, чего бы мы ещё не знали? — спрашиваю я, лёжа на

животе на кровати и наблюдая за ним через экран своего телефона, желая, чтобы он был здесь и пел ироничные рождественские гимны о снеге, в то время как солнце палит над Лос-Анджелесом, как проклятие. Мама ходит на занятия по прядению, а теперь ещё и *горит жизненной силой*, это чертовски странно. Близнецы сидят по обе стороны от меня, спиной ко мне, но каждый задрал колено на кровать, обхватив его руками.

— За исключением, — продолжает Черч, и он улыбается этой острой, умной улыбочкой, которая говорит, что он знает, какой он чертовски умный, — возраста детей в семьях, родословная которых восходит к первоначальному аббатству. Если в любой школе есть ученик, который соответствует одной из этих семейных линий, то в какой-то момент во время их зачисления всегда происходит инцидент.

— А что насчёт Либби? — спрашиваю я, думая о старшей сестре Селены. Джек сказал нам, что это Рик убил Дженику, но если наша теория верна, то Либби тоже должна была оставить жертву.

Мика щёлкает пальцами прежде, чем Черч успеваает ответить.

— Парень в парке, тот, что раньше работал в антикварном магазине.

Улыбка, кривящая губы Черча, говорит о том, что он справился с задачей.

— Я думаю, мы разгадали нашу тайну, — произносит он, разворачивая айпад и демонстрируя сделанные им многочисленные заметки. — Селена, Гарет, Астер и Марк — те самые придурки в толстовках. Юджин и Джаред были убиты во время обряда посвящения в Братство, и Шарлотта, следующая в списке. Единственное, чего мы не знаем, — это кто четвёртая жертва и почему культ выбрал дочь Эрика Уоррена. — Черч ненадолго замолкает. — Или почему Рейнджера не пригласили присоединиться.

— А что насчёт мистера Дэйва и Натана? — спрашиваю я, убавляя громкость в телефоне, на всякий случай, если Йен нас слушает.

— У них нет никаких записей, ничего интересного в их анкетных данных. Но информация, которую Рейнджер получил от того частного детектива, слишком чиста. Никто не оставляет на бумаге таких незначительных улик. Я предполагаю, что они копы, ФБР, что-то в этом роде.

— Чего же они тогда ждут? — огрызаюсь я, раздражаясь и запуская пальцы в волосы. — Юджин и Джейсон мертвы. Они просто ждут, что я буду следующей?

— Я полагаю, что они должны быть осторожны в том, как собирают доказательства или как подбираются к Братству. В противном случае их жизни могут оказаться в опасности. Это, и иначе участники могут разбежаться или замести следы.

Я киваю, но всё равно начинаю расстраиваться.

— Значит, мы увидимся через несколько дней? — спрашивает Тобиас, и Черч кивает. Моё сердце немного трепещет при мысли о том, что я снова увижу его. Рейнджера и Спенсера тоже. Быть вдали от них — отстой.

— Да, — говорит Черч, а затем делает паузу, как будто раздумывает, стоит ли мне что-то сказать. — Спите спокойно и берегите друг друга.

Он вешает трубку прежде, чем у меня появляется шанс попрощаться, и я выдыхаю, откидывая волосы с лица, прежде чем сесть. Спенсер был со своим отцом всю неделю, согласно его сделке о помощи на выборах, так что он не мог много говорить. И я получила всего три сообщения от Рейнджера, которые меня беспокоят.

— Давай, Чак, не унывай, — молвит Мика, поворачиваясь и имитируя мою позу, и он ложится бок о бок со мной. — Я правда наслаждаюсь этим шансом увидеть, как живёт

другая половина.

— Другая половина, да? — говорю я, скептически приподняв бровь в его сторону.

— Она странна — жизнь крестьянина, — произносит он, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, но его губы дёргаются и выдают его. Я толкаю Мику в плечо и высовываю язык, садясь рядом с Тобиасом.

— Ты увидишь, каким причудливым может стать крестьянин, если будешь продолжать настаивать.

Мой телефон жужжит в руке, и я опускаю взгляд, чтобы увидеть неожиданное сообщение от Черча.

«Я забыл сказать: Я люблю тебя», — читаю я как раз перед тем, как Тобиас выхватывает телефон у меня из рук.

— Я люблю тебя? — спрашивает он, приподнимая бровь. — Вы, ребята, теперь говорите друг другу «Я люблю тебя»?

Мои щёки вспыхивают, но я беспечно пожимаю плечами, притворяясь, что я спокойна.

— Да, я имею в виду, я тоже люблю вас, парни. Ничего особенного.

— Ты любишь нас? — повторяют они, обмениваясь долгим взглядом, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Хватаем её? — спрашивает Тобиас, и Мика кивает.

— Хватаем её.

Они хватают меня прежде, чем я успеваю добежать до ванной, и не отпускают до тех пор, пока Спенсер не стучит в дверь нашей спальни следующим утром.

Нет таких подарков, которые парни могли бы подарить мне, чтобы они превзошли бы их заявление о желании быть вместе. Я имею в виду, что они стараются изо всех сил, и я не из тех, кто отказывается от подарков, особенно когда они приходят в виде дизайнерской обуви и сумочек, за которые Моника в буквальном смысле убила бы.

Она придёт к ужину позже, но сейчас я просто наслаждаюсь короткой передышкой от моих родителей и мистера Дэйва, прячусь в гостиной, в то время как взрослые расходятся по своим спальням, чтобы отдохнуть от празднеств.

Совершенно очевидно, что нам тоже есть о чём поговорить. Я поняла это в ту секунду, когда увидела лицо Спенсера этим утром.

— Мы ходили в туннели, — говорит он, наклоняясь вперёд на диване рядом с Микой и упираясь локтями в колени. Он разбивает лёд ещё до того, как я успеваю осознать, что меня вот-вот бросят в холодную воду.

— *Что* вы сделали? — спрашиваю я, желая, чтобы он не был слишком милым, чтобы его можно было придушить. — Ты имеешь в виду, кто именно? Когда? И почему, чёрт

возьми, вы мне об этом не сказали?

— Мы со Спенсером пошли туда, — говорит Черч, выглядя виноватым после свершившегося факта. — Но Рейнджер всё это время был с нами в видео чате, на случай, если что-то пойдёт не так.

— Мне плевать, я всё ещё зла, — отвечаю я, но, с другой стороны, мне также чертовски любопытно. — Вы нашли там что-нибудь внизу?

— Ничего, кроме новых туннелей, — говорит Спенсер, закатывая свои бирюзовые глаза. — О чём бы ни говорил Джек, о скрытых церквях или о чём бы то ни было ещё, мы понятия не имеем. Мы даже никого больше не видели, когда были там, внизу.

— Они могли бы использовать туннели для транспортировки. Это могло быть простым совпадением, что вы ни на кого больше не наткнулись. — Тобиас смотрит на Черча в поисках подтверждения, но тот просто качает головой, как будто у него тоже пока нет ответа на этот вопрос.

Но мы близки, о, так чертовски близки.

— Я узнал немного больше о своём отце, — наконец произносит Рейнджер, заговаривая, а затем вздыхает, как будто он устал. — Из всех людей, именно от моей матери. Она напилась и вела себя странно, а потом начала рассказывать мне, что однажды ушла от отца, ненадолго, когда Дженике было лет одиннадцать, а мне два. Мы остановились у её странных родственников в Испании, которые связаны с католической церковью. Она крестила нас, пока мы были там, и сказала, что, когда решила вернуться, и он узнал об этом, Эрик взбесился и избил её.

— Срань господня. — Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить, и я съёживаюсь, извиняясь перед Рейнджером. Однако он смотрит вниз, на свои руки, как будто мечтает о том, как побьёт своего отца.

— В любом случае, я знаю, это звучит глупо, но вы же знаете, как эти культы увлекаются ритуалами и прочей ерундой. Я подумал, что, возможно, мы ищем причину, по которой мой отец не пригласил меня в Братство, или почему умерла Дженика. Это с натяжкой, но я полагаю, что мы должны, по крайней мере, рассмотреть этот вариант.

— Очень может быть, — говорит Черч, пожимая плечами. — Нужно быть бескомпромиссным, чтобы считать кровавое жертвоприношение нормальной частью взросления, поэтому вполне возможно, что они сочли крещение проблематичным.

— Я просто надеюсь, что это не был не очень тонкий способ моей мамы предупредить меня, понимаешь? Как будто, возможно, она в какой-то момент знала о Братстве и задаётся вопросом, знаю ли я тоже.

Мы все замолкаем, размышляя. Настроение сейчас тяжёлое и не особенно праздничное.

— Ладно, — молвит Рейнджер, хлопая ладонями по коленям. — На данный момент я покончил с этим дерьмом. Я не позволю каким-то психам в лисьих масках испортить мне Рождество. Итак, Шарлотта, мы купили тебе все эти настольные игры, так что выбери одну, и я буду готов надрать тебе задницу.

— Она реально ужасна в видеоиграх, так что это не должно быть сложно, — говорит Мика с усмешкой, но я не волнуюсь. Все они признали, что их познания в настольных играх ограничены — больше похоже на *крестьянское* занятие, по крайней мере, так я слышала, — и я уверена, что к концу вечера их яйца будут у меня в руках.

Это... тоже не совсем метафорично.

Тишина убаюкивает меня ложным чувством безопасности, когда мы возвращаемся в Адамсон после каникул. В течение нескольких недель всё было блаженно нормально. Это то, что я искала, чего хотела так долго, что позволила себе потеряться в этом.

Приятно иметь друзей, еще лучше иметь друзей, которые случайно оказываются любовниками, с моими школьными заданиями всё хорошо, и у меня есть план на будущее. Когда зима, наконец, уходит, и весна целует кампус, наши проблемы с новой силой встают на свои места со взрывом.

И конец, в буквальном смысле этого слова.

— Вот, Шарлотта, — говорит Рейнджер, по-прежнему единственный из группы, кто регулярно называет меня Шарлоттой (не Чак, дорогая, Микропенис и так далее), — возьми это. — Он протягивает мне коробку, полную фартучков с оборками, и я улыбаюсь. Для Рейнджера они так же важны, как сливочное масло, сахар и мука. Он не может печь без них. — Спенсер может отнести миксеры вниз, когда ты уйдёшь.

— Есть, капитан, — отвечает Спенс, берёт один из розовых миксеров и провожает меня к выходу из классной комнаты Кулинарного клуба и вниз, на огромную промышленную кухню, которая кормит школу и её персонал трёхразовым питанием семь дней в неделю.

В этом году в нашем кампусе проводится Северо-Восточный конкурс выпечки академий. В прошлом году он был в Эверли. А до этого, я слышала, он проводился в Нью-Йорке, в гигантском небоскрёбе, где находится Северо-Йоркская подготовительная академия.

Это довольно простое дело: судьи определяют категорию, и мы выпекаем всё, что можем, за отведённое время с указанными ингредиентами, а затем оцениваем наши десерты. Всего существует три категории, и набравший наибольшее количество баллов получает пожертвование в размере десяти тысяч долларов на благотворительность по своему выбору.

Опять же, эти богатые люди и их игры в благотворительность. Ну, все спонсоры могли бы с таким же успехом просто отправить чеки на благотворительность, но это в некотором роде забавно, так что я не жалею.

То есть до тех пор, пока мы не спускаемся вниз, и я не вижу ту синеволосую девушку с прошлого года. Кеша. Ту, с которой спал Рейнджер. Она замечает меня с другого конца комнаты и машет рукой.

Я быстро отворачиваюсь и притворяюсь, что занята складыванием фартучков.

— Она направляется сюда, да? — я спрашиваю Спенсера, и он оборачивается через плечо, чтобы посмотреть.

— Ага. Приближается бывшая девушка.

— У меня никогда не было бывшей девушки, потому что я ни с кем не встречался, — произносит Рейнджер, с грохотом ставя коробку с кухонными принадлежностями на стойку из нержавеющей стали рядом со мной, его щёки слегка краснеют, когда он смотрит в мою сторону. — Шарлотта — моя первая девушка.

— Ладно, братан, — говорит Спенсер, оборачиваясь как раз в тот момент, когда Кеша приближается к нашей станции, аккуратно одетая в белый блейзер и чёрный галстук Женской Академии Эверли. Мгновение она тербит галстук, оглядывая Рейнджера, а затем снова обращает внимание на меня.

— Приятно видеть, что ты, так сказать, вышла из подполья, — говорит она, пытаясь изобразить искреннюю улыбку. — На самом деле я здесь с Селеной и Ханной. Вы, наверное, не помните нас всех по танцам на День Святого Валентина в прошлом году... — она заправляет прядь волос цвета электрик за ухо, и я решаю, что меня действительно беспокоит то, что она, вероятно, использует ту же краску для волос, что и Рейнджер. Что я могу сказать? Я ревнивая придурище.

— Я помню вас троих по доку, — киваю я, бросая взгляд на Рейнджера, когда он прищуривает глаза.

— Кстати, ты помнишь, как потеряла сознание на лужайке перед танцевальным залом? Черч и близнецы появляются с новыми коробками, раскладывают их на прилавках и выгружают миски для смешивания, мерные стаканчики, венчики и лопатки. Они поглядывают в нашу сторону, но держатся на расстоянии, как будто догадываются, что задумал Рейнджер.

— Да, я помню, — отвечает Кеша, и в уголках её карих глаз появляются морщинки. — Я имею в виду, я не помню, как упала, только то, что Селена нашла меня и привела внутрь. — Она бросает на Рейнджера подозрительный взгляд. — А что? Какое это имеет отношение к чему-либо?

— Ты хоть помнишь, как вышла наружу? Послушай, я знаю, для тебя это мало что значит, но той ночью с нами кое-что случилось, и мы просто пытаемся докопаться до сути, — Рейнджер немного смягчает голос, и я вижу, как щёки Кеша заливаются румянцем. На этот раз моя очередь прищуривать глаза.

— Всё, что я помню, — как вышла на улицу подышать свежим воздухом... — начинает она и замолкает, как будто, возможно, это не первый раз, когда она пытается вспомнить, что произошло той ночью. — На самом деле, Селена выскользнула за дверь незадолго до этого, и я подумала, что если она собирается тайком выкурить сигаретку, то я тоже могу это сделать. — Кеша поднимает глаза и пожимает плечами. — Но это всё. Я помню, как вышла на улицу, а потом ничего.

— А Селена? — Рейнджер настаивает, но затем девушка, о которой идёт речь, с улыбкой направляется к нам.

— Привет, Шарлотта, — молвит она, отчего у парней на лицах появляется скептическое выражение. — Неужели Черч снова хочет припереть меня к стене? Или всё в порядке, раз я присутствую здесь на соревнованиях?

— У меня осталось твоё платье, — меняю тему я, пытаясь снять напряжение. — Я не хотела забирать его у тебя так надолго.

Селена возвращает своё внимание ко мне, нацепляя на губы улыбку, которая заставляет меня понять, что, хотя Черч борется со своими эмоциями, его улыбки не такие фальшивые. Эта *определённо* не из приятных улыбок.

— Не беспокойся. Я могу забрать его попозже. Ты встретишься со мной в гостиной общежития или еще где-то, Марк пригласит меня куда-нибудь позже, так что я обязательно буду поблизости.

— Вообще-то, я не могу, — отвечаю я импульсивно, как раз перед тем, как она уходит. Селена замолкает и моргает в ответ, словно не может поверить, что у меня хватило наглости отказаться. — Сегодня вечером я остаюсь со всеми пятью этими идиотами, и мы вроде как собираемся смотреть кино.

— Может быть, непосредственно перед или сразу после? — она предлагает, но мне не

нравится атмосфера, которую я ощущаю. Очевидно, что у нас нет тонны улик, чтобы обвинить её, но то, что у нас есть, вполне убедительно. К тому же, прямо сейчас у меня от неё мурашки по коже. Она слишком назойлива.

— Я застряну с ними с этого момента, по крайней мере, до понедельника. — Я драматично подмигиваю ей, надеясь рассеять подозрения в её глазах, ведя себя как придурок-извращенка. Не работает. Она перекидывает волосы через плечо.

— Отлично. Я пришлю курьера в какой-нибудь момент на следующей неделе, и ты можешь передать платье ему.

— Спасибо за понимание, — говорю я, заставляя себя улыбнуться, прежде чем Селена направляется обратно на свою половину кухни.

— Что это было? — спрашивает Черч, и я слегка вздрагиваю

— Она виновна, — отвечают близнецы в унисон. Я оглядываюсь на них и вижу, что они кивают в унисон. — Мы так и знали.

— Если она здесь, значит, они все здесь, все четверо. Вот тогда-то и должно случиться что-то плохое. Представьте, если бы она застучала меня одну в гостиной общежития. По крайней мере, если она будет думать, что я собираюсь провести с вами, ребята, все выходные, у них будет меньше шансов что-то предпринять.

— Хорошее решение, — говорит Черч, когда диктор дует в свисток и приказывает нам построиться на наших станциях. Нам присваивают нашу первую категорию, и на кухне воцаряется хаос. К счастью, мы делаем это так часто, что на данный момент всё практически механически, что оставляет мне достаточно энергии и сосредоточенности, чтобы наблюдать за Селеной.

Она, конечно, ни черта не делает неправильного, но у меня такое же ощущение на затылке, как и тогда, когда я была на Хайгейтском кладбище. На этот раз меня не застанут врасплох.

Рейнджер выигрывает все три раунда конкурса, как мы и предполагали, и мы выбираем местную организацию по спасению животных в качестве нашей благотворительной организации. Позже, возвращаясь в общежитие, мы натываемся на кое-что интересное.

Марк и Селена спорят в лесу.

— В этом нет смысла, *Марк*, — огрызается она, вырывая у него своё запястье. — Сегодня вечером этого не произойдёт.

— Ладно, чёрт возьми, это буквально, — шепчу я, и Спенсер закрывает мне рот рукой, как раз перед тем, как Селена продолжает, отходя от Марка, а затем снова возвращаясь. Мы все стоим на краю тропинки, вдоль линии деревьев, и смотрим на них.

— Ты хочешь, чтобы я переспала с тобой, когда я точно знаю, что ты обнюхиваешь хвост Астер?

— Между нами ничего не произошло, — умоляет Марк, но его голос подобен маслу — слишком скользкий для его же блага. — Мы просто сблизились, вот и всё. Мы проводим много времени вместе, и она здесь, а ты там...

— Значит, меня наказывают за то, что я осталась в Эверли? — Селена требует ответа, отодвигаясь, когда Марк тянется к ней.

— Тебя не наказывают, Селена, но ты знаешь, что было бы легче, если бы ты была здесь. Всё было бы проще. Например, сегодня вечером или даже в эти выходные. Не имело бы значения, куда она направлялась. — Я бросаю взгляд на Черча, и он отвечает мне тем же взглядом. То, что говорит Марк, может означать целую кучу разных вещей, например, может

быть, он говорит об Астер? Однако почему-то мне кажется, что последняя часть посвящена бедненькой-несчастной мне.

— Всё в порядке, — говорит Селена, небрежно указывая в его сторону. Однако на этот раз она, наконец, позволяет ему положить руки ей на талию. — В следующий раз, когда я буду здесь, мы сделаем это.

— Да, мы будем делать это, всю грёбаную ночь напролёт, — рычит Марк ей на ухо, и я закатываю глаза.

— У нас мало времени, Марк, — тихо говорит она, и в её голосе слышится глубокая меланхолия.

— Я знаю, — отвечает он, когда мы медленно удаляемся от этого места, их голоса переходят в шёпот. — Знаю, но мы достанем её — я обещаю тебе.

Всё началось утром выпускного бала в старших классах.

Согласно традиции Академии Адамсон, Эверли устраивает выпускные вечера для выпускников обеих школ по нечётным годам, а Адамсон — по чётным. Что ж, поскольку этот год чётный, мы проводим его здесь, в большом старом душном бальном зале, где академия устраивает свои модные родительские званые ужины и гала-концерты. Я имею в виду, что нужно дать им хоть *что-то*, учитывая ошеломляющую стоимость обучения здесь.

Как Студенческий совет — ура, я так взволнована, что до сих пор могу это сказать! — мы отвечали не только за тему, но и, по сути, выступали в качестве выпускного комитета.

Что, знаете ли, в окружении богатых придурков очень упрощает задачу, поскольку они все сдают внаем. Нужна еда? Обслужите. Хотите музыку? Наймите группу. Декор? Пригласите планировщика мероприятий.

— Я чувствую, что мы что-то упускаем, понимаешь? Как будто мы должны делать бумажные вывески и развешивать растяжки, и изо всех сил пытаться заполучить какую-нибудь никчёмную группу-неудачников с набережной.

Спенсер бросает на меня странный взгляд.

— Тебе нравится заниматься делами бедных людей? — спрашивает он меня, когда мой глаз раздражённо дёргается.

— У крестьян свои обычаи, не суди строго, — добавляет Тобиас, кивая головой и скрещивая руки на груди. Но этот осуждающий кивок головой и скрещивание рук, так что я бью его по руке телефоном. — За что? Это даже не было оскорблением.

— И ещё, пожалуйста, перестаньте покупать мне лифчики и нижнее бельё. У меня их предостаточно, — говорю я, бросая взгляд на близнецов и Спенсера.

— О, это не потому, что ты бедная, это потому, что нам *нравится* покупать тебе лифчики и нижнее бельё, — добавляет Мика, небрежно пожимая плечами, глядя на сверкающие люстры над нашими головами и цветочные гирлянды, сделанные из настоящих цветов. Каждая из них, вероятно, стоит небольшого состояния, а их здесь десятки. Честно говоря, всё больше похоже на свадьбу, чем на выпускной бал.

Цвета основаны на гербе Академии Адамсон — тёмно-синий и цвет шампанского, а круглая комната разделена на секции. Слева от двери стоят столики с вазами, ломящимися от цветочных композиций, чайными светильниками, ожидающими, когда их зажгут, и плюшевыми стульями, обёрнутыми большими тёмно-синими лентами, свисающими со спинок.

— Знаете, поскольку сегодня вечером буду только я одна, а вас пятеро, — начинаю я, когда Спенсер вопросительно поднимает бровь в моём направлении. Черч занят тем, что подметает комнату вместе с организатором мероприятия и обсуждает мелкие детали, в то время как Рейнджер обсуждает расстановку сладостей, которые мы испекли специально для сегодняшнего мероприятия. — Если вы хотите потанцевать с другими девушками, это нормально.

— Это нормально? — эхом отзывается Спенсер, глядя на близнецов, а затем кладёт ладонь мне на макушку. — Ты что, спятила? Может, тебя это и устраивает, но меня нет. Я не хочу танцевать ни с какими другими девушками.

— Да, но, — начинаю я, и близнецы зажимают мне рот ладонями, один близнец сверху

другого.

— Нет, — говорят они вместе, когда Мика наклоняется, чтобы посмотреть на меня.

— Ты не можешь устанавливать все правила. У нас есть право голоса. — Они отпускают мой рот, когда я свирепо смотрю на них. — Первое правило: ты не встречаешься с другими парнями. Второе правило: мы не встречаемся с другими девушками. Третье правило: мы делаем это до тех пор, пока всё работает. Разве тебя не было там, на твоём дне рождения, когда мы всё это обсуждали? Или у тебя есть ещё один секрет, который ты хочешь нам рассказать? Может быть, где-то в лесу прячется твоя однояйцевая близняшка?

— О, — говорит Тобиас, щёлкая пальцами и возбуждённо жестикулируя. — Это был бы хороший поворот сюжета — тайная близняшка, живущая в туннелях под школой, который возглавляет весь культ из-за Шарлотты, чтобы она могла убить её и забрать свою жизнь.

— А потом, однажды, мы просыпаемся, и язвительную Шарлотту, которую мы знали, заменяет эта странная, чопорная девушка с каменным лицом — как женская версия Черча — и один за другим мы медленно пропадаем...

Я обрываю Мику, прежде чем они успевают слишком углубиться в свои нелепые интриги.

— Сегодня вечером никаких разговоров о культах, мы обещали, — говорю я, поднимая взгляд на глянцевый баннер, который вывешивают в задней части сцены, с логотипом академии и годом нашего выпуска.

Господи, я вроде как не готова.

Мои руки сжимаются в кулаки под юбками, но Спенсер останавливает моё нервное ёрзание, положив ладонь поверх моей.

— Ты в порядке, Чак-лет? — спрашивает он, и я смотрю в его сторону, позволяя страсти в его глазах успокоить меня. Год пролетает незаметно, но мне есть чего ждать с нетерпением. Я просто... нервничаю из-за перемен, вот и всё. И я знаю, что нам осталось учиться ещё три месяца, но выпускной бал — это своего рода большое событие. Мы только что закончили промежуточные экзамены, четверть закончилась, и мне каким-то образом удалось получить не меньше четверки.

Это чудо.

Я почти уверена, что Вселенной нравится смеяться над всеми нами и сохранять свой собственный идеальный баланс, хотя — если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, вероятно, так оно и есть.

— Я в порядке. Я в восторге от того, что надену слишком дорогое платье и буду танцевать с пятью обалденными парнями, пока папа свирепо смотрит на меня из-за стола с пуншем.

— Разве это не мило звучит? — спрашивает Спенсер, обнимая меня одной рукой за талию, а другой хватая за руку. Он тянет нас на середину танцпола, и, хотя музыки нет, кружит меня, как будто мы на одной из модных вечеринок родителей Черча.

Мой смех, разносящийся по большой комнате, — единственная мелодия, которая здесь есть.

Жаль, что позже, той же ночью, вместо него по комнате разнесётся мой крик.

Теперь, когда общежитие для девочек официально открыто и в нём проживают всего три студентки, это идеальное место для размещения всех наших посетителей из Эверли. Я не в восторге от этого. Чёрт возьми, я была не в восторге, когда они снова начали строительство на том месте и забрали моё убежище. С другой стороны, теперь, когда парни не стремятся превратить мою жизнь в сущий ад, у меня есть множество других мест, которые не менее хороши, например, класс Кулинарного клуба.

Это означает, что я единственная девушка, которая готовится в общежитии для парней, сидит с зеркалом на комод в изножье кровати и делает макияж, пока Черч готовится в комнате Рейнджера. Двери у них открыты, а коридор кишит людьми, так что думаю, что здесь я в безопасности, дверь заперта, а телефон рядом.

Сшитое на заказ платье, которое мне подарили парни, сверкает в шкафу, как драгоценный камень, подмигивающий мне из тени. Чтобы сделать макияж достойным такого наряда, я потратила последние два часа на просмотр видеороликов на YouTube и попытки изменить свой обычный распорядок дня.

Золотистые блестящие тени для век, тёмные накладные ресницы и розовая помада, подходящая по цвету к платью. Мои волосы слишком короткие, чтобы их укладывать, но я укрощаю локоны и зачёсываю левую сторону назад, закрепляя маминой заколкой. Её перламутрово-белый цвет хорошо сочетается с кружевом в верхней части платья.

— Ты там уже закончила? — спрашивает Рейнджер, постукивая костяшками пальцев по двери.

— Почти! — отвечаю я, быстро встаю и ставлю музыку на паузу в телефоне. В платье немного трудно влезть самой, и я знаю, что мне понадобится кто-нибудь из парней, чтобы завязать бледно-розовые ленточки сзади, но я хочу быть как можно лучше подготовленной, прежде чем они меня увидят.

Я влезая в него и подтягиваю жёсткий лиф, просовывая руки в короткие кружевные рукава. Я абсолютно готова к каким-либо действиям в спальне этим вечером, в моих розовых трусиках поверх пояса с подвязками и чулках до бёдер. Моника гордилась бы мной. Кстати, я быстро делаю селфи и отправляю его и ей, и Россу. Я бы пообщалась с ними по видеосвязи, но они оба большие сплетники, и на то, чтобы положить трубку, уйдёт целая вечность.

Оглянувшись через плечо, я вижу, что солнце уже клонится к закату.

Пора уходить.

Надев тфли на каблуках, я подхожу к двери и открываю её, чтобы увидеть всех пятерых парней, ожидающих в своих костюмах. Каждый из них выбрал свой собственный цвет, как в тот вечер, когда мы с мамой ходили в тот модный ресторан.

— Чёрт, — хором произносят близнецы, обмениваясь взглядами, прежде чем Тобиас с улыбкой поворачивается ко мне и дарит корону, увитую свежими цветами. — Мы решили,

что пять букетов — это многовато, — добавляет он, надевая корону мне на голову.

— А корона — нет? — шучу я, но краснею с головы до ног, когда Спенсер заходит мне за спину, чтобы завязать шнуровку на моём платье. Он прижимает меня к себе, его пальцы дразнят обнаженную кожу моей спины, когда он наклоняется ближе, чтобы прошептать мне на ухо.

— Ты чудесно выглядишь в этом платье, но бьюсь об заклад, без него ты выглядишь ещё лучше.

— Извращенец, — ворчу я, но не могу скрыть гусиную кожу на своих обнажённых руках.

— Пять букетов, возможно, было бы многовато, но одного должно хватить, — говорит Рейнджер, протягивая его мне. Он состоит из розовых роз, гипсофил и блестящей подвески в виде кекса, от которой у меня перехватывает дыхание. У меня никогда не было хороших отношений с проявлением эмоций, но я пытаюсь разобраться со своими проблемами в интимной сфере. Как я могу этого не делать, когда все пятеро смотрят на меня так, ничего не скрывая?

Он надевает бутоньерку, в то время как Черч, одетый в потрясающий белый костюм, наблюдает за происходящим из задних рядов группы. Он пытается держаться в стороне, быть лидером, и я ценю это, но хочу, чтобы он тоже немного повеселился.

— Давайте спустимся туда, пока Марк и его друзья-неудачники не съели все наши кексы, — говорю я, пытаюсь сохранить хорошее настроение, когда обнимаю Черча с одной стороны и Мику с другой. Однако трудно забыть, что Марк не просто хулиган и мудака — он часть Братства Священнослужителей, кусков дерьма, ответственных за смерть Дженики, Юджина и Джареда.

«Нет, Чак, нет, никаких разговоров о культе сегодня вечером», — напоминаю я себе, пока парни ведут меня вниз по лестнице, как принцессу. В этот момент я тоже на самом деле чувствую себя таковой, совсем как в тот день, когда они отвезли меня в сказочный номер в Диснейленде.

Моё платье стелется по ступенькам, когда мы спускаемся по ним вместе, и слёзы щиплют уголки моих глаз.

— Ты в порядке, Чак? — шепчет Мика, но я могу только кивнуть, потому что никогда не ожидала, что со мной случится что-то подобное. И я имею в виду не только избыток членов (видите ли, я склоняюсь к юмору, потому что у меня проблемы с принятием собственных эмоций). Письмо о приёме в Борнстедский университет составляло мне компанию всё время, пока я готовилась.

— В полном порядке, — выдыхаю я, но слова звучат тонко и слишком высоко, Мика смеётся надо мной, прижимаясь своей головой к моей в поисках утешения.

— С тобой всё будет в порядке, — говорит он, и мои глаза наполняются слезами ещё сильнее.

Папа ждёт внизу лестницы, как настоящий отец на выпускном вечере. Сказать, что я удивлена, было бы преувеличением. Обычно он в первую очередь директор, а во вторую — отец. Может быть, открытие того, что за его единственным ребёнком охотится злобный, богатый, могущественный культ, немного изменило его взгляды на жизнь?

Он фотографирует меня на свой телефон, без предупреждения, просто вспышка в лицо, от которой я моргаю в ответ звёздочками. Да, да, окей, сегодня он определённо в режиме папаши.

— Шарлотта, — говорит он, выходя наполовину довольным, увидев меня в платье, и наполовину озадаченным тем, что у меня пять парней, с которыми я могу пойти на выпускной. Имею в виду, что я никогда ни в чём в жизни не была отличницей: оценки ниже среднего, сносные навыки серфинга, голос в караоке, который невозможно забыть.

Думаю, единственное, чего я решила в жизни добиться сверх меры, — это отношения с парнями. Почти уверена, что разбираюсь в этом дерьме.

О, и ещё, у меня есть награды за то, что я ляпаю постыдную чушь и веду себя как мудачка, сама того не желая. Это ещё один мой редкий талант.

— Папа, — говорю я, стараясь снова не поперхнуться. — Ты пришёл.

— Конечно, я пришёл, — отвечает он, и в его тоне слышится что-то от этого раздражительного директорского голоса. — Ты моя единственная дочь. Кроме того, я обещал твоей маме, что сделаю для неё фотографии. Почему бы вам, *дети*, — излишнее ударение на слове *дети*, но это нормально, — не придвинуться немного ближе друг к другу.

Спенсер, Рейнджер и Тобиас стоят на ступеньке позади меня, в то время как я остаюсь в центре, Черч слева от меня, а Мика справа.

Моё сердце бьётся так громко, что я едва слышу, как мой папа говорит нам улыбаться.

Но я делаю это, я широко улыбаюсь.

Он делает несколько снимков с группой, а затем заставляет парней сменять друг друга, так что у меня есть по одной паре фотографий с каждым из них.

— Спасибо, папа, — говорю я, и мы мгновение смотрим друг на друга, прежде чем он, наконец, отворачивается. Наши отношения улучшаются, но они не идеальны. И это нормально.

— Увидимся на танцах, — произносит он, исчезая за дверью и направляясь по дорожке впереди нас.

Прежде чем мы выходим за дверь, Спенсер хватается за белое шерстяное пальто, которое мама подарила мне на рождество, и набрасывает мне на плечи. Ночь прохладная, но очевидно, что весна уже в пути, и в воздухе не чувствуется морозного привкуса.

Студенты обтекают главное здание, направляясь к открытой двери, которая ведёт в бальный зал. Я уже слышу, как играет музыка, громкие поп-песни, которые раньше были моим любимым джемом дома. Я имею в виду, что они мне всё ещё нравятся, но я начинаю экспериментировать и с другими жанрами. Черч всегда включает классическую музыку, когда занимается, и мне она начинает нравиться.

Мы направляемся внутрь, и это словно вход в другой мир.

Над нашими головами арка из свежих цветов, профессиональный фотограф с полноразмерной беседкой справа и официанты, разносящие напитки на круглые белые столики.

Есть один столик в самом начале, рядом с танцполом, с табличкой на нём, которая гласит: «*Зарезервировано для Студенческого совета*». Кто-то добавил: «*Сядь здесь, и мы надерём тебе задницу*» красным внизу, близнецы или Спенсер.

— Я должна сказать, что со всеми этими деньгами, которыми вы, богатые люди, располагаете и отказываетесь выплачивать справедливую заработную плату своим работникам, вы наверняка знаете, как организовать хорошую вечеринку.

— О, спасибо, малышка, — говорит Спенсер, прикладывая руку к груди. Да, ирония от них совершенно ускользает. Он хватается за руку ещё до того, как я успеваю сесть, и тянет на танцпол, как он делал ранее сегодня. Больше никто пока не танцует, но это не

мешает парню с бирюзовыми глазами, в которого я влюбилась, кружить меня совершенно непривычным образом.

— Ты не очень хорош в этом, не так ли? — шепчу я, прижимаясь головой к его груди и вдыхая его запах. От него пахнет искушением, но искушением, которому поддались, которому потворствовали. Пряная смесь его одеколona переплетается с его собственным уникальным ароматом, чем-то неопишным, но незаменимым. От его прикосновений и запаха, гирлянд розовых огней, подсвеченных золотыми лампочками, и покачивания наших тел — у меня кружится голова. Но в хорошем смысле.

— Я не танцор, не то, что Черч, — говорит Спенсер, когда я откидываюсь назад и смотрю ему в лицо. — И, судя по всему, ты тоже. — Я хлопаю его ладонью по груди, и он одаривает меня одной из своих озорных улыбок. — Но мы могли бы взять уроки вместе. Держу пари, тебе бы это понравилось, а?

— Держу пари, тебе бы это понравилось, — парирую я, и он пожимает плечами, одетый в угольно-серый костюм и фиолетовый галстук, из-за которого его глаза кажутся ещё более яркими, чем обычно.

— Держу пари, так бы и было. Я определённо одержим тобой, Чак-лет.

Он поднимает мою руку и призывает меня быстро покружиться, когда музыка подходит к концу, и мой отец выходит на сцену, чтобы произнести вступительную речь. Типичный Арчи. Он живёт ради речей, собраний и церемоний награждения. Почти уверена, что, когда он понял, что больше не может их посещать, то решил стать директором школы, чтобы проводить их самостоятельно.

Мы со Спенсер занимаем свои места как раз перед тем, как подходят официанты и принимают наши заказы на ужин. *Заказы на ужин*. Как будто мы в ресторане или что-то подобное. В меню всего несколько вариантов, но, чёрт возьми, все они шикарны.

— Почему я так удивлена всему, если именно мы это спланировали? — спрашиваю я, постукивая вилкой по губам. На этой вечеринке нет ни одной девушки, которая не прошла бы мимо и не посмотрела на меня, сидящую за столом, полным сексуальных парней, без какой-либо реакции.

— Потому что ты отстойный помощник и никогда ни на что не обращаешь внимания? — спрашивает Мика, но он смягчает удар своих слов улыбкой. Близнецы сегодня одеты в костюмы разных цветов — Мика в красном, а Тобиас в чёрном, — и я должна сказать, что вместе они создают очень красивую картинку.

— Я отстойный помощник, да? — спрашиваю я, ухмыляясь, когда официант разливает игристый яблочный сидр по нашим бокалам. Я бы с удовольствием выпила немного шампанского прямо сейчас, но... Я оглядываюсь и вижу, что папа стоит в углу комнаты, развлекаая нескольких своих любимых учеников. В конце концов, кто-нибудь подольёт алкоголь в пунш. Это происходит на каждом школьном мероприятии, на котором я когда-либо была.

— Ты действительно такая, — отвечает Тобиас, когда я беру несколько маленьких блестящих звёздочек, разбросанных по поверхности стола, и бросаю их в него. — Но нам нравилось, что ты участвовала в этом.

— Определённо, за этим столом она выглядит красивее, чем Росс, — говорит Рейнджер, его костюм тёмно-синего, почти чёрного цвета. Он подходит к его сапфировым глазам и коротко подстриженным волосам рок-звезды. Он сидит, скрестив руки на груди, и осматривает комнату в поисках проблем. И под проблемами я определённо подразумеваю

Марка. Или Селену. Или Гарета. Или Астер.

Фу. Слишком много злодеев, за которыми невозможно уследить.

— Ты же не пытаешься разобраться в культовых вещах прямо сейчас? — спрашиваю я, одаривая его суровым взглядом, на который он отвечает прищуренными глазами. Я указываю на него, и его рот кривится в виноватой улыбке. — Так и есть! Больше не надо. Больше никаких детективных штучек. Это наш выпускной бал, и он у нас будет только один, а в прошлом году я вообще не ходила, потому что была в Санта-Круз...

— Хорошо, — соглашается Рейнджер, наклоняясь вперёд и кладя свою руку поверх моей. — Я понимаю, Шарлотта.

— Думаю, нам всем не помешал бы перерыв, — соглашается Черч, вытаскивая из кармана пиджака фляжку и тайком протягивая её мне под столом. Я бросаю взгляд в сторону папы, отвинчивая крышку, отпиваю немного и затем передаю Спенсеру. — И теперь, когда мы знаем, что мистер Дэйв и Натан работают над проблемой, у нас есть наше решение.

— Не могу дождаться, когда увижу, как этих психов посадят в тюрьму, — говорю я, глядя на бумажный фонарь-звезду у себя над головой. Теперь я точно помню, как покупала этих малышей для выпускного бала. Они напоминают мне о той ночи на крыше, и я просто ничего не могу с собой поделаться. Я безнадёжный романтик.

— Или в землю, — предполагает Рейнджер, но несмотря на то, что Мика фыркает, это явно *не* шутка.

Нам приносят еду, и я должна сказать, что она просто выше всяких похвал. Я заказала что-то вроде курицы, завернутой в тесто, с салатом и двойной порцией запечённой картошки, ем до отвала, и мне кажется, что моё волшебное платье феи вполне может лопнуть по швам.

— Ладно, Шарлотте хватит еды, — молвлю я со стоном, отодвигая тарелку и откидываясь на спинку стула.

— Надеюсь, ты не настолько наелась, что не сможешь танцевать? — спрашивает Мика, бросая на меня дерзкий взгляд, который напоминает мне о том дне в Санта-Крузе, когда мы ездили на гонки на его «Ламборгини».

— Эм, чёрт возьми, нет. Разве не для этого весь сегодняшний вечер? — он встаёт и берёт меня за руку, уводя от Спенсера и Черча в кружащуюся толпу в центре комнаты. Я должна сказать, что он тоже не очень хороший танцор, но он знает, как двигаться так, чтобы мне было очень, очень интересно.

— Эй, — спрашивает Тобиас, перегибаясь через спинку стула, чтобы посмотреть на нас. — Вы двое танцуете или трахаетесь? Потому что это наверняка похоже на последнее.

— Ты просто ревнуешь, придурок, — парирует Мика, снова отталкивая меня. Он прижимает меня к себе, пока мы оба, потные и тяжело дышащие, не падаем на наши стулья за столом. Каждые несколько песен я меняю партнёра по танцам, которого беру с собой на танцпол, делая небольшие перерывы между ними, чтобы перевести дыхание.

— Ты уверена, что сможешь справиться с нами пятью? — спрашивает Рейнджер, кружа меня, и я пытаюсь решить, действительно ли он говорит о танце, или он имеет в виду что-то более... похотливое. Танцевать с пятью разными парнями я определённо могу. Но если он имеет в виду их пятерых в постели одновременно... тогда ему придётся немного подождать.

По крайней мере, до колледжа, верно? Это звучит как экспериментальная идея для колледжа.

— Уверена, — отвечаю я, наслаждаясь тем, что он уверенно лидирует на танцполе.

Когда парень провожает меня обратно к столу, я слышу скрип отодвигаемого стула и, обернувшись, вижу Селену, склонившуюся над столом Астер. Она шепчет что-то другой девушке, и они обмениваются ядовитыми взглядами. Это должно быть как-то связано с Марком. Селена опрокидывает бокал Астер, расплёскивая жидкость по всему её платью, а затем выбегает за дверь.

Как только Марк видит это, он встаёт со стула, чтобы пойти за ней. Когда Астер пытается догнать его, хватая за рукав, он отдёргивает от неё руку и исчезает.

В этот момент становится чертовски очевидно, какую девушку он выбрал.

— Это было больно, — фыркаю я, качая головой и оглядываясь на парней. Но, честно говоря, мне было наплевать на их тревожный любовный треугольник. Я только начинаю настраиваться на вечер, как будто, может быть, я буду танцевать до тех пор, пока не взойдёт долбаное солнце. — Тобиас, пойдём?

— Мы так и сделаем, — отвечает он, поднимаясь на ноги и беря меня за руку, прежде чем остановиться и свирепо посмотреть на своего брата. — И я покажу тебе, как это делается.

Вместо того, чтобы просто прижимать наши тела друг к другу — что, кстати, мне очень понравилось, — Тобиас делает это медленно, кладя руки мне на бёдра и скользя ими вверх к грудной клетке. Он наклоняется и целует меня в шею, наши тела двигаются в гораздо более медленном темпе, чем у всех остальных танцоров вокруг нас. Но, боже мой, как это горячо.

Мы находимся в центре огромной группы людей, но он прикасается ко мне так, словно мы в постели, наедине. К счастью, сейчас толпа достаточно плотная, и папа нас не видит. Если бы он мог, у него, наверное, лопнула бы вена на лбу. Я имею в виду, мне уже восемнадцать, так что он мало что мог бы сделать, чтобы остановить меня.

Песня заканчивается, и мы с Тобиасом какое-то мгновение стоим, затаив дыхание, и расходимся только тогда, когда заканчивается вся следующая песня.

— Может, выпьем чего-нибудь? — спрашивает он, протягивая руку. Я беру его, всегда приятно удивляясь мускулам его руки, и подхожу к столику с закусками, чтобы взять немного пунша. Он был смешан, это точно, но никто из администраторов пока этого не заметил. Хотя меня это вполне устраивает; приятно немного повеселиться. Границы реальности немного размываются, отчего золотистые огни кажутся звёздами над нашими головами. Пары всё ещё танцуют медленный танец, а мы с Тобиасом стоим там и потягиваем наши напитки, поглядывая друг на друга, а затем отправляем друг другу в рот пару миниатюрных розовых кексиков.

— Давай потанцуем ещё, пока кто-нибудь из моих придурковатых друзей снова не попытается тебя украсть, — говорит он, хватая меня за руку и тянет обратно в сверкающую толпу. Одна его рука ложится мне на талию, в то время как другая сжимает мою руку, возвращая меня в волшебство вечера.

Мы танцуем всего несколько минут, прежде чем я начинаю замечать, что люди опускаются на свои стулья или даже останавливаются, чтобы присесть на пол в лужицах шёлка и атласа.

— Что происходит? — спрашиваю я, когда Тобиас стонет и отпускает мои руки, отшатываясь назад и приземляясь передо мной на колени. — Тобиас? — я наклоняюсь рядом с ним как раз перед тем, как тоже начинаю чувствовать это, на меня накатывает тяжёлая сонливость, которая заставляет меня раскачиваться на месте.

Повсюду вокруг нас пары падают на пол. То тут, то там один или два человека кажутся

совершенно незатронутыми этим, но это исключение, а не правило. Даже большинство сотрудников шатаются или падают.

— Что... — я вздрагиваю, поднимая взгляд и осматривая комнату в поисках остальных парней.

Звук позади меня, похожий на скрежет камня о камень, привлекает моё внимание к девушке в жёлтом платье для выпускного вечера... и ужасному, ухмыляющемуся лицу в маске лисы Братства. Она стоит в чёрной пустоте дверного проёма, которого раньше там не было.

«Ещё одна потайная дверь, как в антикварном магазине», — думаю я, прежде чем она делает шаг ко мне.

— Поймай для нас лисят, — шепчет она, хватая меня за запястье и увлекая за собой в туннель.

Холодная вода капает мне на лоб, отчего я вздрагиваю и просыпаюсь. На секунду убеждаюсь, что выпила слишком много на выпускном вечере и в итоге страдаю похмельем. Это оно. Всё остальное было просто ночным кошмаром.

Но затем я моргаю, полностью просыпаясь, и смотрю на потолок, расписанный причудливыми изображениями: люди в балахонах, в масках. Там много крови. О да, в этом искусстве чертовски много крови. Что, чёрт возьми, на самом деле происходит? Мой пульс учащается, и я изо всех сил пытаюсь сесть, но мои руки и ноги не двигаются с места. Повернув голову вправо, я вижу, что моё запястье привязано. На самом деле, оба моих запястья связаны. И обе лодыжки тоже.

Свечи мерцают на металлических подставках для факелов, равномерно расставленных по круглой комнате. Совершенно очевидно, что мы находимся под землёй; здесь нет окон, только фрески, нарисованные так, чтобы они выглядели как окна. Потолок высечен из камня, как и стены, и я почти уверена, что то, на чём я лежу, тоже сделано из камня. Моим обнажённым плечам холодно, когда я слегка ёрзаю, проверяя свои пути и моргая сквозь густую пелену.

«Что случилось со всеми на танцах?» — удивляюсь я, внезапно забеспокоившись о парнях больше, чем о себе. Насколько я помню, Тобиас почти не реагировал.

— Э-э-эй? — зову я, и мой голос эхом отдаётся в пустой комнате. Здесь никого нет, кого бы я могла видеть, но ясно, что я не сама привязала себя к этому каменному алтарю.

Алтарь.

Мои мысли возвращаются к Джейсону Ламберту, кап, кап, капает кровь с его скрюченных пальцев.

Чёрт. Снова оглядевшись, я замечаю стол, заваленный разнообразными предметами.

Здесь галстуки и букеты засушенных цветов, старые футболки, заколки, фотографии в рамках... включая ту, на которой Дженика, пропавшая из общежития для девочек. Всё собрано там вместе, трофеи погибших студентов собраны в сверкающее святилище.

О-оу.

Звук открывающейся двери привлекает моё внимание к противоположной стороне комнаты, подальше от каменного помоста и к группе людей, одетых в чёрные мантии и лисьи маски. Прямо как в тот день в лесу, когда мы со Спенсером спасались бегством.

Страх пронзает меня, ледяной и определённый.

В Братстве Священнослужителей, возможно, и есть жуткое культовое клише, но это не смешно. Это совсем не смешно. Это *ужасно*.

Люди молча входят в комнату, идя по узкой дорожке с лужами тёмной воды по обе стороны. Из воды торчат статуи, покрытые мхом, безликие монстры наблюдают за их процессией. С потолка свисают сталактиты, а крошащиеся белые колонны усеивают комнату тут и там — небольшие намёки на неоклассическую архитектуру, напоминающие мне актовый зал.

Культисты начинают выстраиваться вдоль стен вокруг меня, звук их шагов эхом отдаётся в огромном помещении. Ещё одна прохладная капля воды, которая стекла с камня надо мной, попадает мне на лоб.

Вот, вот куда ведут туннели.

«Интересно, это место тоже затопливает, когда идёт дождь?»

Я моргаю ещё несколько раз, а затем натягиваю путы, розовое платье с оборками развеивается при каждом моём движении. Но даже если бы я не была связана, не уверена, что смогла бы выбраться отсюда. Должно быть, они подсыпали в еду и напитки... что-то наркотическое.

«По крайней мере, это означает, что все остальные в порядке, верно?» Потому что даже в этот момент я думаю не о себе. А о моём отце и парнях.

Резко выдыхая, я пытаюсь сосредоточиться на происходящем, не позволяя охватить себя панике. Какой бы наркотик они мне ни дали, он, должно быть, притупляет эмоции, потому что я не схожу с ума. Я напугана, но... не паникую.

«Подумай, Шарлотта, — я хватаюсь за притуплённые уголки своего мозга. — Если ты этого не сделаешь, то ты покойница. Это оно. Ни колледжа, ни будущего, больше никаких счастливых моментов, поцелуев украдкой и нежных словечек, нащёптанных шёпотом в темноте».

Чёрт, это была заметно лучшая поэзия, да?

Жаль, что я не совсем в том положении, чтобы оценить её по достоинству.

Один из придурков в мантиях выходит в переднюю часть комнаты, несколько других расходятся веером по обе стороны от него. Первым появляется студент, одетый в костюм, с плотно надвинутой маской, и опускается на колени перед возвышением.

— Я поймал для тебя лису, маленькую лисичку, которая грабила виноградники, — говорит он, и я сразу понимаю, что это голос Марка, говорящий из-под маски. Высокомерие сочится из каждого отрепетированного слова. Ну, и я за милую душу чувствую запах бутерброда с дерьмом.

Люди в комнате начинают скандировать, их голоса эхом отражаются от каменных стен и возвращаются ко мне, пока я изо всех сил пытаюсь выбраться из своего ментального тумана.

— А как зовут лису? — спрашивает мужчина, стоящий впереди собравшихся, и в его голосе я слышу лёгкий намёк на узнавание.

— Юджин Мазерс, — спокойно отвечает Марк, снимая маску и поднимаясь на ноги. Он ненадолго останавливается, чтобы оглянуться через плечо, и его уродливый рот изгибается в ухмылке. Это немного выводит меня из себя. Если Шарлотта Карсон и есть что-то, так это злобность, и видеть его таким самодовольным? Это просто выводит меня из себя. Он поворачивается обратно к передней части комнаты и делает шаг вперёд, прижимая маску к груди.

Следующий человек, который появляется передо мной, одет в алое платье, её красно-оранжевые волосы выбиваются из-под маски. Ей даже не нужно снимать её, чтобы я поняла, кто она такая. Она опускается на колени точно так же, как это делал Марк, но с чуть большим смирением.

— Я поймала для вас лису, маленькую лисичку, которая грабила виноградники, — повторяет Астер Хейз, снимая маску и поднимаясь на ноги в беспорядке из шёлка и тюля.

— А как зовут лису? — спрашивает лидер, и в его словах нет ни намёка на эмоции. Они здесь говорят о мёртвых детях, и им наплевать на то, что они натворили. Для них всё это игра, как и было с самого начала. Парни сказали, что, если одна из этих семей хочет моей смерти, они могли бы нанять кого-нибудь для этого. Но дело не в этом. Это ритуал, жертвоприношение и традиция.

— Джейсон Ламберт, — легко отвечает Астер, отчего у меня перехватывает дыхание. И так, она всё это время была нападавшей женщиной — во всяком случае, одной из них. Это значит, что она танцевала со мной в День Святого Валентина, а потом попыталась убить меня в ту же ночь. Насколько это всё запутанно?

Она занимает место рядом с Марком, когда третий придурок в толстовке с капюшоном поднимается на сцену, становясь коленями на твёрдый камень в своём смокинге.

— Я поймал для тебя лису, маленькую лисичку, которая грабила виноградники, — говорит парень, и, хотя я знаю, что слышала этот голос раньше, мне трудно его вспомнить. Но это должен быть Гарет, верно? Наша детективная работа была безупречной.

— А как зовут лису?

Я знаю ещё до того, как он заговорит, что это я. Я маленькая лисичка. Мои глаза крепко закрываются, и я всем сердцем желаю, чтобы я не лежала здесь, беспомощная, одурманенная наркотиками, надеясь и молясь о чуде. Но на самом деле, выберусь ли я из этого? Здесь десятки людей, *десятки*. Совершенно очевидно, что мы находимся где-то под землёй. Где именно, я не уверена, потому что парни отважились проникнуть в эти туннели и ничего не нашли.

Джек, однако... он сказал, что видел её, эту подземную церковь, так что, может быть...

— Спенсер Харгроув, — говорит парень, и моё сердце разбивается вдребезги. Спенсер?! Моя голова кружится по сторонам, но я нигде не могу его найти. То есть до тех пор, пока я не заставляю себя приподняться как можно выше, держась за верёвки, и не обнаруживаю, что напротив моего есть ещё один алтарь. Всё, что я могу видеть отсюда, — это пара ботинок, но мои худшие опасения подтверждаются, когда парень снимает маску, и я вижу глупое, уродливое лицо Гарета МакКоннелла. Да, я опустилась до мелких оскорблений, так что подайте на меня в суд. Я здесь испытываю чёртов стресс.

— Сделай это правильно, — произносит лидер, когда другой участник подходит с ножом и протягивает его ему. На рукояти я вижу тот символ, тот самый, что был на камне,

который я нашла у себя на подоконнике. Кто это был, кто положил его туда, я, возможно, никогда не узнаю. Но очевидно, что это находилось на стадии планирования в течение довольно долгого времени.

Гарет обходит алтарь, где лежит Спенсер, без сознания и неподвижно. Он замирает, держа руки на ноже, острое которого направлено в грудь моего парня.

— Спенсер! — я кричу, мой голос разносится по пещере, прорываясь сквозь унылое пение других участников. Никто не обращает на меня никакого внимания, даже когда я сопротивляюсь и продолжаю кричать. — Зачем он тебе нужен, когда у тебя есть я? — спрашиваю я, но по центру комнаты уже движется другой человек в золотистом платье.

Она занимает своё место перед возвышением, светлые волосы собраны в пучок на затылке.

— Я поймала для тебя лису, маленькую лисичку, которая грабила виноградники.

— А как зовут лису? — снова спрашивает вожак.

— Шарлотта Карсон, — отвечает Селена МакКоннелл, поднимаясь на ноги и снимая маску. Она оглядывается на меня, но на её лице нет никаких эмоций.

— Сделай всё правильно, — повторяет ответственный, и Селене вручают нож, идентичный тому, что был в руках её брата. — МакКоннеллы разочаровали Братство в этом году. Твоя сестра не совершала подобных ошибок.

— Да, сэр, — соглашается Селена, её голос холоден и далеко не так покорен, как у Астер.

Она обходит алтарь и занимает место рядом со мной. На этот раз нож направлен прямо мне в грудь.

Пение набирает скорость и громкость, но у меня вроде как закончились идеи. Связанная, накачанная наркотиками, напуганная...

— Подожди, — шепчу я, но Селена меня не слушает. Она наблюдает за мужчинами на помосте, ожидая своей реплики. — Ты никого не убивала. Тебе ещё не поздно отказаться от этого. Ты не сделала ничего такого, чего нельзя было бы исправить.

— В течение двух столетий наши семьи охраняли это священное место, — начинает мужчина на сцене, протягивая руки, чтобы указать на большую комнату. — И мы были вознаграждены невообразимым богатством, успехом в наших различных предприятиях и нерушимыми узами Братства. Короче говоря, наши виноградники были и всегда будут в цвету. Но мир жаден, и мы должны усердно работать, чтобы не подпускать к себе тех, кто хотел бы воспользоваться нашей щедростью.

Мужчина машет рукой в общем направлении Спенсера и меня.

— В этом году, — продолжает он, — мы с распостёртыми объятиями принимаем в свои ряды четырёх новых посвященных. Но чтобы быть истинным членом божественного, необходимо приносить жертвы. Договор крови нерушим.

— Поймайте для нас лис, — шепчет толпа вокруг нас, и я чувствую это в воздухе, треск насилия.

Селена и Гарет высоко поднимают ножи, а я беспомощно наблюдаю, как моё сердце выходит из-под контроля. Никакие приёмы ниндзя не помогут мне выпутаться из этого. Никакие тренировки с близнецами не помогут мне выпутаться из этого.

Звук распахивающейся двери привлекает внимание почти всех в комнате, включая Селену, занёсшую надо мной нож. Всех, кроме Гарета МакКоннелла. Его нож сверкает серебром, и из моего горла вырывается крик. Я вот-вот увижу, как Спенсера убьют прямо у

меня на глазах.

Один из придурков в мантиях делает шаг вперёд, нарушая непрерывную линию, и в мгновение ока выхватывает оружие из его пальцев, разворачивая его и направляя на него.

— Что за чертовщина? — Марк рычит, когда спаситель Спенсера протягивает руку и приподнимает маску, сбрасывая капюшон и открывая копну медовых волос.

Это грёбаный Черч.

— Положи нож, Селена, или я убью твоего брата, — говорит он, и его голос похож на зазубренный осколок льда. Никакая часть меня не должна задаваться вопросом, серьёзно ли он. Селена просто ошеломлённо смотрит на него в ответ, а затем отодвигается от меня. Но она не роняет нож. Черч разрезает путы на руках и ногах Спенсера, прежде чем подойти ко мне.

— Как ты вообще сюда спустился? — спрашиваю я, но Черч слишком занят осмотром комнаты, чтобы ответить. А Спенсер, ну, он всё ещё не очнулся. Я, спотыкаясь, подхожу к нему, полностью осознавая, что мы ещё не спасены. Это в лучшем случае отсрочка.

— Монтегю, — произносит лидер у нас за спиной, и определённая нотка в его голосе говорит о том, что связываться с одним из детей Элизабет и Дэвида — не такая уж хорошая идея. — Усмирите его, но не убивайте.

Марк первым делает шаг вперёд, как будто всё это время ждал своего шанса напасть на Черча. Дело в том, что я почти уверена, что Черч тоже ждал этого момента.

— Вот. — Он передаёт нож мне, а Марк направляется в его сторону. Я колеблюсь, но только секунду. Я знаю, что Черч может выстоять против короля фанатиков? Почти уверена, что я всё ещё упускаю смысл этого названия.

— Спенс, — шепчу я, убирая серебристые волосы с его лба. Он дышит, но едва-едва. Либо он проглотил больше того, что усыпило нас, либо ударился головой по дороге сюда. Подняв глаза, я наконец вижу, что за суматоха у двери.

Это человек в мантии и маске, отчаянно разговаривающий с несколькими другими участниками. Через мгновение один из них отстраняется и бросается бежать в переднюю часть комнаты, развевая мантии.

«Что-то происходит; нам просто нужно продержаться».

Я позволяю себе верить в это, потому что, почему бы и нет? Что плохого в надежде?

— Мне нужно, чтобы ты очнулся, Спенсер, — шепчу я, касаясь его лица ладонью. Тогда мне приходит в голову, что во всех сказках принц будит принцессу поцелуем. Почти уверена, что мой мозг сломан из-за того, чем меня накачали, потому что это всё, о чём я могу думать в тот момент, — о поцелуе со Спенсером.

Поцелуй настоящей любви, верно?

Я наклоняюсь и отчаянно прижимаюсь губами к его губам, комната вокруг меня на минуту исчезает. Клянусь богом, это случается (опять же, вероятно, из-за наркотиков), но на долю секунды это всё, что есть. Только я и Спенсер.

Он вздрагивает, просыпаясь под моими губами, и я отстраняюсь, мои испуганные глаза смотрят в его.

— Это... это правда сработало?! — выдыхаю я, когда он внезапно садится, сталкивая наши лбы друг с другом и ругаясь.

— Где, чёрт возьми, я нахожусь? — спрашивает он, оглядываясь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Черч укладывает Марка на пол, упираясь коленом Марку в спину, одна из рук придурка заломлена ему за спину. Несколько других участников бросаются вперёд, чтобы

помочь, и я знаю, что это всего лишь вопрос времени, когда они поймают нас троих в ловушку.

— Тайное собрание культа, нет времени объяснять, но ты и я, — я указываю туда-сюда между нами, — мы только что чуть не умерли. Как бы, ножи в грудь. — Его глаза расширяются от удивления, когда я спешу закончить своё объяснение. — Да, я знаю, что это безумие, но...

— Чак, ложись! — орёт Спенсер, прижимая мою голову к своей промежности так, что это действительно вывело бы меня из себя, если бы мы были в спальне. Нож Селены рассекает воздух там, где я стояла, и я отшатываюсь назад, прямо в объятия другого члена культа.

Точно так же, как это было на кладбище, мои тренировки с близнецами стремительно возвращаются, и я полностью обмякаю, оставляя человека позади себя удерживать мой полный мёртвый груз. Фу. Мёртвый груз? Это именно то, кем я стану, если не смогу придумать план.

Человек, держащий меня, роняет меня на землю, и я перекатываюсь. Здесь я просто действую инстинктивно, но, похоже, это срабатывает, создавая некоторое пространство между мной и ближайшими членами культа.

«Они точно заплатят за химчистку этого платья», — думаю я, с трудом поднимаясь на ноги и обнаруживая, что Спенсер прижимает Селену к своей груди, спиной вперёд, её руки в его объятиях. К сожалению, нож всё ещё у неё. У Спенсера течёт кровь из щеки, но выглядит всё не так уж плохо.

Моё внимание переключается на Черча, сдерживающего трёх членов культа, в то время как Марк и ещё один мудака в рясе лежат перед ним на полу. Его глаза на мгновение встречаются с моими, как раз в тот момент, когда лидер направляется в мою сторону. Я поворачиваюсь и направляюсь к алтарям, бросаясь на один из них в вихре розовых кружев. Прежде чем я успеваю опомниться, я соскальзываю и приземляюсь на задницу с другой стороны, выбивая из себя дыхание.

«Ты нужна им для их ритуала», — понимаю я, с трудом поднимаясь на ноги. «Селена должна убить тебя, иначе это не считается».

Это значит, что никто другой не сможет убить меня, верно?

Это риск, но я возьму его на себя.

Что ещё у меня есть?

Я наклоняюсь и скручиваю ткань своих юбок в узел, завязывая их так, чтобы они не мешали мне. Моих каблучков уже давно нет, вероятно, они потерялись, когда Селена тащила меня по туннелям. Я пригибаюсь и бросаюсь вперёд, в узкое пространство между двумя алтарями, оказываясь с другой стороны, когда культисты обегают его, чтобы схватить меня.

«Не думай об этом», — велю я себе, хватая Селену за руку и вырывая нож из её пальцев. Прежде чем Спенсер отпускает её, я бью её так сильно, как только могу, по лицу. Кто-то из парней, возможно, зашёл бы немного дальше и пустил в ход нож, и, хотя я знаю, что для меня было бы лучше заколоть Селену и вывести её из строя, я не могу этого сделать. Это просто на меня не похоже.

— Давай же! — говорю я Спенсеру, хватая его за руку. — Черч! — кричу я, а затем начинаю бежать к выходу. Я знаю, что он последует за нами. У него больше шансов прорваться сквозь толпу и направиться в нашу сторону, чем у нас — к нему.

Дверь в туннели снова закрыта, заперта изнутри, и вокруг неё полно людей.

Приближаясь, я замахваюсь на них ножом, и они отскакивают назад, падая в лужи глубокой чёрной воды по обе стороны от меня.

Спенсер сильно бьёт кулаком одного из участников, который подходит к нам. У Спенса не было никаких формальных тренировок, как у Черча или близнецов, но он чертовски задиристый. Совсем как я. Почти уверена, что мы со Спенсером похожи друг на друга больше, чем с любым из всех парней.

Черч появляется у нас за спиной, используя силу тела, чтобы отбросить в сторону нескольких культистов.

— Дверь, — говорит он голосом таким же острым, как нож в моей руке. Я отодвигаю деревянный засов, который блокирует дверь, и распахиваю её настежь, открывая изогнутые стены туннелей и кажущуюся непроницаемой темноту.

— Давайте сваливать, — молвит Спенсер, хватая факел со стены, прежде чем мы вместе бросаемся бежать, держа нож направленным вниз и в мой бок. Эй, я до сих пор помню те дурацкие ролики по технике безопасности, которые мой отец заставлял меня смотреть, о детях, бегающих с острыми предметами. Никогда не думала, что они будут относиться к ножу культа, но эй, это работает.

Позади нас раздаются шаги и крики, но либо ни у кого нет оружия, либо они знают, что не могут рискнуть выстрелить, не убив одного из нас. Мы со Спенсером нужны им для ритуала, а Черч, ну, Черч — это Монтегю.

— Куда мы направляемся? — спрашивает Спенсер, когда наши ноги шлёпают по воде, и я чувствую, как мою грудь сжимают старые воспоминания. Лучше бы сегодня дождя не было. Я имею в виду, небо было ясным, когда мы шли от общежития к главному зданию, но с моей удачей никогда нельзя знать наверняка.

— Понятия не имею. Этого места не было ни на одной из карт. — Черч резко останавливается, протягивая руку и едва удерживая меня и Спенсера от падения с края цементной дорожки в более глубокую воду. Он протягивает руку и забирает факел у Спенсера, высоко поднимая его и оглядываясь по сторонам. Позади нас туннель выглядит почти так же, как тот, в котором мы были пойманы в ловушку раньше. Но когда он оборачивается, я вижу, что стена напротив нас — сплошная, гладкая цементная, с прикреплённым к ней каким-то предупреждающим знаком. — Потому что это не часть туннелей, — бормочет он.

— Мы в канализации, — добавляет Спенсер, заканчивая мысль Черча. Он забирает факел обратно и смотрит сначала с одной стороны, потом с другой. Звук приближающихся шагов заставляет моё сердце бешено колотиться, когда я оглядываюсь в темноту и вижу море факелов, приближающихся к нам. — Сюда.

Мы вместе идем по дорожке, цементная дорожка достаточно широка, чтобы мы втроем могли бежать в ряд.

Я тяжело дышу, мои ноги ноют от царапин, когда я босиком пробираюсь по канализационному туннелю. Мы немного впереди от остальных, но ненамного. И теперь, когда мы увидели то, что видели, нам не выбраться отсюда так легко, как в прошлом.

— Сюда! — кричит Спенсер, резко останавливаясь рядом с автоматической дверью. Он облизывает губы, прикасаясь к кодовому замку. — Эдди отвечает за всё это, верно? — он замолкает, дыша прерывисто и неровно, когда Черч берёт факел и оглядывается через плечо. Остальные факелы не сильно отстают от нас. — Мы с близнецами потратили годы на то, чтобы вламываться в каждый сарай, в каждый чулан в кампусе. — Он выдыхает и пробует

комбинацию, ругаясь, когда она не срабатывает. А потом ещё одну.

— Возможно, нам придётся бежать, — говорит Черч, наблюдая за приближающимися мигающими огнями.

— Нет, я справлюсь с этим, — отвечает Спенсер, вводя другой код, а затем сильно ударяет кулаком, когда дверь открывается. — Ты видела это, Чак? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне с сияющими глазами.

— Да, да, ты был чертовски крут, а теперь *иди*. — Я выталкиваю его за дверь, и Черч следует за мной, рывком закрывая её за нами. Более чем вероятно, сектанты уже знают код, так что у них не будет особых проблем проследить за нами. Это вообще не даёт нам много времени.

Сразу за дверью находится небольшой командный центр, вероятно, имеющий отношение к системам водоснабжения и канализации, но мы игнорируем его — всё равно никто из нас не знает, как с чем-либо из этого работать, — и направляемся к приставленной к стене лестнице.

Мы выбираемся наружу, в лес за школой. Где именно мы находимся, я не уверена, но это нормально. Мы были здесь раньше, и мы выжили, верно?

Спенсеру требуется целых тридцать секунд, чтобы осмотреться.

— Я знаю, где мы находимся, — говорит он, и Черч бросает на него взгляд.

— Ты уверен?

— Уверен. — Спенсер берёт меня за руку, и мы уходим в темноту деревьев. Всего через несколько минут мы подходим к фонтану и пруду, месту, где мы с парнями в итоге упали после того, как выбрались из туннелей.

Мы едва миновали его, направляясь в сторону сарая для хранения, где мы нашли Рейнджера под решеткой, когда из-за деревьев появляются несколько культивистов. Их светлые лисьи маски улыбаются нам в темноте, когда Селена встаёт между ними, Гарет рядом с ней.

— Ты мне всё портишь, — говорит она, держа в руках другой нож со странным символом, похожим на руну, вырезанным на рукояти. — Это моя судьба.

— Извини, что так разочаровала, — отвечаю я, когда она бросается ко мне вместе с несколькими сектантами в мантиях. Гарет нападает на Спенсера, в то время как Черч сам сражается с доброй полудюжиной нападающих. Селена замахивается на меня ножом, в то время как другие культивисты скандируют, всё ещё стоя в тени возле деревьев, как призраки, как фантомы.

Нож направлен мне в грудь. Рефлекторно я поднимаю свой собственный нож, и её лезвие отскакивает от него, высекая искры. Сейчас она в ярости, её жёлтое платье испачкалось от того, что она тащилась по туннелям. Должно быть, они выбрали альтернативный маршрут, чтобы отрезать нас вот так.

Мы танцуем по кругу, нож к ножу. Никто из нас не является экспертом, так что игровое поле довольно ровное, но это чертовски страшно. Пот струится по моему лицу, когда я размахиваю своим ножом в защитных дугах. Я не хочу её резать. Я не хочу видеть, как кровоточит её кожа. Но у меня заканчиваются варианты, да?

Розовая и жёлтая принцессы, драка на ножах в лесу.

Восточное побережье такое странное, ребята. Что бы сказали обо всём этом мои калифорнийские друзья?!

Чертовски отстойно, братан.

Тёмные глаза Селены сфокусированы на мне, её рот сжат в тонкую линию, когда она использует своё преимущество в росте, прижимая меня спиной к дереву. Когда девушка замахивается, вкладывая весь вес своего тела в удар ножом, я пригибаюсь и атакую её. Её клинок вонзается в ствол дерева, вырываясь из её руки, когда мы падаем на землю в сверкающем море юбок и кружев. Моя корона, которая чудесным образом оставалась в моих волосах всё это время, сорвана и отброшена, когда Селена вцепляется ногтями мне в лицо.

— Женщины должны *поправлять друг другу короны*, ты, сука! — я ударила её по лицу, точно так, как учили меня близнецы, ударив её в челюсть. Она приподнимает меня и переворачивает нас, дополнительный вес, который она имеет на мне, даёт ей преимущество. Мы боремся за нож, царапая ногтями кожу друг друга и пуская кровь. Это больно, о, это чертовски больно, но я подавляю эмоции.

Я борюсь здесь за свою жизнь. Нет такого понятия, как слишком много вынести.

— Ха! — кричит Селена, вырывая нож из моего кулака и сильно опуская его. Я уклоняюсь, выводя её из равновесия ровно настолько, чтобы лезвие ударилось о траву, а не о моё горло. Пока она пытается выпрямиться, я отталкиваю её назад, давая себе ровно столько места, чтобы выползти на свободу. Мои глаза прикованы к ножу в дереве, когда я с трудом поднимаюсь на ноги, лепестки падают с букета на моём запястье.

Ворчание слева привлекает моё внимание, и я вижу, что у Спенсера течёт кровь из руки, он зажимает сочащуюся рану, стискивает зубы и отступает на шаг от Гарета. У него нет ножа, чтобы дать отпор.

Без колебаний я хватаю лезвие с дерева, отрываю его от рыхлой коры и бросаюсь на Гарета. Он поворачивается в последнюю секунду, ненадолго колеблясь — вероятно, потому что я не его цель, — а затем поднимает собственное оружие, чтобы защититься от моего.

Сила моего выпада выбивает клинок из его руки, но мой триумф недолговечен.

Раскаленная добела боль пронзает моё зрение, когда я спотыкаюсь и падаю, моё тело немеет, когда руки ударяются о влажную грязь лесной подстилки.

«*Что только что произошло?*» — думаю я, когда парень выкрикивает моё имя. Это мог быть Спенсер, мог быть Черч. Мой мозг сейчас работает не так хорошо.

Меня ударили ножом.

Меня оттаскивают назад за волосы и швыряют на землю. Кто-то испачкал кровью всё моё розовое платье.

— Наконец-то, — выдыхает Селена, присаживаясь надо мной на корточки, её тёмные глаза не лишены эмоций. — Мне жаль, но кровь — это единственный договор, который нельзя нарушить. — Она приставляет свой нож к моему горлу, но я ещё не закончила драться. Я хватаю Селену за запястья, борясь с её гораздо более сильной хваткой. Но моё тело, должно быть, переполнено адреналином, потому что я в состоянии удерживать её на расстоянии, пока две пары рук не хватают её с обеих сторон и не оттаскивают назад, толкая и отправляя в полёт.

Близнецы МакКарти здесь.

— Шарлотта, — говорит Рейнджер, поднимая меня и снова притягивая к своей груди. — У тебя идёт кровь.

— Я думаю... — я вздрагиваю, когда у меня перед глазами всё плывет, и мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы лес перестал кружиться. — Она ударила меня ножом. — Я кладу руку на поясицу и подношу её к лицу, уставившись на ярко-рубиново-красную кровь.

— Господи Иисусе, — рычит Рейнджер, поднимая меня на руки, в то время как Мика и Тобиас окружают Селену, пытаюсь отобрать у неё нож. Другие культисты, похоже, не хотят вмешиваться в дела со мной и Спенсером, но у них нет проблем с остальными. Некоторые из них нападают на близнецов, и какими бы впечатляющими ни были их навыки, какими бы впечатляющими ни были способности Черча, все они люди. У них есть пределы.

— Рейнджер, — говорит мужчина, и я узнаю в этом голосе лидера культа. Он выходит вперёд, из тени деревьев, и поднимает свою маску. Тело Рейнджера напрягается подо мной, пока я моргаю сквозь туман в глазах и пытаюсь понять, кого это я вижу.

Это отец Рейнджера, Эрик.

— Держись от меня нахрен подальше, — рычит Рейнджер, отступая назад, пока мы не прижимаемся к дереву. — Я знал, что ты в этом замешан. Я *знал* это, но... Дженика... Как ты мог?

— Вيني в этом свою мать. Она не хотела, чтобы ты или Дженика были вовлечены в Братство. Она пошла на многое, чтобы бросить мне вызов, даже сбежав в Испанию.

Глаза Рейнджера широко раскрыты, челюсть крепко сжата. Затем он смотрит на меня, и выражение его лица наполняется страхом. Моя рука тянется вверх, чтобы коснуться его лица, размазывая кровь.

— Каждый посвященный должен выбрать человека, который завершит их договор. Рик выбрал Дженику; я ничего не мог с этим поделать. Если бы она была частью Братства...

— Тогда она стала бы убийцей, а не жертвой? Нет, спасибо. — Рейнджер прижимает меня к себе, его взгляд перемещается на Спенсера, Мику, Тобиаса и Черча. Последние трое повалены на землю десятками культистов. Первый всё ещё противостоит Гарету, но, по крайней мере, ни у кого из них нет ножей. То есть до тех пор, пока Селена не передаёт одно из найденных орудий обратно своему брату. — Прекрати это дерьмо, и, возможно, я не буду свидетелем против тебя в суде.

Его отец улыбается, но это нехорошая улыбка.

— Сынок, нашим традициям много веков. Когда Братство только начиналось, мы даже получили благословение церкви, которую так любит твоя мать. Богатство и успех наших семей зависят от этих традиций. Только не говори мне, что тебе не нравилось твоё привилегированное детство?

— Мне нравилась моя сестра, — произносит Рейнджер, его сердце бешено колотится под моей ладонью, когда я кладу руку ему на грудь. Я даже не уверена, почему я это делаю, прикасаясь к нему с таким благоговением. Всё становится нечётким, я не буду врать. — И мне нравится моя девушка. Позволь мне отвезти её в больницу.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — отвечает Эрик, когда несколько культистов подходят и хватают Рейнджера, вырывая меня из его рук, в то время как он изо всех сил пытается сопротивляться.

Кто-то кладёт меня на лесную подстилку и уходит, оставляя меня с Селеной и её ножом, и мне некуда идти.

«Я умру здесь сегодня ночью?»

Я поворачиваю голову в сторону и вижу Спенсера и Гарета, сцепившихся в битве за свои жизни, нож медленно приближается к животу Спенсера. Селена снова подходит ко мне, опускается на колени с лезвием в руке, пользуясь потерей крови, из-за которой мои конечности кажутся тяжёлыми.

Из последних сил я протягиваю руку и выхватываю мамину заколку для волос, вонзая её Селене в глаз и заставляя её закричать. Она падает назад, и я вскакиваю на ноги, трясясь как сумасшедшая. Я бросаюсь на Гарета, отталкивая его от Спенсера.

Я мгновенно падаю на колени, но даю Спенсеру возможность, в которой он нуждается, чтобы взять нож. Он толкает его в плечо Гарета так сильно, как только может, и направляется ко мне.

— Чак-лет, — шепчет он, оглядываясь назад, чтобы увидеть, как другие парни борются с ордой культистов. Сейчас их, должно быть... больше сотни, они заполняют поляну. Мы выиграли себе несколько дополнительных моментов, но это всё.

Всё кончено.

Спенсер подхватывает меня на руки точно так же, как это ранее сделал Рейнджер, но мы стоим спиной к скалистому склону холма, который окружает фонтан. Нам некуда идти. Селена рыдает и прижимает руки к глазу, в то время как у Гарета идёт кровь. Никто не двигается вперёд, чтобы помочь им. Я понимаю, это часть их ритуала. Но это не будет длиться вечно.

Марк появляется из толпы, Астер рядом с ним.

— Если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, то должен сделать это, блядь, сам. — Они вдвоём идут за нами, но у меня не осталось сил бороться, а Спенсер мало что может сделать, пока держит меня. Остальная часть культа обтекает нас, загорая стеной из мантий и масок. Остальные четверо парней стоят на коленях, каждого держат по четыре или более сектантов. — Гарет, перестань быть маленькой сучкой. Это всего лишь поверхностная рана.

Гарет вытащил нож из своего плеча, не самый умный поступок в мире, но, похоже, Марк прав. Он не падает на землю, и из него не хлещет кровь, так что, вероятно, Спенсер не задел какие-либо важные вены или артерии. И хотя глаз Селены покраснел и распух, а на щеке появилось немного крови, всего через несколько секунд она уже на ногах.

Они вчетвером окружают нас, вырывая меня из рук Спенсера, пока он кричит.

Марк, Астер и Гарет удерживают его, пока Селена опускает меня на землю и берёт клинок в последний раз.

Острый край ножа прижимается к коже моего горла, и я закрываю глаза, надеясь, что это произойдёт быстро.

Мне невыносимо слышать, как парни вокруг меня выкрикивают моё имя.

— Всем оставаться на своих местах! — раздаётся чей-то голос, и десятки людей в жилетах и масках окружают нас. Селена стискивает зубы, трясась надо мной от боли, или страха, или адреналина, я не уверена. — Никому не двигаться. Опустите своё оружие.

Селена пристально смотрит на меня, её глаза сверкают фанатичным светом, её рука с крепко зажатым в ней ножом отводится назад. Она замахивается на меня, целясь в горло, но на поляне раздаётся одиночный выстрел, и её рука обмякает, а тело наваливается на меня.

Нож выпадает из её руки на землю, но я слишком запуталась, чтобы по-настоящему осознать, что происходит.

Мгновение спустя чьи-то руки оттаскивают Селену от меня, и я смотрю в лицо Йена Дэйва. У него на шее висит значок ФБР.

— С тобой всё будет хорошо, Шарлотта, — говорит он, когда парни бросаются ко мне. — С тобой всё будет в порядке.

Последнее, что я вижу перед тем, как потерять сознание, — это Студенческий совет, смотрящий на меня так, словно я — единственное, что имеет значение в мире.

И это, это хорошее последнее воспоминание.

После смерти главного героя в книге всегда остаётся какое-нибудь фиолетовое прозаическое дерьмо, куча цветистой чепухи о хорошо прожитой жизни или обо всех замечательных уроках, которые человек усвоил перед смертью.

Что касается меня, то я мечтаю о том, чтобы ехать верхом на единороге, сидя позади рейнджера Вудраффа, в то время как близнецы маршируют по обе стороны от нас. Мы приезжаем в замок, где Черч — принц, а Спенсер — его красивый серебрянноволосый муж...

Не очень изощрённый похоронный звон, не так ли?

— Шарлотта, — шепчет чей-то голос, пока я пытаюсь сморгнуть изображение Черча и Спенсера, целующихся на возвышении, короны на их головах, мантии развеваются за ними... О, мечты — это весело, да? — Шарлотта.

Мои глаза открываются, и я понимаю, что смотрю на заплаканное лицо Арчибальда Карсона.

— Папа? — говорю я, или, по крайней мере... *Я пытаюсь* это сказать. Вместо этого я издаю странный, сдавленный звук, прежде чем начинаю кашлять. Папа предлагает мне

немного воды, и я с трудом пытаюсь сесть. Он отставляет чашку в сторону и помогает мне устроиться на подушках, прежде чем снова предложить её. Я делаю большой глоток, вода стекает с моих губ и пропитывает больничный халат, который на мне надет. — Где я нахожусь? — шепчу я, и папино лицо смягчается.

— Ты в больнице, Шарлотта, — выдыхает он как раз перед тем, как дверь распахивается и появляется моя мать, безудержно рыдающая и бросающаяся на мою кровать драматическим движением, достойным какого-нибудь старого южного фильма с женщинами в широкополых шляпах.

— Мама? — спрашиваю я, поднося руку к лицу и пытаюсь вспомнить, что, чёрт возьми, произошло и как я могла сюда попасть. — Где парни?

— В комнате ожидания, — отвечает мне папа, заправляя прядь волос мне за ухо. Мой взгляд задерживается на нём. Это действительно один из самых приятных жестов, которые он когда-либо делал для меня. Помните? Мы не проявляем привязанности.

— Что случилось? — спрашиваю я, вспышки поножовщины, лисьих масок и развевающихся мантий мелькают в моём сознании.

— Йен, — говорит мама, поднимая лицо, чтобы посмотреть на меня, слёзы всё ещё текут по её щекам.

«Она выглядит так, будто ей больно так же, как мне, когда я думала, что Спенсер мертв», — думаю я, и горячий румянец заливает мои щёки. — Он руководил спецоперацией по уничтожению Братства. Знаешь, он работал над этим много лет.

— Йен Дэйв, — молвлю я, думая о темноволосом ворчливом засранце-библиотекаре. Теперь всё становится понятным, почему он выгащил ежегодники, почему он пытался помешать нам рыскать вокруг.

— Он в специальной оперативной группе, которая занимается куклами, — гордо продолжает мама, сияя и улыбаясь мне.

— Он сказал, что он следователь, — уклоняюсь я, потирая голову. — Значит, они поймали плохих парней?

— Большинство сектантов были арестованы, — отвечает папа, кивая. — Они прочёсывают лес и туннели, чтобы посмотреть, не сбежал ли кто-нибудь ещё. К сожалению, та девушка, которая пыталась убить тебя, всё ещё жива, несмотря на то что в неё стреляли.

Я ёрзаю на кровати, а затем немного съёживаюсь, когда чувствую тянущее ощущение в поясице.

О, верно.

Меня ударили ножом.

Меня ударили ножом.

— Меня ударили ножом, — повторяю я, и затем лёгкая улыбка озаряет мои губы. — Это делает меня крутой?

— Шарлотта Карсон, — рывкает папа, когда я смотрю на него, понимая в этот момент, что каждый его мудацкий поступок, каждая рывкающая команда и насмешка... это потому, что он мой родитель. Ну а родители, родители — мудаки. Даже хорошие родители. Особенно хорошие родители. Потому что иногда подростки ведут себя как маленькие непослушные свиньи.

— Ты уверен, что с моими парнями всё в порядке? — я повторяю, как раз перед тем, как лёгкий стук в дверь прерывает наш разговор.

— Входите, — говорит папа с покорным вздохом.

Дверь распахивается, и близнецы врываются внутрь, обнимая меня с обеих сторон и заставляя одновременно смеяться и ворчать от удара.

— Мы были уверены, что ты мертва! — воют они, потираясь лицами по обе стороны от меня.

Моя мама давится слезами и подносит ко рту салфетку, чтобы заглушить рыдания. Мой отец просто отступает на несколько шагов, наблюдая за мной, как ястреб.

— Не могли бы вы двое отойти и дать ей отдышаться? — рычит Рейнджер, всё ещё явно потрясённый стычкой со своим отцом. Я имею в виду, знать, что твой отец состоит в сумасшедшем культе — это одно, но слышать чушь из первых уст? Это нелегко. — Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он меня, кладя одну руку на мои покрытые одеялом ступни и сжимая пальцы ног.

— Я в порядке, — отвечаю я, когда близнецы садятся по обе стороны от меня, высвобождая меня из своих маниакальных объятий. — К тому же, отныне я могу рассказывать всем, кого встречаю, что я пережила нападение богатой, могущественной секты.

Губы Черча растягиваются в улыбке, которая на этот раз действительно касается его глаз.

— Я боялся, что никогда не увижу тебя в том свадебном платье, — говорит он, заставляя моего отца ощетиниться.

— То же самое, — соглашается Спенсер, мельком взглянув в сторону Черча, прежде чем снова повернуться ко мне. — Я бы умер, если бы так произошло, Чак.

— Арчи, может быть, нам стоит дать им минутку побыть наедине? — предлагает мама, бросая на моего папу взгляд с другого конца больничной палаты. Его ноздри раздуваются, а лицо приобретает свойственный ему цвет, но он смягчается, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лоб, прежде чем выйти. Я замечаю, что он не совсем закрывает за собой дверь, но это нормально. Как я уже сказала, родители — мудаки.

— Видеть тебя лежащей на земле в платье, всю в крови... — Тобиас начинает, берёт мою руку в свою и сплетает наши пальцы друг в друга. — Почти уверен, что это зрелище будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

— Ты крутая сучка, Чак Карсон, — говорит Мика, глядя себе на колени. Я могу сказать, что он пытается быть оптимистичным, но в его глазах всё ещё стоят слёзы, когда он поднимает взгляд и улыбается мне. — Боже, мы так сильно возненавидели тебя, когда ты появилась в Адамсоне. А теперь мы все, типа, клинически одержимы. Что ты с нами сделала?

— Я как заноза — как только попаду внутрь, не сможешь вытащить меня без кровотечения! — говорю я, пытаюсь быть смешной, но полностью и бесповоротно облажавшись, потому что я отстойный комик. Кроме того, меня ударили ножом. Теперь это отличное оправдание для всего, да? Я могу всё испортить и просто сказать, что *меня ударили ножом*. Должно проработать не менее шести месяцев или около того.

— Это худшая метафора, которую я когда-либо слышал в своей жизни, — произносит Рейнджер, вздыхая так, словно сбрасывает тонну накопившегося стресса. — После того, как ты чуть не истекла кровью в лесу? Что с тобой не так?

— Меня... ударили ножом? — предлагаю я, и он вздыхает, его лицо смягчается. Ну что ж. Чёрт. Меня бы чаще кололи ножом, если бы это помогало мне выпутываться из подобных неловких ситуаций. А ещё, возможно, достанет мне побольше желе. В больницах всё ещё

подают желе, верно? — Я как-то читала, что желе делают из костного мозга... — выпаливаю я, но Тобиас затыкает мне рот поцелуем, прижимаясь своими губами к моим и умудряясь передать все эмоции, которые он испытывает, одними губами. — Ого, вау, — говорю я, когда он отстраняется и смотрит мне в лицо своими мохово-зелёными глазами. — Это... было впечатляюще.

— Мы любим тебя, Шарлотта, — говорит он, а затем замолкает, как будто ему только что что-то пришло в голову. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — произносит Мика, возвращая моё внимание к себе. — Больше чем мне было бы комфортно признавать. Потому что, ты знаешь, я не хочу связывать себя обязательствами или что-то в этом роде.

— Ты безокончательно влюблён в меня? — спрашиваю я, шмыгая носом. Я чуть не умерла в лесу. Я начинаю плакать.

— Безокончательно — это не слово, — мягко сообщает мне Черч, и я улыбаюсь, глядя поверх него, на Спенсера и Рейнджера, стоящих по обе стороны. — Но также мы очень рады, что ты не умерла.

— Я тоже рада, что ты не умер, — отвечаю я, улыбаясь, а затем делаю паузу, выражение сползает с моего лица. — Подожди, что произошло на выпускном после того, как я потеряла сознание? — Черч наблюдает за мной своими прекрасными янтарными глазами. — И почему на тебя не подействовали наркотики?

— Он провёл всю ночь, попивая эту дурацкую газированную воду, ту, что с пробками, которую разносили официанты, и ничего не ел, — говорит Спенсер, поглядывая на своего друга, как будто они могли это обсудить, пока я была в отключке. — Мы предполагаем, что Астер подсыпала наркотики в наши десерты. Теперь понятно, почему она была так решительно настроена вступить в Кулинарный клуб.

— А я-то надеялась, что пунш *будет* с приправами, — говорю я, качая головой. — Просто... не с теми, что они нам дали.

— Со всеми всё в порядке, — добавляет Мика, — но если ты думала, что, будучи единственной девушкой, привлечёшь к себе много внимания в Адамсоне, то сейчас это никак не сравнится с твоим статусом выжившей после нападения сумасшедшей секты.

— Это всё ещё не объясняет, почему Черч был под землёй в маске и мантии, — говорю я, слегка морщась и протягивая ладони в знак извинения. — Я ни в чём тебя не обвиняю — я усвоила урок, но... Я должна знать.

Черч вздыхает и на мгновение опускает взгляд в пол, как будто хочет что-то сказать, но не уверен, как это будет воспринято. Когда он поднимает глаза, в его взгляде ужасающая доля вины.

— Йен Дэйв и Натан, они попросили меня помочь. Операция по задержанию планировалась уже некоторое время; они знали, что придут за Братством в ту ночь, независимо от того, чтобы произошло.

— Ты... знал, что всё это должно было произойти? — я задыхаюсь, думая о том, как он смотрел на меня, когда сопровождал на выпускной, как он смотрел мне в глаза. Как он мог знать, что происходит, и позволить нам попасть прямо в ловушку?

— Не про то, что десерты с наркотиком или тайную церковь, — признаёт он, слегка съёживаясь и стискивая зубы.

— Ты не телепат, не фокусник и не агент ФБР, братан, расслабься, — мягко отчитывает Рейнджер.

— Когда Марк и Селена выбежали после ссоры, я последовал за ними. — Черч вздыхает, как будто он тоже устал. Я думаю, мы все устали. — После того, как я позвонил Йену, я последовал за ними, затем отключил культиста, который наблюдал за дверью, через которую они вошли.

— Йен позволил тебе следить за этими психами? — спрашиваю я, моргая от удивления, но Черч только качает головой.

— Вовсе нет. На самом деле, он обругал меня, но я не собирался позволять, чтобы с вами двоими что-нибудь случилось.

— Мы безмерно благодарны, — отвечает Спенсер, и выражение его лица слегка мрачнеет. Я не знаю, как мы раньше не догадались, что он тоже был целью.

— Остальные из нас лежали в наших оставшихся салатах, — говорит Рейнджер с лёгким рычанием, и на его щеках появляется тёплый румянец. Черч бросает на него взгляд и слегка улыбается.

— Марк вошёл в туннели тем же путем, что и мы. Я следовал за ним на расстоянии и без особого освещения. Иначе я бы раньше понял, что мы прошли через другую дверь в канализационную систему. Если бы я только понял это раньше...

— Это не имеет значения, — говорю я, думая о том моменте, когда я лежала на алтаре, эти жуткие психи пели вокруг меня, мерцали свечи. Я была уверена, что умру там. Уверена в этом. — Я рада, что вы, парни, здесь. Что будет с твоим отцом, Рейнджер? — спрашиваю я, но он только качает головой.

— Мне всё равно, лишь бы я никогда больше его не видел. Они с Риком забрали у меня Дженику, и пути назад нет. Они оба могут гнить в тюрьме, мне всё равно.

Интересно, задумается ли когда-нибудь Рейнджер о том, что произошло на самом деле, и сломается ли он. Но если он это сделает, всё будет в порядке, потому что мы будем здесь.

Мы все будем здесь.

— Означает ли это, что мы сможем наслаждаться оставшейся частью года без попыток Астер сорвать заседания нашего Кулинарного клуба? — спрашиваю я, и близнецы ухмыляются.

— Говорили же вам, что она виновна, — говорят они, скрещивая руки на груди.

— Конечно, говорили, — отвечаю я, улыбаясь в ответ и жалея, что не могу вырвать эту капельницу из руки и пойти домой. Только я большой ребёнок, и это было бы очень больно, и я не настолько глупа, чтобы связываться с медицинским дерьмом, в котором я не разбираюсь. — Итак, кто будет первым парнем, который принесёт мне клубничный молочный коктейль из «Щелкунчика»? Первый, кто это сделает, будет обниматься со мной в постели.

— Ты думаешь, мы действительно должны утруждать себя ссорой из-за чего-то подобного? — говорит Рейнджер и замолкает. — Всё же я лучше пойду принесу тебе что-нибудь поесть.

— О, ни за что, чувак, этот коктейль мой, — говорит Спенсер, и они ухмыляются друг другу, в то время как близнецы изо всех сил пытаются оттолкнуть друг друга.

— Я возьму коктейль, — произносит Черч, выскальзывая за дверь, но перед этим останавливается, чтобы улыбнуться мне. — И всё остальное, что ты захочешь. Что угодно. — Он выходит и закрывает дверь, а я смеюсь, закрывая лицо руками, когда папа заходит в комнату и начинает орать на парней что-то по-директорски.

Ах, жизнь прекрасна, не так ли?

Ветер развеивает мои юбки вокруг бёдер, когда я стою перед внушительными каменными стенами Академии Адамсон (ранее известной как Академия Адамсон для парней).

— Она меньше похожа на школу, а больше на замок, — говорю я, ухмыляясь и повторяя вслух первую мысль, которая пришла мне в голову об этом месте.

— Больше похожа на церковь, которая раньше скрывала жуткую подземную камеру для культистов, — произносит Спенсер, приподнимая обе брови. Я смеюсь и толкаю его плечом, направляясь в коридор под одобрительные возгласы других студентов. Честно говоря, я ничего не сделала, кроме того, что меня пырнули ножом. Но в выпускной год средней школы? Это полностью делает тебя крутой.

— Для моей будущей невесты, — говорит Черч, появляясь слева от меня и протягивая кофе со льдом, в то время как Рейнджер засовывает свежее испечённый и тщательно завернутый маффин в передний карман моей сумки.

— Что ж, спасибо вам, господа, — говорю я, беря Спенсера под руку.

— И так как я знал, что они попытаются умаслить тебя этим утром... — молвит он, залезая в свою сумку и доставая книгу. Он вкладывает её в мою руку, когда я приподнимаю бровь, глядя на него. Достав книгу и открыв её, я вижу, что это манга — японский аниме-комикс — и что в ней есть... в ней есть... Мой глаз дёргается. — В этой книге так много секса, — выдыхаю я, пытаюсь вернуть ему книгу, и он, танцуя, убирается с моего пути, смеясь и скрещивая руки за головой.

— Боже, Чак, прекрати, мне не нужен твой журнал с грязным гей-порно!

— Спенсер Харгроув! — отчитываю его я, когда появляются близнецы, засунув по одной руке в карманы каждого из них.

— Мы предупредили его, чтобы он не смущал тебя в твой первый день возвращения, — говорит Мика, а затем бросает взгляд на Тобиаса, и они оба ухмыляются.

— Мы думали, ты могла соскучиться по нему, — произносят они вместе, и я понимаю, что другие их руки были спрятаны за спинами, держа что-то подозрительное за сумками с книгами. Вместе они представляют печально известный пенис прямо посреди коридора. А потом они бросают его мне. Он попадает мне прямо в грудь, отскакивает и, пролетев по воздуху, попадает моему отцу в лицо.

— Шарлотта Карсон, — произносит он, когда вялый пенис со шлепком падает на пол. — Это замечание.

— Подожди, нет! — кричу я, но он уже уходит, в то время как Спенсер воеет от смеха. Рейнджер и Черч оба смеются, а близнецы ухмыляются и наклоняются, чтобы запечатлеть одинаковые поцелуи на обеих моих щеках.

— Я люблю тебя, Шарлотта, — говорят они одновременно, но каждый по-своему. Не

думаю, что кто-то из них даже подумал, что это должна была быть их близнецовая штука.

— Я тоже люблю вас, ребята, — отвечаю я, выдыхая и поднимая подбородок. — Всех вас. А теперь, если позволите, я бы хотела, чтобы прославленный Студенческий совет проводил меня на урок.

И, к моему большому удовольствию, они это делают.

Последние несколько месяцев в школе даются слишком легко. Без Братства, о котором нужно беспокоиться, жизнь спокойна. Нет, нет, не просто спокойно, а *хороша*.

В следующем учебном году я поступаю в Борнстедский университет, а этим летом у нас с парнями запланирована поездка, которая позволит нам объехать весь мир и вернуться обратно. Трудно найти, на что можно было бы пожаловаться. Чёрт возьми, даже мы с Арчи хорошо ладим.

— Тебе от меня что-нибудь нужно? — спрашивает он, появляясь в костюме 1940-х годов, с зачёсанными назад волосами. Я качаю головой, но он всё равно входит в комнату, оглядывая меня в моей шапочке и мантии с отстранённой улыбкой на лице.

— Что? — спрашиваю я, надевая шапочку прямо на свои светлые кудри. Какое-то время я позволяла им расти, но, возможно, я их коротко подстригу перед нашим отъездом в Париж на следующей неделе. И да, я точно сказала Париж. Париж, Париж, Париж. Микропенис Чаи собирается повидать мир! — Ты пялишься на меня, и это чертовски странно.

— О, Шарлотта, прекрати это, — говорит отец, подходит и теребит мою шапочку так, что кисточка падает мне прямо на лицо. Я раздражённо сдуваю её, изучая себя в тёмно-синей мантии, на моём пальце поблёскивает розовый бриллиант.

Приятно осознавать, что мне не нужно выбирать между мальчиками, что нет ни ультиматума, ни срока годности наших отношений. Мы просто не будем торопиться и посмотрим, что произойдёт. Если это сработает навсегда, тогда мы будем встречаться вечно. Если этого не произойдёт, то это тоже не имеет значения, потому что мы — вечная команда. Я уверена, что мы будем в жизни друг друга, несмотря ни на что, даже если это будет просто дружба.

Но, знаете, я не хочу быть просто друзьями, и, к счастью, похоже, что никто из парней тоже этого не хочет.

— Ты знаешь, я смотрю на тебя так только потому, что горжусь тобой, — молвит Арчи, и я чувствую, как моё маленькое ледяное сердечко Гринча согревается и всё такое прочее. Да, я сказала согревается. Я отстойный поэт, так что подайте на меня в суд. — Ты всегда будешь для меня всем, Шарлотта Фаррен, нравится тебе это или нет.

Я морщу лицо, но, когда папа поворачивается к двери, я остаиваю его, обвивая руками его шею и крепко обнимая сзади. Он не всегда слушал меня, и я не всегда пыталась облегчить наши отношения, но это нормально. Любить нелегко. Это не идеально. Это не тихий пруд без ряби, а бурлящая река, которая прорезает землю. В нём могут быть пороги, но он может высекать камень и создавать Большой каньон. Вот насколько это мощно.

— Твоя мама внизу, — шепчет он, и я отпускаю его, зная, что между нами всё будет хорошо. Когда я выйду замуж за Черча в свадебном платье его матери, папа будет рядом со мной. Когда я решу посвятить себя другим парням таким же образом, я знаю, что он закатит глаза, но справится с этим. По мере того, как наши отношения меняются и приспособляются, всегда будут проблемы с ростом, но настоящая любовь, по-настоящему влюблённая, достаточно сильна, чтобы пережить шторм.

Я спускаюсь вслед за папой по ступенькам и нахожу маму, ожидающую меня в фойе, с улыбкой на лице, когда она поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Йен Дэйв стоит неподалёку, выглядя немного нервным и не в своей тарелке. Папа и Йен настороженно

смотрят друг на друга, но, когда они оба обращают своё внимание на нас с мамой, я вижу, что каждый из них любит её по-своему. Эй, если она правильно разыграет свои карты, может быть, у неё получится завести свой собственный гарем?

— Я рада, что ты смогла прийти, — говорю я, зная, что парни прислали ей билет первого класса, просто чтобы она смогла быть здесь сегодня. Мы крепко обнимаемся, и я закрываю глаза, наслаждаясь моментом. Мама тоже не идеальна, но никто не идеален. Неужели она совершила ошибку, когда ушла от меня? Я так думаю, но я не собираюсь обвинять её в ошибках, потому что она человек. Она несовершенна, как и я. И я знаю, что она любит меня так сильно, как только может, по-своему.

— Я тоже, — произносит она, отстраняясь и мягко улыбаясь. Она выглядит даже лучше, чем, когда я видела её в последний раз, и я задаюсь вопросом, имеет ли к этому какое-то отношение Йен Дэйв. Возможно, он встречался с ней, когда расследовал дело о Братстве, но я думаю, что то, что у них есть, реально. Может быть, теперь, когда он закончил с Академией Адамсон, они смогут проводить больше времени вместе? — Ты готова?

— Да, — отвечаю я, беря её за руку и ведя вниз по ступенькам дома директора и по извилистой дорожке к главному зданию.

Парни стоят вокруг скамейки на первом повороте, на том самом месте, где Спенсер ждал меня перед зимними каникулами, целуя меня и заставляя подвергать сомнению всё, что, как мне казалось, я знала, чего, как мне казалось, я хотела.

— Привет, Чак-лет, — говорит он, когда мама отпускает мою руку, и я подхожу к нему, теряясь в его бирюзовых глазах и улыбке. Мы целуемся, короткое касание губ, которое могло бы длиться вечно. Я бы умерла такой счастливой, но мне не хватало бы остальных.

— Ты выглядишь... — начинают близнецы, и впервые они случайно нарушают своё идеальное единство.

— Великолепно, — говорит Тобиас.

— Потрясающе, — выдыхает Мика, а затем они обмениваются взглядами, и я смеюсь. Неподальёку ухает одна из этих нелепых короткоухих сов, и я закатываю глаза. Извини, приятель, но тайна убийства раскрыта, и ты меня больше не напугаешь.

Я обвиваю одной рукой шею каждого из них, крепко сжимая, пока ветер развеивает вокруг нас розовые лепестки цветов.

— Готова к выпуску? — спрашивает Тобиас, обнимая меня за талию.

— Я готова, — говорю я, целуя их обоих в щёки и пытаюсь отстраниться.

— О нет, ты этого не сделаешь, — говорит Мика, беря меня пальцами за подбородок и целуя в губы. Тобиас не собирается позволять своему близнецу приставать ко мне, поэтому он тоже украдкой целует меня. Тем временем мой папа прочищает горло и переминается с ноги на ногу позади нас.

— Ты выглядишь мило, — произносит Рейнджер, и, хотя он пытается сохранять хладнокровие, я вижу лёгкий румянец на его щеках, когда он заключает меня в объятия, даря мне одно из своих фирменных объятий, которые, кажется, могут выжать всё плохое и снова сделать мир правильным. — Слишком мило для твоего же блага. — Прежде чем я отступаю, чтобы поприветствовать Черча, Рейнджер опускает вырез своей мантии ровно настолько, чтобы я могла разглядеть под ним один из фартуков его бабушки. — Он был любимым у Дженики, — говорит он, и моя улыбка немного смягчается, когда я думаю о девушке, которая так и не закончила школу, но чей брат более чем счастлив увезти память о ней на край света. Её дух живёт в нём опосредованно; я вижу это в каждой улыбке.

— Нервничаешь из-за речи? — спрашиваю я, оглядываясь на Черча, его светлые волосы растрёпаны ветром. В конце концов, он произносит прощальную речь — в этом нет ничего удивительного. Но он качает головой и протягивает мне руку, чтобы я взяла её.

— С чего бы мне бояться? Я усердно трудился, чтобы удостоиться чести произнести её, не так ли? — произнося это, он улыбается, немного смягчая свою высокомерную царственность.

— Черчи! — кричит его мама, поднимаясь по тропинке с отцом и сёстрами на буксире. Его лицо немного бледнеет, но я знаю, что даже несмотря на всё смущение от того, что они заваливают его объятиями и поцелуями, он рад, что они здесь.

И Монтегю не единственные, кто приходит на выпускной.

Там мать Рейнджера, скрытая большой чёрной шляпой с широкими полями, выглядящая как реинкарнация Дженики Вудрафф. Мама и папа Спенсера тоже здесь, но сидят в противоположных концах комнаты, Джек плюхнулся на сиденье справа от матери. МакКарти тоже тут, сидят вместе, но в разных мирах друг от друга.

Там многое нужно разложить по полочкам, между семьями парней и моей.

Но у нас есть всё время в мире, чтобы сделать это.

Во-первых, мы заканчиваем учёбу. Далее мы путешествуем. Потом мы поступаем в колледж.

И всё это время мы растём, меняемся, любим, совершаем ошибки и учимся.

Мой папа произносит речь первым, как всегда непревзойдённый директор школы, а Черч поднимается на трибуну в конце церемонии.

— Говорят, что наши школьные годы — лучшие годы в жизни человека. Я со всем уважением не соглашусь. В то время как я встретил фантастических людей здесь, в Академии Адамсон, в то время как я влюбился в прекрасную девушку, — он смотрит прямо на меня, и мои щёки вспыхивают, когда толпа оборачивается, чтобы посмотреть, кто запечатлел его ослепительную улыбку, — Я думаю, что нет лучших моментов в моей жизни. Нам всем просто повезло, что мы остались живы, и точка. И если мы счастливы здесь, в этом маленьком уголке времени, в этом кусочке вечности, тогда этого достаточно.

Толпа как сумасшедшая аплодирует ему — как и следовало ожидать, потому что Черч чертовски потрясающий, — и церемония заканчивается тем, что мы держим наши дипломы в одной руке, а наше будущее — в другой.

— В закусную за мороженым? — предлагает Спенсер, и мы все поднимаем наши дипломы в знак согласия, как рыцари поднимают свои мечи.

— За мороженым и кофе, — поправляет Черч, и я ухмыляюсь.

— Мороженое, кофе и хорошая компания, — соглашаюсь я, и мы вместе в последний раз проходим по каменным коридорам, выходим на солнечный свет и в наше будущее.

Это Чак Карсон, тайная девушка, со своими безжалостными парнями, своей вечной командой.

Мир, любовь и розовые кексы, друзья мои.

Всегда помните: обнимайте так, как будто вы этого хотите, любите всем сердцем и время от времени готовьте что-нибудь голышом.

Снова и снова.